B D431
.T56
1911

O zhizni.

L. N. Tolstoĭ

№ 1024.

Библіотека

при книжно-бумажн.

магазинѣ

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

BD431
.T56
1911

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00024462494

Distributed by:
Russian Language Specialties
Post Office Box 711
Pullman, Michigan 49450

Гр. Л. Н. ТОЛСТОЙ.

BD431
.T5G
1911

О ЖИЗНИ.

Изданіе Б. Ф. КОХА.

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

БИБЛІОТЕКА
При книжномъ магазинѣ
А. А. Иванкова.
въ г. Выборгѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
еч. „Графическаго Института“, Бр. Лукшевицъ. 5 Рождествен., 44.
1911.

Distributed by:
Russian Language Specialties
Post Office Box 711
Pullman, Michigan 49450

О жизни[1]).

Гр. Л. Н. ТОЛСТОГО.

L'homme n'est pu'un roseau, le plus faible de la nature, mais c'est, un rosseau pensant. Il ne faut pas que l'univers entier s'arme pour l'écraser. Une vapeur, une goutte d'eau suffit pour le tuer. Mais quand l'univers l'écraserait, l'homme serait encore plus noble que ce qui le tue, parce qu'il sait qu'il meurt: et l'avantage que l'univers a sur lui l'univers n'en sait rien. Ainsi, toute notre dignité consiste dans la pensée. C'est de la qu'il faut nous relever, non de l'espace et de le durée. Travaillons donc a bien penser; voila le principe de la morale.

Pascal.

Zwei Dinge erfüllen mir das Gemüth mit immer neuer und zunehmender Bewunderung und Ehrfurcht, je öfter und anhaltender sich das Nachdenken damit beschäftigt: der bestirnte Himmel über mit, und das moralische Gesetz in mir... Das erste fängt von dem Platze an, den ich in der äussern Sinnenwelt einnehme, und erweitert die Verknüpfung, darin ich stehe, ins unabsehlich Grosse mit Welten über Welten und Systemen von Systemen, überdem noch in grenzenlose Zeiten ihrer periodischen Bewegung, deren Anfang uud Fortdauer. Das zweite fängt von meinem unsichtbaren Selbst, meiner Persönlichkeit an, und stellt mich in einer Welt dar, die wahre Unendlichkeit hat, aber nur dem Verstande spürbar ist, und mit welcher ich mich, nicht wie dort in blos zufälliger, sondern allgemeiner und nothwendiger Verknüpfung erkenne,

Kant, Krit. der pract. Vern. Beschluss.

„Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга.“ Ев. Іоан. XII, 34.

---

[1]) Съ 2-го изд. „Свободнаго Слова“, № 70 подъ ред. В. Черткова, 1903.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Представимъ себѣ человѣка, котораго единственнымъ средствомъ къ жизни была бы мельница. Человѣкъ этотъ—сынъ и внукъ мельника и по преданію твердо знаетъ, какъ надо во всѣхъ частяхъ ея обращаться съ мельницей, чтобы она хорошо молола. Человѣкъ этотъ, не зная механики, прилаживалъ, какъ умѣлъ, всѣ части мельницы такъ, чтобы размолъ былъ спорый, хорошій, и человѣкъ жилъ и кормился.

Но случилось этому человѣку раздуматься надъ устройствомъ мельницы, услыхать кое-какіе неясные толки о механикѣ, и онъ сталъ наблюдать, что отъ чего вертится.

И отъ порхлицы до жернова, отъ жернова до вала, отъ вала до колеса, отъ колеса до заставокъ, плотины и воды дошелъ до того, что ясно понялъ, что все дѣло въ плотинѣ и въ рѣкѣ. И человѣкъ такъ обрадовался этому открытію, что вмѣсто того, чтобы, по прежнему сличая качество выходящей муки, отпускать и поднимать жернова, ковать ихъ, натягивать и ослаблять ремень, сталъ изучать рѣку. И мельница его совсѣмъ разладилась. Стали мельнику говорить, что онъ не то дѣлаетъ. Онъ спорилъ и продолжалъ разсуждать о рѣкѣ. И такъ много и долго работалъ надъ этимъ, такъ горячо и много спорилъ съ тѣми, которые показывали ему неправильность его пріема мысли, что подъ конецъ и самъ убѣдился въ томъ, что рѣка и есть самая мельница.

На всѣ доказательства неправильности его разсужденій такой мельникъ будетъ отвѣчать: никакая мельница не мелетъ безъ воды; слѣдовательно, чтобы знать мельницу, надо знать какъ пускать воду, надо знать силу ея движенія и откуда она берется,—слѣдовательно, чтобы знать мельницу, надо познать рѣку.

Логически мельникъ неопровержимъ въ своемъ разсужденіи. Единственное средство вывести его изъ его заблужденія состоитъ въ томъ, чтобы показать ему, что въ каждомъ разсужденіи не столько важно само разсужденіе, сколько занимаемое разсужденіемъ мѣсто, т. е., что для того, чтобы плодотворно мыслить, необходимо

знать, о чемъ прежде надо мыслить, и о чемъ послѣ; показать ему, что разумная дѣятельность отличается отъ безумной только тѣмъ, что разумная дѣятельность распредѣляетъ свои разсужденія по порядку ихъ важности: какое разсужденіе должно быть 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 10-мъ и т. д. Безумная же дѣятельность состоитъ въ разсужденіяхъ безъ этого порядка. Нужно показать ему и то, что опредѣленіе этого порядка не случайно, а зависитъ отъ той цѣли, для которой и производятся разсужденія.

Цѣль всѣхъ разсужденій и устанавливаетъ порядокъ, въ которомъ должны располагаться отдѣльныя разсужденія для того чтобы быть разумными.

И разсужденіе, не связанное съ общей цѣлью всѣхъ разсужденій безумно, какъ бы оно ни было логично.

Цѣль мельника въ томъ, чтобы у него былъ хорошій размолъ, и эта-то цѣль если онъ не будетъ упускать ее изъ вида, опредѣлитъ для него несомнѣнный порядокъ и послѣдовательность его разсужденій о жерновахъ, о колесѣ, плотинѣ и о рѣкѣ.

Безъ этого же отношенія къ цѣли разсужденій, разсужденія мельника, какъ бы они ни были красивы и логичны, сами въ себѣ будутъ неправильны и, главное, праздны; будутъ подобны разсужденіямъ Кифы Мокіевича, разсуждавшаго о томъ, какой толщины должна бы быть скорлупа слоноваго яйца, если бы слоны выводились изъ яицъ, какъ птицы.

И таковы, по моему мнѣнію, разсужденія нашей современной науки о жизни.

Жизнь есть та мельница, которую хочетъ изслѣдовать человѣкъ. Мельница нужна для того, чтобы она хорошо молола, жизнь нужна для того только затѣмъ, чтобы она была хорошая. И эту цѣль изслѣдованія человѣкъ не можетъ покидать ни на одно мгновеніе безнаказанно. Если онъ покинетъ ее, то его разсужденія неизбѣжно потеряютъ свое мѣсто и сдѣлаются подобны разсужденіямъ Кифы Мокіевича о томъ, какой нуженъ порохъ, чтобы пробить скорлупу слоновыхъ яицъ.

Изслѣдуетъ человѣкъ жизнь только для того, чтобы она была лучше. Такъ и изслѣдовали жизнь люди, подвигающіе впередъ человѣчество на пути знанія. Но, рядомъ съ этими истинными учителями и благодѣтелями человѣчества, всегда были и теперь есть разсудители, покидающіе цѣль разсужденія и вмѣсто ея разбираю-

щіе вопросъ о томъ, отчего происходитъ жизнь, отчего вертится мельница. Одни утверждаютъ, что отъ воды,—другіе, что отъ устройства. Споръ разгарается, и предметъ разсужденія отодвигается все дальше и дальше и совершенно замѣняется чуждыми предметами.

Есть старинная шутка о спорѣ жидовина съ христіаниномъ. Разсказывается, какъ христіанинъ, отвѣчая на запутанныя тонкости жидовина, ударилъ его ладонью по плѣши такъ, что щелконуло, и задалъ вопросъ: отчего щелконуло? отъ ладони или отъ плѣши? И споръ о вѣрѣ замѣнился новымъ неразрѣшимымъ вопросомъ.

Что-то подобное съ древнѣйшихъ временъ рядомъ съ истиннымъ знаніемъ людей происходитъ и по отношенію къ вопросу о жизни.

Съ древнѣйшихъ временъ извѣстны разсужденія о томъ, отчего происходитъ жизнь? отъ невещественнаго начала или отъ различныхъ комбинацій матеріи? И разсужденія эти продолжаются до сихъ поръ, такъ что не придвидится имъ никакого конца, именно потому, что цѣль всѣхъ разсужденій оставлена и разсуждается о жизни независимо отъ ея цѣли, и подъ словомъ жизнь разумѣютъ ужъ не жизнь, а то, отчего она происходитъ, или то, что ей сопутствуетъ.

Теперь, не только въ научныхъ книжкахъ, но и въ разговорахъ, говоря о жизни, говорятъ не о той, которую мы всѣ знаемъ,—о жизни, сознаваемой мною тѣми страданіями, которыхъ я боюсь и которыя я ненавижу, и тѣми наслажденіями и радостями, которыхъ я желаю; а о чемъ-то такомъ, что, можетъ быть, возникло изъ игры случайности по нѣкоторымъ физическимъ законамъ, а можетъ быть и отъ того что имѣетъ въ себѣ таинственную причину.

Теперь, слово „жизнь“ приписывается чему-то спорному, не имѣющему въ себѣ главныхъ признаковъ жизни: сознанія страданій и наслажденій, стремленія къ благу.

„La vie est l'ensemble des fonctions, qui resistent à la mort. La vie esi l'ensemble des phénoménes, qui se succèdent pendant un temps limité dans un être organisé“.

„Жизнь есть двойной процессъ разложенія и соединенія, общаго и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывнаго. Жизнь есть извѣстное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, совершающихся послѣдовательно. Жизнь есть организмъ въ дѣйствіи. Жизнь есть особенная дѣятельность

органическаго вещества. Жизнь есть приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ".

Не говоря о неточностяхъ, тавтологіяхъ, которыми наполнены всѣ эти опредѣленія, сущность ихъ всѣхъ одинакова, именно та, что опредѣляется не то, что всѣ люди одинаково безспорно разумѣютъ подъ словомъ „жизнь", а какіе-то процессы, сопутствующіе жизни и другимъ явленіямъ.

Подъ большинство этихъ опредѣленій подходитъ дѣятельность возстанавливающагося кристалла; подъ нѣкоторыя подходитъ дѣятельность броженія, гніенія, и подъ всѣ подходитъ жизнь каждой отдѣльной клѣточки моего тѣла, для которыхъ нѣтъ ничего—ни хорошаго, ни дурного. Нѣкоторые процессы, происходящіе въ кристаллахъ, въ протоплазмѣ, въ ядрѣ протоплазмы, въ клѣточкахъ моего тѣла и другихъ тѣлъ, называютъ тѣмъ словомъ, которое во мнѣ неразрывно соединено съ сознаніемъ стремленія къ моему благу.

Разсужденіе о нѣкоторыхъ условіяхъ жизни, какъ о жизни, все равно, что разсужденіе о рѣкѣ, какъ о мельницѣ. Разсужденія эти, можетъ быть, для чего-нибудь очень нужны. Но разсужденія эти не касаются того предмета, который они хотятъ обсуживать. И потому всѣ заключенія о жизни, выводимыя изъ такихъ разсужденій, не могутъ не быть ложны.

Слово „жизнь" очень коротко и очень ясно, и всякій понимаетъ, что оно значитъ. Но именно потому, что всѣ понимаютъ, что оно значитъ, мы и обязаны употреблять его всегда въ этомъ понятномъ всѣмъ значеніи. Вѣдь слово это понятно всѣмъ не потому, что оно очень точно опредѣлено другими словами и понятіями, а напротивъ, потому, что слово это означаетъ основное понятіе, изъ котораго выводятся многія, если не всѣ другія понятія и поэтому для того, чтобы дѣлать выводы изъ этого понятія, мы обязаны прежде всего принимать это понятіе въ его центральномъ, безспорномъ для всѣхъ значеніи. А это-то самое, мнѣ кажется, и было упущено спорящими сторонами по отношенію къ понятію жизни. Случилось то, что основное понятіе жизни, взятое вначалѣ не въ его центральномъ значеніи, вслѣдствіе споровъ о немъ все болѣе и болѣе удаляясь отъ основного, всѣми признаваемаго центральнаго значенія, потеряло наконецъ свой основной смыслъ и получило другое, несоотвѣтствующее ему значеніе. Сдѣлалось то, что самый центръ

изъ котораго описывали фигуры, оставленъ и перенесенъ въ новую точку.

Спорятъ о томъ, есть ли жизнь въ клѣточкѣ или въ протоплазмѣ или еще ниже, въ неорганической матеріи? Но прежде, чѣмъ спорить, надо спросить себя: имѣемъ ли мы право приписывать понятіе жизни клѣточкѣ?

Мы говоримъ, напримѣръ, что въ клѣточкѣ есть жизнь, что клѣточка есть живое существо. А между тѣмъ основное понятіе жизни человѣческой и понятіе той жизни, которая есть въ клѣточкѣ, суть два понятія, не только совершенно различныя, но и не соединимыя. Одно понятіе исключаетъ другое. Я открываю, что мое тѣло все безъ остатка состоитъ изъ клѣточекъ. Клѣточки эти, мнѣ говорятъ, имѣютъ то же свойство жизни, какъ и я, и суть такія же живыя существа, какъ и я; но себя я признаю живымъ только потому, что я сознаю себя со всѣми клѣточками, составляющими меня, однимъ нераздѣльнымъ живымъ существомъ. Весь же я безъ остатка, мнѣ говорятъ, составленъ изъ живыхъ клѣточекъ. Чему же я припишу свойство жизни—клѣточкамъ или себѣ? Если я допущу, что клѣточки имѣютъ жизнь, то я отъ понятія жизни долженъ отвлечь главный признакъ своей жизни — сознаніе себя единымъ живымъ существомъ; если же я допущу, что я имѣю жизнь, какъ отдѣльное существо, то очевидно, что клѣточкамъ, изъ которыхъ состоитъ все мое тѣло и о сознаніи которыхъ я ничего не знаю, я никакъ не могу приписать того же свойства.

Или я живой, и во мнѣ есть неживыя частицы, называемыя клѣточками,—или есть сонмище живыхъ клѣточекъ, а мое сознаніе жизни не есть жизнь, а только иллюзія.

Мы вѣдь не говоримъ, что въ клѣточкѣ есть что-то такое, что мы называемъ *брызнь*, а говоримъ, что есть „жизнь“. Мы говоримъ „жизнь“, потому что подъ этимъ словомъ разумѣемъ не какой-то X, а вполнѣ опредѣленную величину, которую мы знаемъ всѣ одинаково и знаемъ только изъ самихъ себя, какъ сознаніе себя съ своимъ тѣломъ единымъ, нераздѣльнымъ съ собою,—и потому такое понятіе неотносимо къ тѣмъ клѣточкамъ, изъ которыхъ состоитъ мое тѣло.

Какими бы изслѣдованіями и наблюденіями ни занимался человѣкъ, для выраженія своихъ наблюденій онъ обязанъ подъ каждымъ словомъ разумѣть то, что всѣми одинаково безспорно разумѣется

а не какое—либо такое понятіе, которое ему нужно, но никакъ не сходится съ основнымъ, всѣмъ извѣстнымъ понятіемъ. Если можно слово „жизнь“ употреблять такъ, что оно обозначаетъ безразлично: и свойство всего предмета, и совсѣмъ другія свойства всѣхъ составныхъ частей его, какъ это дѣлается съ клѣточкой и животнымъ, состоящимъ изъ клѣточекъ, то можно, также употреблять и другія слова, — можно, напримѣръ, говорить, что такъ какъ всѣ мысли изъ словъ, а слова изъ буквъ, а буквы изъ черточекъ, то рисованіе черточекъ есть то же, что изложеніе мыслей, и потому черточки можно назвать мыслями.

Самое обычное явленіе, напримѣръ, въ научномъ мірѣ—слышать и читать разсужденія о происхожденіи *жизни* изъ игры физическихъ, механическихъ силъ.

Да едва ли не большинство научныхъ людей держится этого... затрудняюсь, какъ сказать... мнѣнія не мнѣнія, парадокса не парадокса, а скорѣе шутки или загадки.

Утверждается, что жизнь происходитъ отъ игры физическихъ и механическихъ силъ,—тѣхъ физическихъ силъ, которыя мы назвали физическими и механическими только въ противоположность понятію жизни.

Очевидно, что неправильно прилагаемое къ чуждымъ ему понятіямъ слово „жизнь“, уклоняясь далѣе и далѣе отъ своего основного значенія, въ этомъ значеніи удалилось отъ своего центра до того, что жизнь предполагается уже тамъ, гдѣ, по нашему понятію, жизни и быть не можетъ. Утверждается подобное тому, что есть такой кругъ или шаръ, въ которомъ центръ внѣ его периферіи.

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь, которую я не могу себѣ представить иначе, какъ стремленіемъ отъ зла къ благу, происходитъ въ той области, гдѣ я не могу видѣть ни блага, ни зла. Очевидно, что центръ понятія жизни переставленъ совсѣмъ. Мало того, слѣдя за изслѣдованіями объ этомъ чемъ-то, называемомъ жизнью, я вижу даже, что изслѣдованія эти и не касаются почти никакихъ извѣстныхъ мнѣ понятій. Я вижу цѣлый рядъ новыхъ понятій и словъ, имѣющихъ свое условное значеніе въ научномъ языкѣ, но не имѣющихъ ничего общаго съ существующими понятіями.

Извѣстное мнѣ понятіе жизни понимается не такъ, какъ всѣ понимаютъ его, и выводныя изъ него понятія тоже не сходятся съ

обычными понятіями, а являются новыя, условныя понятія, получающія соотвѣтствующія выдуманныя названія.

Человѣческій языкъ вытѣсняется все болѣе и болѣе изъ научныхъ изслѣдованій, и вмѣсто слова, средства выраженія существующихъ предметовъ и понятій, воцаряется научный воляпюкъ, отличающійся отъ настоящаго воляпюка только тѣмъ, что настоящій воляпюкъ общими словами называетъ, существующіе предметы и понятія, а научный—не существующими словами называетъ и не существующія понятія.

Единственное средство умственнаго общенія людей есть слово, и для того, чтобы общеніе это было возможно, нужно употреблять слова такъ, чтобы при каждомъ словѣ несомнѣнно вызывались у всѣхъ соотвѣтствующія и точныя понятія. Если же можно употреблять слова, какъ попало, и подъ словами разумѣть, что намъ вздумается, то лучше уже не говорить, а показывать все знаками.

Я согласенъ, что опредѣлять законы міра изъ однихъ выводовъ разума безъ опыта и наблюденія, есть путь ложный и не научный, т. е. не могущій дать истиннаго знанія: но если изучать явленія міра опытовъ и наблюденіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ руководствоваться въ этихъ опытахъ и наблюденіяхъ понятіями не основными, общими всѣмъ, а условными, и описывать результаты этихъ опытовъ словами, которымъ можно приписывать различное значеніе, то не будетъ ли еще хуже? Самая лучшая аптека принесетъ величайшій вредъ, если ярлыки на банкахъ будутъ наклеиваться не по содержанію, а какъ удобнѣе аптекарю.

Но мнѣ скажутъ: наука и не ставитъ себѣ задачей изслѣдованія всей совокупности жизни (включая въ нее волю, желаніе блага и душевный міръ); она только дѣлаетъ отвлеченіе отъ понятія жизни тѣхъ явленій, которыя подлежатъ ея опытнымъ изслѣдованіямъ.

Вотъ это было бы прекрасно и законно. Но мы знаемъ, что это совсѣмъ не такъ въ представленіи людей науки нашего времени. Если бы было прежде всего признано понятіе жизни въ его центральномъ значеніи, въ томъ, въ которомъ всѣ его понимаютъ, и потомъ было бы ясно опредѣлено, что наука, сдѣлавъ отъ этого понятія отвлеченіе всѣхъ сторонъ его, кромѣ одной, подлежащей внѣшнему наблюденію, разсматриваетъ явленія съ одной этой стороны, для которой она имѣетъ свойственные ей методы изслѣдова-

нія, тогда бы было прекрасно и было бы совсѣмъ другое дѣло: тогда и мѣсто, которое заняла бы наука, и результаты, къ которымъ бы мы приходили на основаніи науки, были бы совсѣмъ другіе. Надо говорить то, что есть, а не скрывать того, что мы всѣ знаемъ. Развѣ мы не знаемъ, что большинство опытно-научныхъ изслѣдователей жизни вполнѣ увѣрены, что они изучаютъ не одну только сторону жизни, а всю жизнь.

Астрономія, механика, физика, химія и всѣ другія науки вмѣстѣ, и каждая порознь, разрабатываютъ каждая подлежащую ей сторону жизни, не приходя ни къ какимъ результатамъ о жизни вообще. Только во времена своей дикости, т. е неясности, неопредѣленности, нѣкоторыя науки эти пытались съ своей точки зрѣнія охватить всѣ явленія жизни и путались, сами выдумывая новыя понятія и слова. Такъ это было съ астрономіей, когда она была астрологіей, такъ было и съ химіей, когда она была алхиміей. Тоже происходитъ и теперь съ той опытной эволюціонной наукой, которая, разсматривая одну сторону или нѣкоторыя стороны жизни, заявляетъ притязанія на изученіе всей жизни.

Люди съ такимъ ложнымъ взглядомъ на свою науку, никакъ не хотятъ признать того, что ихъ изслѣдованіямъ подлежатъ только нѣкоторыя стороны жизни, но утверждаютъ, что вся жизнь со всѣми ея явленіями будетъ изслѣдована ими путемъ внѣшняго опыта. „Если, говорятъ они, — „*психика*“ (они любятъ это неопредѣленное слово своего воляпюка) неизвѣстна еще намъ, то она будетъ намъ извѣстна“. Изслѣдуя одну или нѣсколько сторонъ жизненныхъ явленій, мы узнаемъ всѣ стороны; т. е. другими словами, что если очень долго и усердно смотрѣть на предметъ съ одной стороны, то мы увидимъ предметъ со всѣхъ сторонъ и даже изъ середины.

Какъ ни удивительно такое странное ученіе, объяснимое только фанатизмомъ суевѣрія, оно существуетъ, и, какъ всякое дикое фанатическое ученіе, производитъ свое гибельное вліяніе, направляя дѣятельность человѣческой мысли на путь ложный и праздный. Гибнутъ добросовѣстные труженики, посвящающіе свою жизнь на изученіе почти ненужнаго, гибнутъ матеріальныя силы людей, направляясь туда, куда не нужно, гибнутъ молодыя поколѣнія, направляемыя на самую праздную дѣятельность Кифъ Мокіевичей, возведенную на степень высшаго служенія человѣчеству.

Говорятъ обыкновенно: наука изучаетъ жизнь со всѣхъ сторонъ.

Да въ томъ то и дѣло, что у всякаго предмета столько же сторонъ, сколько радіусовъ въ шарѣ, т. е. безъ числа, и что нельзя изучать со всѣхъ сторонъ, а надо знать, съ какой стороны важнѣе, нужнѣе, и съ которой менѣе важно и менѣе нужно. Какъ нельзя подойти къ предмету сразу со всѣхъ сторонъ, такъ нельзя сразу со всѣхъ сторонъ изучать явленія жизни. И волей-неволей устанавливается послѣдовательность. Вотъ въ ней то и все дѣло. Послѣдовательность же эта дается только разумѣніемъ жизни.

Только правильное разумѣніе жизни даетъ должное значеніе и направленіе наукѣ вообще и каждой наукѣ въ особенности, распредѣляя ихъ по важности ихъ значенія относительно жизни. Если же разумѣніе жизни не таково, какимъ оно вложено во всѣхъ насъ, то и самая наука будетъ ложная.

Не то, что мы назовемъ наукой, опредѣлитъ жизнь, а наше понятіе о жизни опредѣлитъ то, что слѣдуетъ признать наукой. И потому для того, чтобы наука была наукой, долженъ быть прежде рѣшенъ вопросъ о томъ, что есть наука и что не наука, а для этого должно быть уяснено понятіе о жизни.

Скажу откровенно всю свою мысль: мы всѣ знаемъ основной догматъ вѣры этой ложной опытной науки.

Существуетъ матерія и ея энергія. Энергія движетъ, движеніе механическое переходитъ въ молекулярное, выражается тепломъ, электричествомъ, нервной, мозговой дѣятельностью. И всѣ безъ исключенія явленія жизни объясняются отношеніями энергій. Все такъ красиво, просто, ясно, и, главное, удобно. Такъ что, если нѣтъ всего того, чего намъ такъ хочется и что такъ упрощаетъ всю нашу жизнь, то все это надо какъ-нибудь выдумать.

И вотъ вся моя дерзкая мысль: главная доля энергіи, страстности, дѣятельности опытной науки зиждется на желаніи выдумать все то, что нужно для подтвержденія столь удобнаго представленія.

Во всей дѣятельности этой науки видишь не столько желаніе изслѣдовать явленія жизни, сколько одну, всегда присущую, заботу доказать справедливость своего основного догмата. Что потрачено силъ на попытки объясненій происхожденія органическаго изъ неорганическаго и психической дѣятельности изъ процессовъ организма? Не переходитъ неорганическое въ органическое: поищемъ на днѣ моря — найдемъ штуку, которую назовемъ ядромъ, монерой.

И тамъ нѣтъ; будемъ вѣрить что найдется, — тѣмъ болѣе, что къ нашимъ услугамъ цѣлая безконечность вѣковъ, куда мы можемъ спихивать все, что должно быть по нашей вѣрѣ, но чего нѣтъ въ дѣйствительности.

То же и съ переходомъ изъ органической дѣятельности въ психическую. Нѣтъ еще? Но мы вѣримъ, что будетъ, и всѣ усилія ума употребляемъ на то, чтобы доказать хоть возможность этого.

Споры о томъ, что не касается жизни: именно о томъ, отчего происходитъ анимизмъ ли это, витализмъ ли, или понятіе еще особой какой силы, скрыли отъ людей главный вопросъ жизни,— тотъ вопросъ, безъ котораго понятіе жизни теряетъ свой смыслъ, и привели понемногу людей науки,—тѣхъ, которые должны вести другихъ,—въ положеніе человѣка, который идетъ и даже очень торопится, но забылъ, куда именно.

Но, можетъ быть, я умышленно стараюсь не видѣть тѣхъ огромныхъ результатовъ, которые даетъ наука въ теперешнемъ ея направленіи? Но вѣдь никакіе результаты не могутъ исправить ложнаго направленія. Допустимъ невозможное, — то, что все, что желаетъ познать теперешняя наука о жизни, о чемъ утверждаетъ (хотя и сама не вѣря въ это), что все это будетъ открыто: допустимъ, что все открыто, все ясно какъ день. Ясно, какъ изъ неорганической матеріи зарождается черезъ приспособленіе органическое; ясно, какъ физическія энергіи переходятъ въ чувства, волю, мысль, и все это извѣстно не только гимназистамъ, но и деревенскимъ школьникамъ.

Мнѣ извѣстно, что такія-то мысли и чувства происходятъ отъ такихъ-то движеній. Ну, и чтожъ? Могу ли я или не могу руководить этими движеніями, чтобы возбуждать въ себѣ такія или другія мысли? Вопросъ о томъ, какія мнѣ надо возбуждать въ себѣ и другихъ мысли и чувства, остается не только нерѣшеннымъ, но даже незатронутымъ.

Знаю я, что люди науки не затрудняются отвѣчать на этотъ вопросъ. Рѣшеніе этого вопроса имъ кажется очень просто, какъ просто всегда кажется рѣшеніе труднаго вопроса тому человѣку, который не понимаетъ его. Рѣшеніе вопроса о томъ, какъ устроить жизнь, когда оно въ нашей власти, для людей науки кажется очень просто. Они говорятъ: устроить такъ, чтобъ люди могли удовлетворять своимъ потребностямъ; наука выработаетъ средства, во-

первыхъ, для того, чтобы правильно распредѣлять удовлетвореніе потребностей, а во-вторыхъ, средства производить такъ много и легко, что всѣ потребности легко будутъ удовлетворены, и люди тогда будутъ счастливы.

Если же спросишь, что называется потребностью, и гдѣ предѣлы потребностей? то на это также просто отвѣчаютъ: наука—на то наука, чтобы распредѣлить потребности на физическія, умственныя, эстетическія, даже нравственныя, и ясно опредѣлить, какія потребности и въ какой мѣрѣ законны, и какія и въ какой мѣрѣ незаконны.

Она со временемъ опредѣлитъ это. Если же спросить, чѣмъ руководствоваться въ опредѣленіи законности и незаконности потребностей? то на это смѣло отвѣчаютъ: изученіемъ потребностей. Но слово потребность имѣетъ только два значенія: или условія существованія, а условій существованія каждаго предмета безчисленное количество, и потому всѣ условія не могутъ быть изучены; или требованія блага живымъ существомъ, познаваемое и опредѣляемое только сознаніемъ и потому еще менѣе могущее быть изученнымъ опытной наукой.

Есть такое учрежденіе, корпорація, собраніе что ли, людей или умовъ, которое непогрѣшимо, и называется наука. Она все это опредѣлитъ со временемъ.

Развѣ не очевидно, что все это рѣшеніе вопроса есть только перефразированное царство Мессіи, въ которомъ роль Мессіи играетъ наука, и что, для того, чтобы объясненіе такое объясняло что-нибудь, необходимо вѣрить въ догматы науки такъ же безконтрольно, какъ вѣрятъ евреи въ Мессію, что и дѣлаютъ правовѣрные науки,— съ тою только разницей, что правовѣрному еврею, представляющему себѣ въ Мессіи посланника Божія, можно вѣрить въ то, что онъ все своею властью устроитъ отлично; для правовѣрнаго же науки по существу дѣла нельзя вѣрить въ то, чтобы посредствомъ внѣшняго изученія потребностей можно было рѣшить главный и единственный вопросъ о жизни.

I.

Основное противорѣчіе человѣческой жизни.

Живетъ всякій человѣкъ только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага. Не чувствуетъ человѣкъ желанія себѣ блага,—онъ и не чувствуетъ себя живущимъ. Человѣкъ не можетъ себѣ представить жизни безъ желанія себѣ блага. Жить для каждаго человѣка все равно, что желать и достигаетъ блага; желать и достигать блага—все равно, что жить.

Жизнь чувствуетъ человѣкъ только въ себѣ, въ своей личности, и потому сначала человѣку представляется, что благо, котораго онъ желаетъ, есть благо только его личности. Ему сначала кажется, что живетъ, истинно живетъ только онъ одинъ. Жизнь другихъ существъ представляется ему совсѣмъ не такой, какъ своя—она представляется ему только подобіемъ жизни; жизнь другихъ существъ человѣкъ только наблюдаетъ и только изъ наблюденій узнаетъ, что они живутъ. Про жизнь другихъ существъ человѣкъ знаетъ, когда хочетъ думать о нихъ, но про себя онъ *знаетъ*, ни на секунду не можетъ перестать *знать*, что онъ живетъ, и потому настоящею жизнью представляется каждому человѣку только своя жизнь. Жизнь другихъ существъ, окружающихъ его, представляется ему только однимъ изъ условій его существованія. Если онъ не желаетъ зла другимъ, то только потому, что видъ страданія другихъ нарушаетъ его благо. Если онъ желаетъ добра другимъ, то совсѣмъ не такъ, какъ себѣ,—не для того, чтобы было хорошо тому, кому онъ желаетъ добра, а только для того, чтобы благо другихъ существъ увеличивало благо его жизни. Важно и нужно человѣку только благо въ той жизни, которую онъ чувствуетъ своею, т. е. свое благо.

И вотъ, стремясь къ достиженію этого своего блага, человѣкъ замѣчаетъ, что благо это зависитъ отъ другихъ существъ. И, наблюдая, разсматривая эти другія существа, человѣкъ видитъ, что всѣ они,—и люди, и даже животныя,—имѣютъ точно такое же представленіе о жизни, какъ и онъ. Каждое изъ этихъ существъ точно такъ же, какъ и онъ чувствуетъ только свою жизнь и свое благо, считаетъ только свою жизнь важною и настоящею, а жизнь всѣхъ другихъ существъ только средствомъ для своего блага. Че-

ловѣкъ видитъ, что каждое изъ живыхъ существъ точно такъ же какъ и онъ, должно быть готово, для своего маленькаго блага, лишить большого блага и даже жизни всѣ другія существа, а въ томъ числѣ и его, такъ разсуждающаго человѣка. И, понявъ это, человѣкъ невольно дѣлаетъ то соображеніе, что если это такъ,— а онъ знаетъ, что это несомнѣнно такъ,—то не одно и не десятокъ существъ, а всѣ безчисленныя существа міра, для достиженія каждое своей цѣли, всякую минуту готовы уничтожить его самого,— того, для котораго одного и существуетъ жизнь. И, понявъ это, человѣкъ видитъ, что его личное благо, въ которомъ одномъ онъ понимаетъ жизнь, не только не можетъ быть легко пріобрѣтено имъ, но навѣрное будетъ отнято отъ него.

Чѣмъ дальше человѣкъ живетъ, тѣмъ больше разсужденіе это подтверждается опытомъ, и человѣкъ видитъ, что жизнь міра, въ которой онъ участвуетъ, составленная изъ связанныхъ между собою личностей, желающихъ истребить и съѣсть одна другую, не только не можетъ быть для него благомъ, но будетъ, навѣрное, великимъ зломъ.

Но мало того: если даже человѣкъ и поставленъ въ такія выгодныя условія, что онъ можетъ успѣшно бороться съ другими личностями, не боясь за свою,—очень скоро и разумъ, и опытъ показываютъ ему, что даже тѣ подобія блага, которыя онъ урываетъ изъ жизни, въ видѣ наслажденій личности, не—блага, а какъ будто образчики блага, данные ему только для того, чтобы онъ еще живѣе чувствовалъ страданія, всегда связанныя съ наслажденіями. Чѣмъ дольше живетъ человѣкъ, тѣмъ яснѣе онъ видитъ, что наслажденія все становится меньше и меньше, а скуки, пресыщенія, трудовъ, страданій все больше и больше. Но мало и этого: начиная испытывать ослабленіе силъ и болѣзни, глядя на болѣзни и старости, смерть другихъ людей, онъ замѣчаетъ еще и то, что и самое его существованіе, въ которомъ одномъ онъ чувствуетъ настоящую, полную жизнь, каждымъ часомъ, каждымъ движеніемъ приближается къ ослабленію, старости, смерти; что жизнь его, кромѣ того, что она подвержена тысячамъ случайностей уничтоженія отъ другихъ борящихся съ нимъ существъ и все увеличивающимся страданіямъ, по самому свойству своему есть только не перестающее приближеніе къ смерти, къ тому состоянію, въ которомъ вмѣстѣ съ жизнью личности навѣрное уничтожится всякая

возможность какого бы то ни было блага личности. Человѣкъ видитъ, что онъ, его личность—то, въ чемъ одномъ онъ чувствуетъ жизнь, только и дѣлаетъ, что борется съ тѣмъ, съ чѣмъ нельзя бороться,—со всѣмъ міромъ, что онъ ищетъ наслажденій, которыя даютъ только подобіе блага и всегда кончаются страданіями, и хочетъ удержать жизнь, которую нельзя удержать. Человѣкъ видитъ, что онъ самъ, сама его личность,—то для чего одного они желаетъ блага и жизни,—не можетъ имѣть: благо и жизнь, имѣютъ только тѣ чуждыя ему существа, которыхъ онъ не чувствуетъ и не можетъ чувствовать, и про существованіе которыхъ онъ знать и не можетъ, и не хочетъ.

То, что для него важнѣе всего и что одно нужно ему, что—ему кажется—одно живетъ по-настоящему, его личность, то гибнетъ, то будетъ кости, черви—не онъ; а то, что для него не нужно, не важно, что онъ не чувствуетъ живущимъ, весь тотъ міръ борющихся и сѣняющихся существъ, то и есть настоящая жизнь, то останется и будетъ жить вѣчно. Такъ что та единственно чувствуемая человѣкомъ жизнь, для которой происходитъ вся его дѣятельность, оказывается чѣмъ-то обманчивымъ и невозможнымъ, а жизнь внѣ его, не любимая, не чувствуемая имъ, неизвѣстная ему, и есть единая настоящая жизнь.

То, чего онъ не чувствуетъ, то только и имѣетъ тѣ свойства, которыя онъ желалъ бы имѣть. И это не то, что такъ представляется человѣку въ дурныя минуты его унылаго настроенія,—это не представленіе, которое можно не имѣть, а это, напротивъ, такая очевидная, несомнѣнная истина, что если мысль эта сама хоть разъ придетъ человѣку, или другіе хотя разъ растолкуютъ ему ее, то онъ никогда ужъ не отдѣлается отъ нея, ничемъ не выжжетъ ее изъ своего сознанія.

II.

Противорѣчіе жизни сознано человѣчествомъ съ древнѣйшихъ временъ. Просвѣтители человѣчества открывали людямъ опредѣленія жизни, разрѣшающія это внутреннее противорѣчіе, но фарисеи и книжники скрываютъ ихъ отъ людей.

Единственная представляющаяся человѣку сначала цѣль жизни есть благо его личности, но блага для личности не можетъ быть; если бы и было въ жизни нѣчто, похожее на благо, то жизнь, въ

которой одной возможно благо, жизнь личности, каждымъ движеніемъ, каждымъ дыханіемъ неудержимо влечется къ страданіямъ, къ злу, къ смерти, къ уничтоженію.

И это такъ очевидно и такъ ясно, что всякій мыслящій человѣкъ, и молодой, и старый, и образованный, и необразованный, всякій видитъ это. Разсужденіе это такъ просто и естественно, что оно представляется всякому человѣку разумному и съ древнѣйшихъ временъ было извѣстно человѣчеству.

„Жизнь человѣка, какъ личности, стремящейся только къ своему благу, среди безконечнаго числа такихъ же личностей, уничтожающихъ другъ друга и самихъ уничтожающихся, есть зло и безсмыслица, и жизнь истинная не можетъ быть такою". Съ древнѣйшихъ временъ сказалъ себѣ это человѣкъ, и это внутреннее противорѣчіе жизни человѣка съ необычайной силой и ясностью было выражено и индійскими, и китайскими, и египетскими, и греческими, и еврейскими мудрецами; и съ древнѣйшихъ временъ разумъ человѣка былъ направленъ на познаніе такого блага человѣка, которое не уничтожалось бы борьбой существъ между собою, страданіями и смертью. Въ большемъ и большемъ уясненіи этого несомнѣннаго, ненарушимаго борьбою, страданіями и смертью блага человѣка и состоитъ все движеніе впередъ человѣчества съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ его жизнь.

Съ самыхъ древнихъ временъ и у самыхъ различныхъ народовъ великіе учителя человѣчества открывали людямъ все болѣе ясныя опредѣленія жизни, разрѣшающія ея внутреннее противорѣчіе и указана ими истинное благо и истинная жизнь, свойственныя людямъ. А такъ какъ положеніе въ мірѣ всѣхъ людей одинаково, и потому одинаково для всякаго человѣка противорѣчіе его стремленія къ своему личному благу и сознанія невозможности его, то одинаковы, по существу, и всѣ опредѣленія истиннаго блага и потому истинной жизни, открытыя людямъ, величайшими умами человѣчества.

„Жизнь—это распространеніе того свѣта, который для блага людей сошелъ въ нихъ съ неба," сказалъ Конфуцій за 600 лѣтъ до Р. Х.

„Жизнь—это странствованіе и совершенствованіе душъ, достигающихъ все большаго и большаго блага," сказали брамины того же времени.

„Жизнь—это отреченіе отъ себя для достиженія блаженной нирваны“, сказалъ Будда, современникъ Конфуція.

„Жизнь—это путь смиренія и униженія для достиженія блага“, сказалъ Лао-дзе, тоже современникъ Конфуція.

„Жизнь—это то, что вдунулъ Богъ въ ноздри человѣка, для того, чтобы онъ, исполняя его законъ, получилъ благо,“ говоритъ еврейская мудрость.

„Жизнь—это подчиненіе разуму, дающее благо человѣку,“ сказали стоики.

„Жизнь—это любовь къ Богу и ближнему, дающая благо человѣку,“ сказалъ Христосъ, включая въ свое опредѣленіе всѣ предшествующія.

Таковы опредѣленія жизни, которыя за тысячи лѣтъ до насъ, указывая людямъ вмѣсто ложнаго и невозможнаго блага личности, дѣйствительное, неуничтожимое благо, разрѣшаютъ противорѣчіе человѣческой жизни и даютъ ей разумный смыслъ. Можно не соглашаться съ этими опредѣленіями жизни, можно предполагать, что опредѣленія эти могутъ быть выражены точнѣе и яснѣе, но нельзя не видѣть того, что опредѣленія эти таковы, что признаніе ихъ, уничтожая противорѣчіе жизни и замѣняя стремленіе къ недостижимому благу личности другимъ стремленіемъ—къ неуничтожаемому страданіями и смертью благу, даетъ жизни разумный смыслъ. Нельзя не видѣть и того, что опредѣленія эти, будучи теоретически вѣрны, подтверждаются и опытомъ жизни, и что милліоны и милліоны людей, признававшіе и признающіе такія опредѣленія жизни, на дѣлѣ показывали и показываютъ возможность замѣны стремленія къ благу личности другимъ стремленіемъ къ благу такому, которое не нарушается страданіями и смертью.

Но кромѣ тѣхъ людей, которые понимали и понимаютъ опредѣленія жизни, открытыя людямъ великими просвѣтителями человѣчества, и живутъ ими, всегда было и есть огромное большинство людей, которые въ извѣстный періодъ жизни, а иногда во всю свою жизнь жили и живутъ одной животною жизнью, не только не понимая тѣхъ опредѣленій, которыя служатъ разрѣшеніемъ противорѣчія человѣческой жизни, но не видя даже и того противорѣчія ея, которое они разрѣшаютъ. И всегда были и теперь еeть среди этихъ людей еще такіе люди, которые, вслѣдствіе своего внѣшняго исключительнаго положенія, считаютъ себя призванными руководить

человѣчествомъ, и, сами не понимая смысла человѣческой жизни учили и учатъ другихъ людей жизни, которой они не понимаютъ: тому, что жизнь человѣческая есть ни что иное, какъ личное существованіе.

Такіе ложные учители существовали во всѣ времена и существуютъ и въ наше время. Одни исповѣдуютъ на словахъ ученія тѣхъ просвѣтителей человѣчества, въ преданіяхъ которыхъ они воспитаны, но, не понимая ихъ разумнаго смысла, обращаютъ эти ученія въ сверхъестественныя откровенія о прошедшей и будущей жизни людей и требуютъ только исполненія обрядовъ. Это ученіе фарисеевъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. людей, учащихъ тому, что сама въ себѣ неразумная жизнь можетъ быть исправлена вѣрою въ другую жизнь, пріобрѣтаемую исполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ.

Другіе, не признающіе возможности никакой другой жизни, кромѣ видимой, отрицаютъ всякія чудеса и все сверхъестественное и смѣло утверждаютъ, что жизнь человѣка есть ни что̀ иное, какъ его животное существованіе отъ рожденія и до смерти. Это ученіе книжниковъ,—людей, учащихъ тому, что въ жизни человѣка, какъ животнаго, и нѣтъ ничего неразумнаго.

И тѣ и другіе лжеучители, несмотря на то, что ученія тѣхъ и другихъ основаны на одномъ и томъ же грубомъ непониманіи основного противорѣчія человѣческой жизни, всегда враждовали и враждуютъ между собой. Оба ученія эти царствуютъ въ нашемъ мірѣ и, враждуя другъ съ другомъ, наполняютъ міръ своими спорами, — этими самыми спорами скрывая отъ людей тѣ опредѣленія жизни, открывающія путь къ истинному благу людей, которыя уже за тысячи лѣтъ даны человѣчеству.

Фарисеи, не понимая того опредѣленія жизни, которое дано людямъ тѣми учителями, въ преданіяхъ которыхъ они воспитаны, замѣняютъ его своими лжетолкованіями о будущей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ стараются скрыть отъ людей опредѣленія жизни другихъ просвѣтителей человѣчества, выставляя ихъ передъ своими учениками въ самомъ ихъ грубомъ и жестокомъ извращеніи, полагая тѣмъ поддержать исключительный авторитетъ того ученія, на которомъ они основываютъ свои толкованія. Единство разумнаго смысла опредѣленій жизни другихъ просвѣтителей человѣчества не представляется имъ лучшимъ доказательствомъ истинности ихъ

ученія, такъ какъ оно подрываетъ довѣріе къ тѣмъ неразумнымъ лжетолкованіямъ, которыми они замѣняютъ сущность ученія.

Книжники же, и не подозрѣвая въ фарисейскихъ ученіяхъ тѣхъ разумныхъ основъ, на которыхъ они возникли, прямо отрицаютъ всякія ученія о будущей жизни и смѣло утверждаютъ, что всѣ эти ученія не имѣютъ никакого основанія, а суть только остатки грубыхъ обычаевъ невѣжества, и что движеніе впередъ человѣчества состоитъ въ томъ, чтобы не задавать себѣ никакихъ вопросовъ о жизни, выходящихъ за предѣлы животнаго существованія человѣка.

III.

Заблужденія книжниковъ.

И удивительное дѣло! То, что всѣ ученія великихъ умовъ человѣчества такъ поражая людей своимъ величіемъ, что грубые люди придавали имъ большей частью сверхъестественный характеръ и признавали основателей ихъ полубогами,—то самое, что служитъ главнымъ признакомъ значительности этихъ ученій, — это самое обстоятельство и служитъ для книжниковъ лучшимъ, какъ имъ кажется, доказательствомъ неправильности и отсталости этихъ ученій. То, что незначительныя ученія Аристотеля, Бэкона, Конта и другихъ оставались и остаются всегда достояніемъ малаго числа ихъ читателей и почитателей и по своей ложности никогда не могли вліять на массы и потому не подвергались суевѣрнымъ искаженіямъ и наростамъ, этотъ-то признакъ незначительности ихъ признается доказательствомъ ихъ истинности. Ученія же браминовъ, Будды, Зороастра, Лао-дзе, Конфуція, Исаіи, Христа считаются суевѣріями и заблужденіями только потому, что эти ученія переворачивали жизнь милліоновъ.

То, что по этимъ суевѣріямъ жили и живутъ милліарды людей, потому что даже и въ искаженномъ видѣ они даютъ людямъ отвѣты на вопросы объ истинномъ благѣ жизни, то, что ученія эти не только раздѣляются, но служатъ основой мышленія лучшихъ людей всѣхъ вѣковъ, а что теоріи, признаваемыя книжниками, раздѣляются только ими самими, всегда оспариваются и не живутъ иногда и десятка лѣтъ и забываются также быстро, какъ возникаютъ,—ни смущаетъ ихъ нисколько.

Ни въ чемъ съ такою яркостью не выражается то ложное на-

правленіе знанія, которому слѣдуетъ современное общество, какъ то мѣсто, которое занимаютъ въ этомъ обществѣ ученія тѣхъ великихъ учителей жизни, по которымъ жило и образовалось и продолжаетъ жить и образовываться человѣчество. Въ календаряхъ значится, въ отдѣлѣ статистическихъ свѣдѣній, что вѣръ, исповѣдуемыхъ теперь обитателями земного шара—1000. Въ числѣ этихъ вѣръ предполагаются Буддизмъ, Браминизмъ, Конфуціанство, Таоизмъ и Христіанство. Вѣръ 1000, и люди нашего времени совершенно искренно вѣрятъ въ это. Вѣръ 1000, всѣ онѣ вздоръ,— что же ихъ изучать? И люди нашего времени за стыдъ считаютъ, если они не знаютъ послѣднихъ изрѣченій мудрости Спенсера, Гельмгольца и другихъ, но о Браминахъ, Буддѣ, Конфуціи, Лао-дзе, Эпиктетѣ, Исаи иногда знаютъ имена, а иногда и того не знаютъ. Имъ и въ голову не приходитъ, что вѣръ, исповѣдуемыхъ въ наше время, вовсе не тысяча, а только три: китайская, индійская и еврейско христіанская (съ своимъ отросткомъ магометанства), и что книги этихъ вѣръ можно купить за 5 руб. и прочесть въ двѣ недѣли, и что въ этихъ книгахъ, по которымъ жило и теперь живетъ все человѣчество, за исключеніемъ 0,07 почти неизвѣстныхъ намъ, заключена вся мудрость человѣческая, все то что сдѣлало человѣчество такимъ, какое оно есть.

Но мало того, что толпа не знаетъ этихъ ученій—ученые не знаютъ ихъ, если это не ихъ спеціальность; философы по профессіи не считаютъ нужнымъ заглядывать въ эти книги. Да и зачѣмъ изучать тѣхъ людей, которые разрѣшали сознаваемое разумнымъ человѣкомъ противорѣчіе его жизни и опредѣляли истинное благо и жизнь людей? Книжники, не понимая того противорѣчія, которое составляетъ начало разумной жизни, смѣло утверждаютъ, что такъ какъ они его не видятъ, то противорѣчія и нѣтъ никакого и что жизнь человѣка есть только его животное существованіе.

Зрячіе понимаютъ и опредѣляютъ то, что видятъ передъ собой,— слѣпой тыкаетъ передъ собою палкой и утверждаетъ, что и нѣтъ ничего, кромѣ того, что показываетъ ему ощупь палки.

IV.

Ученіе книжниковъ подъ понятіе всей жизни человѣка подставляетъ видимыя явленія его животнаго существованія и изъ нихъ дѣлаетъ выводы о цѣли его жизни.

„Жизнь—это то, что дѣлается въ живомъ существѣ со времени его рожденія и до смерти. Родится человѣкъ, собака, лошадь; у каждаго свое особенное тѣло; и вотъ живетъ это особенное его тѣло; а потомъ умретъ; тѣло разложится, пойдетъ въ другія существа, а того прежняго существа не будетъ. Была жизнь и кончилась жизнь: бьется сердце, дышатъ легкія, тѣло не разлагается—значитъ живъ человѣкъ, собака, лошадь; перестало биться сердце, кончилось дыханіе, стало разлагаться тѣло — значитъ умеръ, и нѣтъ жизни. Жизнь и есть то, что происходитъ въ тѣлѣ человѣка, такъ же, какъ и животнаго, въ промежутокъ времени между рожденіемъ и смертью. Что можетъ быть яснѣе?

Такъ смотрѣли и всегда смотрятъ на жизнь самые грубые, невѣжественные люди, едва выходящіе изъ животнаго состоянія. И вотъ въ наше время ученіе книжниковъ, называющее себя наукой признаетъ это самое грубое первобытное представленіе о жизни единымъ истиннымъ. Пользуясь всѣми тѣми орудіями внѣшняго знанія, которыя пріобрѣло человѣчество, ложное ученіе это систематически хочетъ вести назадъ людей въ тотъ мракъ невѣжества, изъ котораго съ такимъ напряженіемъ и трудомъ оно выбивалось столько тысячъ лѣтъ.

Жизнь мы не можемъ опредѣлить въ своемъ сознаніи, говоритъ это ученіе. Мы заблуждаемся, разсматривая ее въ себѣ. То понятіе о благѣ, стремленіе къ которому въ нашемъ сознаніи составляетъ нашу жизнь, есть обманчивый призракъ, и жизнь нельзя понимать въ этомъ сознаніи. Чтобы понять жизнь, надо только наблюдать ея проявленія, какъ движеніе вещества. Только изъ этихъ наблюденій и выведенныхъ изъ нихъ законовъ мы найдемъ и законъ самой жизни, и законъ жизни человѣка [1]).

---

[1]) Наука настоящая, знающая свое мѣсто и потому свой предметъ, скромная и потому могущественная, никогда не говорила и не говоритъ этого.

Наука физики говоритъ о законахъ и отношеніяхъ силъ, не задаваясь вопросомъ о томъ, что есть сила, и не пытаясь объяснять сущность силы. Наука химіи говоритъ объ отношеніяхъ вещества, не зада-

И вотъ ложное ученіе, подставивъ подъ понятіе всей жизни человѣка, извѣстной ему въ его сознаніи, видимую часть ея—животное существованіе,—начинаетъ изучать эти видимыя явленія сначала въ животномъ человѣкѣ, потомъ въ животныхъ вообще, потомъ въ растеніяхъ, потомъ въ веществѣ, постоянно утверждая при этомъ, что изучаются не нѣкоторыя проявленія жизни, а сама жизнь. Наблюденія такъ сложны, такъ многообразны, такъ запутаны, такъ много времени и усилія тратится на нихъ, что люди понемногу забываютъ о первоначальной ошибкѣ признанія части предмета за весь предметъ и подъ конецъ вполнѣ убѣждаются, что изученіе видимыхъ свойствъ вещества, растеній и животныхъ и есть изученіе самой жизни, той жизни, которая познается человѣкомъ только въ его сознаніи.

Совершается нѣчто подобное тому, что дѣлаетъ показывающій что нибудь на тѣни и желающій поддержать то заблужденіе, въ которомъ находятся его зрители.

„Не смотрите никуда,—говоритъ показывающій,—кромѣ какъ на ту сторону, гдѣ появляются отраженія, и, главное, не глядите на самый предметъ: вѣдь предмета и нѣтъ, а есть только отраженіе его“.

Это самое и дѣлаетъ потворствующая грубой толпѣ ложная наука книжниковъ нашего времени, разсматривая жизнь безъ главнаго опредѣленія ея, стремленія къ благу, открытаго только въ сознаніи человѣка [1]). Исходя прямо изъ опредѣленія жизни независимо отъ стремленія къ благу, ложная наука наблюдаетъ цѣли

ваясь вопросомъ о томъ, что есть вещество, и не пытаясь опредѣлить его сущности. Наука біологіи говоритъ о формахъ жизни, не задаваясь вопросомъ о томъ, что есть жизнь, и не пытаясь опредѣлять ея сущности. И сила, и вещество, и жизнь принимаются истинными науками не какъ предметы изученія, а какъ взятыя за аксіомы изъ другой области знанія точки опоры, на которыхъ строится зданіе каждой отдѣльной науки. Такъ смотритъ на предметъ истинная наука, и эта наука не можетъ имѣть вреднаго, обращающаго къ невѣжеству, вліянія на толпу. Но не такъ смотритъ на свой предметъ ложное мудрствованіе науки. „И вещество, и силу, и жизнь мы изучаемъ; а если мы изучаемъ ихъ, то мы можемъ и познать ихъ“,—говорятъ они, не соображая того, что они изучаютъ не вещество, не силу, не жизнь, а только отношенія и формы ихъ.

[1]) См. прибавленіе первое въ концѣ книги: О ложномъ опредѣленіи жизни.

живыхъ существъ и, находя въ нихъ цѣли, чуждыя человѣку, навязываетъ ихъ ему.

Цѣлью живыхъ существъ представляется при этомъ внѣшнемъ наблюденіи—сохраненіе своей личности, сохраненіе своего вида, воспроизведеніе себѣ подобныхъ и борьба за существованіе, и эта самая воображаемая цѣль жизни навязывается и человѣку.

Ложная наука, взявшая за исходную точку отсталое представленіе о жизни, при которомъ не видно то противорѣчіе жизни человѣческой, которое составляетъ главное ея свойство,—эта мнимая наука въ своихъ послѣднихъ выводахъ приходитъ къ тому, чего требуетъ грубое большинство человѣчества,—къ признанію возможности блага одной личной жизни, къ признанію для человѣка благомъ одного животнаго существованія.

Ложная наука идетъ дальше даже требованій грубой толпы, которымъ она хочетъ найти объясненіе,—она приходитъ къ утвержденію того, что съ перваго проблеска своего отвергаетъ разумное сознаніе человѣка, приходитъ къ выводамъ о томъ, что жизнь человѣка, какъ и всякаго животнаго, состоитъ въ борьбѣ за существованіе личности, рода и вида [1]).

V.

Лжеученіе фарисеевъ и книжниковъ не даютъ ни объясненій смысла настоящей жизни, ни руководства въ ней; единственнымъ руководствомъ жизни является инерція жизни, не имѣющая разумнаго объясненія.

„Жизнь опредѣлять нечего: всякій ее знаетъ, вотъ и все, и давайте жить!“ говорятъ въ своемъ заблужденіи люди, поддерживаемые ложными ученіями. И не зная, что такое жизнь и ея благо, имъ кажется, что они живутъ, какъ можетъ казаться человѣку, несомому по волнамъ безъ всякаго направленія, что онъ плыветъ туда, куда ему надобно и хочется.

Родится ребенокъ въ нуждѣ или роскоши и получаетъ воспитаніе фарисейское или книжническое. Для ребенка, для юноши не существуетъ еще противорѣчія жизни и вопроса о ней, и потому ни объясненіе фарисеевъ, ни объясненіе книжниковъ не нужны ему и не могутъ руководить его жизнью. Онъ учится однимъ примѣромъ

[1]) См. 2-ое прибавленіе.

людей, живущихъ вокругъ него, а примѣръ этотъ, и фарисеевъ, и книжниковъ, одинаковъ: и тѣ, и другіе живутъ только для блага личной жизни, и тому же подъучаютъ и его.

Если родители его въ нуждѣ, онъ узнаетъ отъ нихъ, что цѣль жизни—пріобрѣтеніе побольше хлѣба и денегъ, и какъ можно меньше работы, для того, чтобы животной личности было какъ можно лучше. Если онъ родился въ роскоши, онъ узнаетъ что цѣль жизни—богатство и почести, чтобы какъ можно пріятнѣе и веселѣе проводить время.

Всѣ знанія, которыя пріобрѣтаетъ бѣдный, нужны для него только ради того, чтобы улучшить благосостояніе своей личности. Всѣ знанія науки и искусствъ, которыя пріобрѣтаетъ богатый, несмотря на всѣ высокія слова о значеніи науки и искусствъ, нужны ему только для того, чтобы побороть скуку и провести пріятно время. Чѣмъ дольше живетъ и тотъ, и другой, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе всасывается въ нихъ царствующій взглядъ людей міра. Они вступаютъ въ бракъ, заводятся семьей, и жадность къ пріобрѣтенію благъ животной жизни усиливается оправданіемъ семьи: борьба съ другими ожесточается, и устанавливается (инерція) привычка жизни только для блага личности.

Если и западетъ тому или другому, бѣдному или богатому, сомнѣніе въ разумности такой жизни, если тому и другому представится вопросъ о томъ, зачѣмъ эта безцѣльная борьба за свое существованіе, которое будутъ продолжать мои дѣти, или зачѣмъ эта обманчивая погоня за наслажденіями, которыя кончаются страданіями для меня и для моихъ дѣтей, то нѣтъ почти никакого вѣроятія, чтобы онъ узналъ тѣ опредѣленія жизни, которыя давнымъ давно даны были человѣчеству его великими учителями, находившимися за тысячи лѣтъ до него въ томъ же положеніи. Ученія фарисеевъ книжниковъ такъ плотно заслоняютъ ихъ, что рѣдкому удается увидать ихъ.

Одни—фарисеи—на вопросъ о томъ: „зачѣмъ эта бѣдственная жизнь?“—отвѣчаютъ: „жизнь бѣдственна и всегда была и должна быть такою; благо жизни не въ ея настоящемъ, а въ ея прошедшемъ—до жизни, и будущемъ—послѣ жизни“. И браминскіе, и буддійскіе, и таоистскіе, и еврейскіе, и христіанскіе фарисеи говорятъ всегда одно и то же. Жизнь настоящая—зло, и объясненіе этого зла въ прошедшемъ—въ появленіи міра и человѣка; исправ-

леніе же существующаго зла—въ будущемъ за гробомъ. Все, что можетъ сдѣлать человѣкъ для пріобрѣтенія блага, не въ этой, но въ будущей жизни, это—вѣрить въ то ученіе, которое мы преподаемъ вамъ,—исполнять обряды, которые мы предписываемъ.

И сомнѣвающійся, видя на жизни всѣхъ людей, живущихъ для личнаго блага, и на жизни самихъ фарисеевъ, живущихъ для того же, неправду этого объясненія, не углубляясь въ смыслъ ихъ отвѣта, прямо не вѣритъ имъ и обращается къ книжникамъ.

„Всѣ ученія о другой какой-то жизни, чѣмъ та, какую мы видимъ въ животной, есть плодъ невѣжества, говорятъ книжники. Всѣ твои сомнѣнія въ разумности твоей жизни суть праздныя мечтанія. Жизнь міровъ, земли, человѣка, животнаго, растенія, имѣетъ свои законы, и мы изучаемъ ихъ, мы изслѣдуемъ происхожденіе міровъ и человѣка, животныхъ и растеній, и всего вещества; мы изслѣдуемъ и то, что ожидаетъ міры, какъ остынетъ солнце и т. п., и что было и будетъ съ человѣкомъ и со всякимъ животнымъ и растеніемъ. Мы можемъ показать и доказать, что все такъ было и будетъ, какъ мы говоримъ; наши изслѣдованія, кромѣ того, содѣйствуютъ улучшенію благосостоянія человѣка. О жизни же твоей, съ твоимъ стремленіемъ къ благу, мы ничего тебѣ сказать не можемъ, кромѣ того, что ты и безъ насъ знаешь: живешь, такъ и живи, какъ получше“.

И сомнѣвающійся, не получивъ на свой вопросъ никакого отвѣта ни отъ тѣхъ, ни отъ другихъ, остается какъ и былъ прежде, безъ всякаго руководства въ жизни, кромѣ побужденій своей личности.

Одни изъ сомнѣвающихся, по разсужденію Паскаля, сказавъ себѣ: „а что какъ правда все то, чѣмъ пугаютъ фарисеи за неисполненіе ихъ предписаній“ исполняютъ въ свободное время всѣ предписанія фарисеевъ (потери не будетъ, а выгода можетъ быть большая), а другіе, соглашаясь съ книжниками, прямо отрицаютъ всякую другую жизнь и всякіе религіозные обряды и говорятъ себѣ: „не я одинъ, а всѣ такъ жили и живутъ, — что будетъ, то будетъ“. И это различіе не даетъ ни тѣмъ, ни другимъ никакого преимущества: и тѣ, и другіе остаются безъ всякаго объясненія смысла ихъ настоящей жизни.

А жить надо.

Жизнь человѣческая есть рядъ поступковъ отъ вставанья до

постели; каждый день человѣкъ долженъ, не переставая, выбирать изъ сотни возможныкъ для него поступковъ тѣ, которые онъ сдѣлаетъ. Ни ученіе фарисеевъ, объясняющее тайны небесной жизни, ни ученіе книжниковъ, изслѣдующее происхожденіе міровъ и человѣка, и дѣлающее заключеніе о будущей судьбѣ ихъ, не даетъ такого руководства поступковъ. А безъ руководства въ выборѣ своихъ поступковъ человѣкъ не можетъ жить. И вотъ тутъ-то человѣкъ волей-неволей, подчиняется уже не разсужденію, а тому внѣшнему руководству жизни, которое всегда существовало и существуетъ въ каждомъ обществѣ людей.

Руководство это не имѣетъ никакого разумнаго объясненія, но оно-то и движетъ огромнымъ большинствомъ поступковъ всѣхъ людей. Руководство это есть привычка жизни обществъ людей, тѣмъ сильнѣе властвующая надъ людьми, чѣмъ меньше у людей пониманія смысла своей жизни. Руководство это не можетъ бы опредѣленно выражено, потому что слагается оно изъ самыхъ разнообразныхъ, по времени и мѣсту, дѣлъ и поступковъ. Это: свѣчки на дощечкахъ родителей для китайцевъ; это—паломничество къ извѣстнымъ мѣстамъ магометанина; это—извѣстное количество молитвенныхъ словъ для индѣйца; это—вѣрность своему знамени и честь мундира для военнаго, дуэль для свѣтскаго человѣка, кровомщеніе для горца; это—извѣстныя кушанья въ извѣстные дни, извѣстнаго рода воспитаніе своихъ дѣтей; это—визиты, извѣстное убранство жилищъ, извѣстныя празднованья похоронъ, родинъ, свадебъ; это—безчисленное количество дѣлъ и поступковъ, наполняющихъ всю жизнь. Это то, что называется приличіемъ, обычаемъ, а чаще всего долгомъ и даже священнымъ долгомъ.

И вотъ этому-то руководству, помимо объясненій жизни фарисеевъ и книжниковъ, и подчиняется большинство людей. Вездѣ вокругъ себя съ дѣтства человѣкъ видитъ людей, съ полною увѣренностью и внѣшнею торжественностью исполняющихъ эти дѣла, и не имѣя никакого разумнаго объясненія своей жизни, человѣкъ не только начинаетъ дѣлать такія же дѣла, но этимъ дѣламъ старается приписать разумный смыслъ. Ему хочется вѣрить, что люди, дѣлающіе эти дѣла, имѣютъ объясненіе того, для чего и почему они дѣлаютъ то, что дѣлаютъ. И онъ начинаетъ убѣждать себя, что дѣла эти имѣютъ разумный смыслъ и что объясненіе ихъ смысла, если и не вполнѣ извѣстно ему, то извѣстно другимъ людямъ. Но боль-

шинство другихъ людей, не имѣя также разумнаго объясненія жизни, находятся совершенно въ томъ же положеніи, какъ и онъ. Они дѣлаютъ эти дѣла только потому, что имъ кажется, что другіе, имѣя объясненіе этихъ дѣлъ, требуютъ ихъ отъ нихъ. И такъ, невольно обманывая другъ друга, люди все больше и больше не только привыкаютъ дѣлать дѣла, не имѣющія разумнаго объясненія, но привыкаютъ приписывать этимъ дѣламъ какой-то таинственный, непонятный для нихъ самихъ смыслъ. И чѣмъ меньше они понимаютъ смыслъ исполняемыхъ ими дѣлъ, чѣмъ сомнительнѣе для нихъ самихъ эти дѣла, тѣмъ больше приписываютъ они имъ важности и тѣмъ съ большей торжественностью исполняютъ ихъ. И богатый, и бѣдный исполняютъ то, что дѣлаютъ вокругъ нихъ другіе, и дѣла эти называютъ своимъ долгомъ, священнымъ долгомъ, успокоивая себя тѣмъ, что то, что дѣлается такъ давно, такимъ большимъ количествомъ людей и такъ высоко цѣнится ими, не можетъ не быть настоящимъ дѣломъ жизни. И до глубокой старости, до смерти доживаютъ люди, стараясь увѣрить себя, что если они сами не знаютъ, зачѣмъ они живутъ, то это знаютъ другіе — тѣ самые, которые точно такъ же мало знаютъ это, какъ и тѣ, которые на нихъ полагаются.

Приходятъ въ существованіе, родятся, выростаютъ новые люди и, глядя на эту сутолоку существованія, называемую жизнью, въ которой принимаютъ участіе старые, сѣдые, почтенные, окружаемые уваженіемъ люди, увѣряются что эта-то безумная толкотня и есть жизнь, и другой никакой нѣтъ, и уходятъ, потолкавшись у дверей ея. Такъ, не видавшій никогда собранія человѣкъ, увидавъ тѣснящуюся, шумящую, оживленную толпу у входа и рѣшивъ, что это и есть самое собраніе, потолкавшись у дверей, уходитъ домой съ помятыми боками и съ полной увѣренностью, что онъ былъ въ собраніи.

Прорѣзываемъ горы, облетаемъ міръ; электричество, микроскопы, телефоны, войны, парламентъ, филантропія, борьба партій, университеты, ученыя общества, музеи... это ли не жизнь?

Вся сложная, кипучая дѣятельность людей съ ихъ торговлей, войнами, путями сообщенія, наукой, искусствами есть большей частью только давка обезумѣвшей толпы у дверей жизни.

VI.

Раздвоеніе сознанія въ людяхъ нашего міра.

„Но истинно, истинно, говорю вамъ; наступаетъ время и настало уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ“. И время это приходитъ. Сколько бы ни увѣрялъ себя человѣкъ, и сколько бы ни увѣряли его въ этомъ другіе, что жизнь можетъ быть благою и разумною только за гробомъ, или что одна личная жизнь можетъ быть благою и разумною,—человѣкъ не можетъ вѣрить въ это. Человѣкъ имѣетъ въ глубинѣ души своей неизгладимое требованіе того, чтобы жизнь его была благомъ и имѣла разумный смыслъ, а жизнь, не имѣющая передъ собой никакой другой цѣли, кромѣ загробной жизни или невозможнаго блага личности, есть зло и безсмыслица.

Жить для будущей жизни? говоритъ себѣ человѣкъ. Но если та жизнь, тотъ единственный образчикъ жизни, который я знаю,—моя теперешняя жизнь — должна быть безсмысленной, то это не только не утверждаетъ меня въ возможности другой, разумной жизни, но, напротивъ, убѣждаетъ меня въ томъ, что жизнь по существу своему безсмысленна, что никакой другой, кромѣ безсмысленной жизни, и быть не можетъ.

Жить для себя? Но вѣдь моя жизнь личная есть зло и безсмыслица. Жить для своей семьи? Для своей общины? Отечества, человѣчества даже? Но если жизнь моей личности бѣдственна и безсмысленна, то также безсмысленна и жизнь всякой другой человѣческой личности, и потому безконечное количество собранныхъ вмѣстѣ безсмысленныхъ и неразумныхъ личностей не составятъ и одной блаженной и разумной жизни. Жить, самому не зная зачѣмъ, дѣлая то, что дѣлаютъ другіе? Да вѣдь я знаю, что другіе такъ же какъ и я, не знаютъ сами, зачѣмъ они дѣлаютъ то, что дѣлаютъ.

Приходитъ время, когда разумное сознаніе переростаетъ ложныя ученія, и человѣкъ останавливается посреди жизни и требуетъ бъясненія [1]).

Только рѣдкій человѣкъ, не имѣющій сношеній съ людьми дру-

---

[1]) См. 3-е прибавленіе въ концѣ книги.

гихъ образовъ жизни, и только человѣкъ, постоянно занятый напряженной борьбой съ природой для поддержаній своего тѣлеснаго существованія, можетъ вѣрить въ то, что исполненіе тѣхъ безсмысленныхъ дѣлъ, которыя онъ называетъ своимъ долгомъ, можетъ быть свойственнымъ ему долгомъ его жизни.

Наступаетъ время и наступило уже, когда обманъ, выдающій отрицаніе—на словахъ—этой жизни, для приготовленія себѣ будущей, и признаніе одного личнаго животнаго существованія за жизнь и такъ называемаго долга за дѣло жизни,—когда обманъ этотъ становится яснымъ для большинства людей, и только забитые нуждой и отупѣвшіе отъ похотливой жизни люди могутъ еще существовать, не чувствуя безсмысленности и бѣдственности своего существованія.

Чаще и чаще просыпаются люди къ разумному сознанію, оживаютъ въ гробахъ своихъ,—и основное противорѣчіе человѣческой жизни, несмотря на всѣ усилія людей скрыть его отъ себя, со страшной силой и ясностью становится передъ большинствомъ людей. „Вся жизнь моя есть желаніе себѣ блага“, говоритъ себѣ человѣкъ пробудившійся,—разумъ же мой говоритъ мнѣ, что блага этого для меня быть не можетъ, и что бы я ни дѣлалъ, чего бы ни достигалъ, все кончится однимъ и тѣмъ же: страданіями и смертью, уничтоженіемъ. Я хочу блага, я хочу жизни, я хочу разумнаго смысла, а во мнѣ и во всемъ меня окружающемъ зло, смерть, безсмыслица. Какъ быть? Какъ жить? Что дѣлать?“—И отвѣта нѣтъ.

Человѣкъ оглядывается вокругъ себя и ищетъ отвѣта на свой вопросъ и не находитъ его. Онъ найдетъ вокругъ себя ученія, которыя отвѣтятъ ему на вопросы, которыхъ онъ и не дѣлаетъ себѣ, но отвѣта на вопросъ, который онъ ставитъ себѣ, нѣтъ въ окружающемъ мірѣ. Есть одна суета людей, дѣлающихъ, сами не зная зачѣмъ, дѣла, которыя другіе дѣлаютъ, сами не зная зачѣмъ. Всѣ живутъ какъ будто и не сознавая бѣдственности своего положенія и безсмысленности своей дѣятельности. „Или *они* безумны, или *я*“, говоритъ себѣ проснувшійся человѣкъ. „Но всѣ не могутъ быть безумны, стало быть, безуменъ-то я. Но нѣтъ,—то разумное *я*, которое говоритъ мнѣ это, не можетъ быть безумно. Пускай оно будетъ одно противъ всего міра, но я не могу не вѣрить ему“.

И человѣкъ сознаетъ себя однимъ во всемъ мірѣ съ тѣми

страшными вопросами, которые разрываютъ его душу. А жить надо.

Одно *я*, его личность, велитъ ему жить.

А другое *я*, его разумъ, говоритъ: „жить нельзя“.

Человѣкъ чувствуетъ, что онъ раздвоился и это раздвоеніе мучительно раздираетъ душу его.

И причиною этого раздвоенія и страданія ему кажется его разумъ.

Разумъ—та высшая способность человѣка, необходимая для его жизни, которая даетъ ему, нагому, безпомощному человѣку, среди разрушающихъ его силъ природы, и средства къ существованію, и средства къ наслажденію,—эта-то способность отравляетъ его жизнь.

Во всемъ окружающемъ мірѣ, среди живыхъ существъ, свойственныя этимъ существамъ способности нужны имъ, общи всѣмъ имъ и содѣйствуютъ ихъ благу. Растенія, насѣкомыя, животныя, подчиняясь своему закону, живутъ блаженной, радостной, спокойной жизнью. И вдругъ въ человѣкѣ это высшее свойство его природы производитъ въ немъ такое мучительное состояніе, что часто,—все чаще и чаще въ послѣднее время,—человѣкъ разрубаетъ Гордіевъ узелъ своей жизни, убиваетъ себя, только бы избавиться отъ доведеннаго въ наше время до послѣдней степени напряженія мучительнаго внутренняго противорѣчія, производимаго разумнымъ сознаніемъ.

VII.

Раздвоеніе сознанія происходитъ отъ смѣшенія жизни животнаго съ жизнью человѣческой.

Человѣку кажется, что пробудившееся въ немъ разумное сознаніе разрываетъ и останавливаетъ его жизнь только потому, что онъ признаетъ своей жизнью то, что не было, не есть и не могло быть его жизнью.

Воспитавшись и выросши въ ложныхъ ученіяхъ нашего міра, утвердившихъ его въ увѣренности, что жизнь его есть ни что иное какъ его личное существованіе, начавшееся съ его рожденіемъ, человѣку кажется, что онъ жилъ, когда былъ младенцемъ, ребенкомъ; потомъ ему кажется, что онъ не переставая жилъ, будучи юношей и возмужалымъ человѣкомъ. Онъ жилъ, какъ ему кажется, очень давно, и все время не переставая жилъ, и вотъ вдругъ до-

жилъ до того времени, когда ему стало несомнѣнно ясно, что жить такъ, какъ онъ жилъ прежде, нельзя, и что жизнь его останавливается и разрывается.

Ложное ученіе утвердило его въ мысли, что жизнь его есть періодъ времени отъ рожденія до смерти, и, глядя на видимую жизнь животныхъ, онъ смѣшалъ представленіе о видимой жизни съ своимъ сознаніемъ и совершенно увѣрился въ томъ, что эта видимая жизнь и есть его жизнь.

Пробудившееся въ немъ разумное сознаніе, заявивъ такія требованія, которыя неудовлетворимы для жизни животной, указываетъ ему ошибочность его представленія о жизни; но вѣвшееся въ него ложное ученіе мѣшаетъ ему признать свою ошибку: онъ не можетъ отказаться отъ своего представленія о жизни, какъ животнаго существованія, и ему кажется, что жизнь его остановилась отъ пробужденія разумнаго сознанія. Но то, что онъ называетъ своей жизнью,—то, что ему кажется остановившимся, никогда и не существовало. То, что онъ называетъ своей жизнью, его существованіе отъ рожденія, никогда не было его жизнью; представленіе его о томъ, что жилъ все время отъ рожденія и до настоящей минуты, есть обманъ сознанія, подобный обману сознанія при сновидѣніяхъ, до пробужденія не было никакихъ сновидѣній, онѣ всѣ сложились въ моментъ пробужденія. До пробужденія разумнаго сознанія не было никакой жизни, представленія о прошедшей жизни сложилось при пробужденіи разумнаго сознанія.

Человѣкъ жилъ, какъ животное, во время ребячества и ничего не зналъ о жизни. Если бы человѣкъ прожилъ десять мѣсяцевъ, онъ бы ничего не зналъ ни о своей, ни о какой бы то ни было жизни: такъ же мало зналъ бы о жизни, какъ и тогда, когда бы онъ умеръ въ утробѣ матери. И не только младенецъ, но и неразумный взрослый, и совершенный идіотъ не могутъ знать про то, что они живутъ и живутъ другія существа. И потому они и не имѣютъ человѣческой жизни.

Жизнь человѣческая начинается только съ проявленія разумнаго сознанія,—того самаго, которое открываетъ человѣку одновременно и свою жизнь, и въ настоящемъ и въ прошедшемъ, и жизнь другихъ личностей, и все неизбѣжно вытекающее изъ отношеній этихъ личностей, страданія и смерть,—то самое, что производитъ

въ немъ отрицаніе блага личной жизни и противорѣчіе, которое, ему кажется, останавливаетъ его жизнь.

Человѣкъ хочетъ опредѣлять свою жизнь временемъ, какъ онъ опредѣляетъ видимое имъ существованіе внѣ себя, и вдругъ въ немъ пробуждается жизнь, не совпадающая съ временемъ его плотскаго рожденія, и онъ не хочетъ вѣрить тому, что то, что не опредѣляется временемъ, можетъ быть жизнью. Но сколько бы ни искалъ человѣкъ во времени той точки, съ которой бы онъ могъ считать начало своей разумной жизни, онъ никогда не найдетъ ея [1]).

Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ никогда не найдетъ этой точки, этого начала разумнаго сознанія. Ему представляется, что разумное сознаніе всегда было въ немъ. Если же онъ и находитъ нѣчто подобное началу этого сознанія, то онъ находитъ его уже никакъ не въ своемъ плотскомъ рожденіи, а въ области, не имѣющей ничего общаго съ этимъ плотскимъ рожденіемъ. Онъ сознаетъ свое разумное происхожденіе вовсе не такимъ, какимъ ему видится его плотское рожденіе. Спрашивая себя о происхожденіи своего разумнаго сознанія, человѣкъ никогда не представляетъ себѣ, чтобы онъ, какъ разумное существо, былъ сынъ своего отца, матери, и внукъ своихъ дѣдовъ и бабокъ, родившихся въ такомъ-то году, а онъ сознаетъ себя всегда не то, что сыномъ, не слитымъ въ одно съ сознаніемъ самыхъ чуждыхъ ему по времени и мѣсту разумныхъ

---

[1]) Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ слышать разсужденія о зарожденіи и развитіи жизни человѣческой и жизни вообще во времени. Людямъ, разсуждающимъ такъ, кажется, что они стоятъ на самой твердой почвѣ дѣйствительности, а между тѣмъ нѣтъ ничего фантастичнѣе разсужденій о развитіи жизни во времени. Разсужденія эти подобны тому, чтобы дѣлалъ человѣкъ, который, желая измѣрять линію, не откладывалъ бы мѣру отъ той одной извѣстной ему точки, на которой онъ стоитъ, а на безконечной линіи бралъ бы на различныхъ отъ себя неопредѣленныхъ разстояніяхъ воображаемыя точки и отъ нихъ бы измѣрялъ пространство до себя. Развѣ не то же самое дѣлаютъ люди, разсуждая о зарожденіи и развитіи жизни въ человѣкѣ? Въ самомъ дѣлѣ гдѣ взять на этой безконечной линіи, каковою представляется развитіе—изъ прошедшаго—жизни человѣка, ту произвольную точку, съ которой можно начать фантастическую исторію развитія этой жизни! въ рожденіи или зарожденіи ребенка, или его родителей, или еще дальше въ первобытномъ животномъ и протоплазмѣ, въ первомъ оторвавшемся отъ солнца кускѣ? Вѣдь всѣ разсужденія эти будутъ самыя произвольныя фантазіи—измѣренія безъ мѣры.

существъ, живших иногда за тысячи лѣтъ и на другомъ концѣ свѣта. Въ разумномъ сознаніи своемъ человѣкъ не видитъ даже никакого происхожденія себя, а сознаетъ свое внѣвременное и внѣпространственное сліяніе съ другими разумными сознаніями, такъ что они входятъ въ него и онъ въ нихъ. Это-то пробудившееся въ человѣкѣ разумное сознаніе и останавливаетъ какъ будто то подобіе жизни, которое заблудшіе люди считаютъ жизнью: заблудшимъ людямъ кажется, что жизнь ихъ останавливается именно тогда, когда она пробуждается.

VIII.

Раздвоенія и противорѣчія нѣтъ, оно является только при ложномъ ученіи.

Только ложное ученіе о человѣческой жизни, какъ о существованіи животнаго отъ рожденія до смерти, въ которомъ воспитываются и поддерживаются люди, производитъ то мучительное состояніе раздвоенія, въ которое вступаютъ люди при обнаруженіи въ нихъ ихъ разумнаго сознанія.

Человѣку, находящемуся въ этомъ заблужденіи, кажется что жизнь раздваивается въ немъ.

Человѣкъ знаетъ, что жизнь его одна, а чувствуетъ ихъ двѣ. Человѣкъ, перекрутивъ два пальца и между ними катая шарикъ, знаетъ, что шарикъ одинъ, но чувствуетъ ихъ два. Нѣчто подобное происходитъ съ человѣкомъ, усвоившимъ ложное представленіе о жизни.

Разумъ человѣка ложно направленъ. Его научили признавать жизнью одно свое плотское личное существованіе, которое не можетъ быть жизнью.

Съ такимъ ложнымъ представленіемъ о воображаемой жизни онъ взглянулъ на жизнь и увидалъ ихъ двѣ—ту, которую онъ воображалъ себѣ, и ту, которая дѣйствительно есть.

Такому человѣку кажется, что отрицаніе разумнымъ сознаніемъ блага личнаго существованія и требованіе другого блага есть нѣчто болѣзненное и неестественное.

Но для человѣка, какъ разумнаго существа, отрицаніе возможности личнаго блага и жизни есть неизбѣжное послѣдствіе условій личной жизни и свойства разумнаго сознанія, соединеннаго съ нею. Отрицаніе блага и жизни личности есть для разумнаго существа

такое же естественное свойство его жизни, какъ для птицы летать на крыльяхъ, а не бѣгать ногами. Если же оперившійся птенецъ бѣгаетъ ногами, то это не доказываетъ того, чтобы ему несвойственно было летать. Если мы внѣ себя видимъ людей съ непробудившимся сознаніемъ, полагающихъ свою жизнь въ благѣ личности, то это не доказываетъ того, чтобы человѣку было несвойственно жить разумною жизнью. Пробужденіе человѣка къ его истинной, свойственной ему жизни происходитъ въ нашемъ мірѣ съ такимъ болѣзненнымъ напряженіемъ только оттого, что ложное ученіе міра старается убѣдить людей въ томъ, что призракъ жизни есть сама жизнь, и что проявленіе истинной жизни есть нарушеніе ея.

Съ людьми въ нашемъ мірѣ, вступающими въ истинную жизнь, случается нѣчто подобное тому, что бы было съ дѣвушкой, отъ которой были бы скрыты свойства женщины. Почувствовавъ признаки половой зрѣлости, такая дѣвушка приняла бы то состояніе, которое призываетъ ее къ будущей семейной жизни, съ обязанностями и радостями матери, за болѣзненное не и естественное состояніе, которое привело бы ее въ отчаяніе.

Подобное же отчаяніе испытываютъ люди нашего міра при первыхъ признакахъ пробужденія къ истинной человѣческой жизни.

Человѣкъ, въ которомъ проснулось разумное сознаніе, но который вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ свою жизнь только какъ личную, находится въ томъ же мучительномъ состояніи, въ которомъ находилось бы животное, которое, признавъ своею жизнью движеніе вещества, не признавало бы своего закона личности, а только видѣло бы свою жизнь въ подчиненіи себя законамъ вещества, которые совершаются и безъ его усилія. Такое животное испытывало бы мучительное внутреннее противорѣчіе и раздвоеніе. Подчиняя себя однимъ законамъ вещества, оно видѣло бы свою жизнь въ томъ, чтобы лежать и дышать, но личность требовала бы отъ него другого: кормленія себя, продолженія рода,—и тогда животному казалось бы, что оно испытываетъ раздвоеніе и противорѣчіе. „Жизнь,—думало бы оно,—въ томъ, чтобы подчиняться законамъ тяжести, т. е. не двигаться, лежать и подчиняться происходящимъ въ тѣлѣ химическимъ процессамъ, а вотъ я дѣлаю это, а еще надо двигаться, питаться, искать самца или самку“.

Животное страдало бы и видѣло бы въ этомъ состояніи мучительное противорѣчіе и раздвоеніе. То же происходитъ и съ чело-

вѣкомъ, наученнымъ признавать низшій законъ своей жизни, животную личность, закономъ своей жизни. Высшій законъ жизни, законъ его разумнаго сознанія, требуетъ отъ него другого; вся же окружающая жизнь и ложныя ученія удерживаютъ его въ обманчивомъ сознаніи, и онъ чувствуетъ противорѣчіе и раздвоеніе.

Но какъ животному для того, чтобы перестать страдать, нужно признавать своимъ закономъ не низшій законъ вещества, а законъ своей личности, и, исполняя его, пользоваться законами вещества для удовлетворенія цѣлей своей личности, такъ точно и человѣку стоитъ признавать свою жизнь не въ низшемъ законѣ личности, а въ высшемъ законѣ, включающемъ первый законъ,—въ законѣ, открытомъ ему въ его разумномъ сознаніи,—и уничтожится противорѣчіе, и личность будетъ свободно подчиняться разумному сознанію и будетъ служить ему.

IX.

Рожденіе истинной жизни въ человѣкѣ.

Разсматривая во времени, наблюдая проявленіе жизни въ человѣческомъ существѣ, мы видимъ, что истинная жизнь всегда хранится въ человѣкѣ, какъ она хранится въ зернѣ, и наступаетъ время, когда жизнь эта обнаруживается. Обнаруженіе истинной жизни состоитъ въ томъ, что животная личность влечетъ человѣка къ своему благу, разумное же сознаніе показываетъ ему невозможность личнаго блага и указываетъ какое-то другое благо. Человѣкъ вглядывается въ это въ отдаленіи указываемое ему благо и не въ силахъ видѣть его; сначала не вѣритъ въ это благо и возвращается назадъ къ личному благу; но разумное сознаніе, которое указываетъ такъ неопредѣленно свое благо, такъ несомнѣнно и убѣдительно показываетъ невозможность личнаго блага, что человѣкъ опять отказывается отъ личнаго блага, и опять вглядывается въ это новое, указываемое ему благо. Разумное благо не видно, но личное благо такъ несомнѣнно уничтожено, что продолжать личное существованіе невозможно, и въ человѣкѣ начинаетъ устанавливаться новое отношеніе его животнаго къ разумному сознанію. Человѣкъ начинаетъ рождаться къ истинной человѣческой жизни.

Происходитъ нѣчто подобное тому, что происходитъ въ вещественномъ мірѣ при всякомъ рожденіи. Плодъ родится не потому,

что онъ хочетъ родиться, что ему лучше родиться, и что онъ знаетъ, что хорошо родиться, а потому, что онъ назрѣлъ, и ему нельзя продолжать прежнее существованіе; онъ долженъ отдаться новой жизни не столько потому, что новая жизнь зоветъ его, сколько потому, что уничтожена возможность прежняго существованія.

Разумное сознаніе, не замѣтно выростая въ его личности доростаетъ до того, что жизнь въ личности становится невозможною.

Происходитъ совершенно то же, что происходитъ при зарожденіи всего. То же уничтоженіе зерна, прежней формы жизни, и проявленіе новаго ростка; та же кажущаяся борьба прежней формы разлагающагося зерна и увеличеніе ростка,—и то же питаніе ростка на счетъ разлагающагося зерна. Различіе для насъ рожденія разумнаго сознанія отъ видимаго нами плотскаго зарожденія въ томъ, что, тогда какъ въ плотскомъ рожденіи мы видимъ во времени и пространствѣ, изъ чего и какъ, когда и что рождается изъ зародыша, знаемъ, что зерно есть плодъ, что изъ зерна при извѣстныхъ условіяхъ выйдетъ растеніе, что на немъ будетъ цвѣтъ и потомъ плодъ, такой же, какъ зерно (въ глазахъ нашихъ совершается весь круговоротъ жизни),—роста разумнаго сознанія мы не видимъ во времени, не видимъ круговорота его. Не видимъ же мы роста разумнаго сознанія и круговорота его потому, что мы сами совершаемъ его: наша жизнь есть ни что иное, какъ это рожденіе того невидимаго намъ существа, которое рождается въ насъ, и потому-то мы никакъ не можемъ видѣть его.

Мы не можемъ видѣть рожденія этого новаго существа, новаго отношенія разумнаго сознанія къ животному такъ же, какъ зерно не можетъ видѣть роста своего стебля. Когда разумное сознаніе выходитъ изъ своего скрытаго состоянія и обнаруживается для насъ самихъ, намъ кажется, что мы испытываемъ противорѣчіе. Но противорѣчія нѣтъ никакого, какъ нѣтъ его въ проростающемъ зернѣ. Въ проростающемъ зернѣ мы видимъ только, что жизнь, бывшая прежде въ оболочкѣ зерна, теперь уже въ росткѣ его. Точно также и въ человѣкѣ съ проснувшимся разумнымъ сознаніемъ нѣтъ никакого противорѣчія, а есть только рожденіе новаго существа, новаго отношенія разумнаго сознанія къ животному.

Если человѣкъ существуетъ, не зная, что другія личности живутъ, не зная, что наслажденія не удовлетворяютъ его, что онъ

умретъ,—онъ не знаетъ даже и того, что *онъ* живетъ, и въ немъ нѣтъ противорѣчія.

Если же человѣкъ увидалъ, что другія личности—такія же, какъ и онъ, что страданія угрожаютъ ему, что существованіе его есть медленная смерть: если его разумное сознаніе стало разлагать существованіе его личности, онъ уже не можетъ ставить свою жизнь въ этой разлагающейся личности, а неизбѣжно долженъ полагать ее въ той новой жизни, которая открывается ему. И опять нѣтъ противорѣчія, какъ нѣтъ противорѣчія въ зернѣ, пустившемъ уже ростокъ и потому разлагающемся.

X.

Разумъ есть тотъ сознаваемый человѣкомъ законъ, по которому должна совершаться его жизнь.

Истинная жизнь человѣка, проявляющаяся въ отношеніи его разумнаго сознанія къ его животной личности, начинается только тогда, когда начинается отрицаніе блага животной личности. Отрицаніе же блага животной личности начинается тогда, когда пробуждается разумное сознаніе.

Но что же такое это разумное сознаніе? Евангеліе Іоанна начинается тѣмъ, что слово, „Logos“ (логосъ—разумъ, мудрость, слово) есть начало, и что въ немъ, все, и отъ него все; и что потому разумъ—то, что опредѣляетъ все остальное—ничѣмъ не можетъ быть опредѣляемъ.

Разумъ не можетъ быть опредѣляемъ, да намъ и незачѣмъ опредѣлять его, потому что мы всѣ не только знаемъ его, но только разумъ одинъ и знаемъ. Общаясь другъ съ другомъ, мы впередъ увѣрены—больше, чѣмъ во всемъ другомъ, въ одинаковой обязательности для всѣмъ насъ общаго этого разума. Мы убѣждены, что разумъ и есть та единственная основа, которая соединяетъ всѣхъ насъ живущихъ въ одно. Разумъ мы знаемъ вѣрнѣе и прежде всего, такъ что все, что мы знаемъ въ мірѣ, мы знаемъ только потому, что это познаваемое нами сходится съ законами этого разума, несомнѣнно извѣстными намъ. Мы знаемъ и намъ нельзя не знать разума. Нельзя потому, что разумъ, это—тотъ законъ, по которому должны жить неизбѣжно разумныя существа—люди. Разумъ для человѣка—тотъ законъ, по которому совершается его жизнь,—та-

кой же законъ, какъ и тотъ законъ для животнаго, по которому оно питается и плодится,—какъ и тотъ законъ для растенія, по которому растетъ, цвѣтетъ трава, дерево,—какъ и тотъ законъ для небеснаго тѣла, по которому движутся земля и свѣтила. И законъ, который мы знаемъ въ себѣ, какъ законъ нашей жизни, есть тотъ же законъ, по которому совершаются и всѣ внѣшнія явленія міра, только съ тою разницею, что въ себѣ мы знаемъ этотъ законъ, какъ то, что мы сами должны совершать,—во внѣшнихъ же явленіяхъ какъ то, что совершается по этому закону безъ нашего участія. Все, что мы знаемъ о мірѣ, есть только видимое нами, внѣ насъ совершающееся въ небесныхъ тѣлахъ, въ животныхъ, въ растеніяхъ, во всемъ мірѣ, подчиненіе разуму. Во внѣшнемъ мірѣ мы видимъ это подчиненіе закону разума; въ себѣ же мы знаемъ этотъ законъ какъ то, что сами должны совершать.

Обычное заблужденіе о жизни состоитъ въ томъ, что подчиненіе нашего животнаго тѣла своему закону, совершаемое не нами, но только видимое нами, принимается за жизнь человѣческую, тогда какъ этотъ законъ нашего животнаго тѣла, съ которымъ связано наше разумное сознаніе, исполняется въ нашемъ животномъ тѣлѣ такъ же безсознательно для насъ, какъ онъ исполняется въ деревѣ, въ кристаллѣ, въ небесномъ тѣлѣ. Но законъ нашей жизни—подчиненіе нашего животнаго тѣла разуму—есть тотъ законъ, который мы нигдѣ не видимъ, не можемъ видѣть, потому что онъ не совершился еще, но совершается нами въ нашей жизни. Въ исполненіи этого закона, въ подчиненіи своего животнаго закону разума, для достиженія блага, и состоитъ наша жизнь. Не понимая того, что благо и жизнь наша состоятъ въ подчиненіи своей животной личности закону разума, и принимая благо и существованіе своей животной личности за всю нашу жизнь, и отказываясь отъ предназначенной намъ работы жизни, мы лишаемъ себя истиннаго нашего блага и истинной нашей жизни, и на мѣсто ея подставляемъ то видимое намъ существованіе нашей животной дѣятельности, которое совершается независимо отъ насъ и потому не можетъ быть нашей жизнью.

XI.

Ложное направленіе знанія.

Заблужденіе, что видимый нами, на нашей животной личности совершающійся законъ и есть законъ нашей жизни, есть старинное заблужденіе, въ которое всегда впадали и впадаютъ люди. Заблужденіе это, скрывая отъ людей главный предметъ ихъ познанія, подчиненіе животной личности разуму для достиженія блага жизни, ставитъ на мѣсто его изученіе существованія людей, независимо отъ блага жизни.

Вмѣсто того, чтобы изучать тотъ законъ, которому, для достиженія своего блага, должна быть подчинена животная личность человѣка, и, только познавъ этотъ законъ, на основаніи его изучать всѣ остальныя явленія міра, ложное познаніе направляетъ свои усилія на изученіе только блага и существованія животной личности человѣка, безъ всякаго отношенія къ главному предмету знанія,—подчиненію этой животной личности человѣка закону разума, для достиженія блага истинной жизни.

Ложное познаніе, не имѣя въ виду этого главнаго предмета знанія, направляетъ свои силы на изученіе животнаго существованія прошедшихъ и современныхъ людей и на изученіе условій существованія человѣка вообще, какъ животнаго. Ему представляется, что изъ этихъ изученій можетъ быть найдено и руководство для блага жизни человѣческой.

Ложное знаніе разсуждаетъ такъ: люди существуютъ и существовали до насъ, посмотримъ, какъ они существовали, какія происходили во времени и пространствѣ измѣненія въ ихъ существованіи, куда направляются эти измѣненія. Изъ этихъ историческихъ измѣненій ихъ существованія мы найдемъ законъ ихъ жизни.

Не имѣя въ виду главной цѣли знанія,—изученія того разумнаго закона, которому для его блага должна подчиняться личность человѣка,—такъ называемые ученые этого разряда самой цѣлью, которую они ставятъ для своего изученія, изрекаютъ приговоръ о тщетѣ своего изученія. Въ самомъ дѣлѣ: если существованіе людей измѣняется только вслѣдствіе общихъ законовъ ихъ животнаго существованія, то изученіе тѣхъ законовъ, которымъ оно и такъ подчиняется совершенно безполезно и праздно. Знаютъ или не знаютъ

люди о законѣ измѣненія ихъ существованія, законъ этотъ совершается точно такъ же, какъ совершается измѣненіе въ жизни кротовъ и бобровъ вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ они находятся. Если же для человѣка возможно знаніе того разумнаго закона, которому должна быть подчинена его жизнь, то очевидно, что познаніе этого закона-разума онъ нигдѣ не можетъ почерпнуть, кромѣ какъ тамъ, гдѣ онъ и открытъ ему: въ своемъ разумномъ сознаніи. И потому, сколько бы ни изучали люди того, какъ *существовали* люди, какъ животныя, они никогда не узнаютъ о существованіи человѣка ничего такого, чего само собой не происходило бы въ людяхъ и безъ этого знанія; и никогда, сколько бы они ни изучали животнаго существованія человѣка, не узнаютъ они того закона, которому для блага его жизни должно быть подчинено это животное существованіе человѣка.

Это одинъ разрядъ праздныхъ людскихъ разсужденій о жизни, называемыхъ историческими и политическими науками.

Другой разрядъ особенно распространенныхъ въ наше время разсужденій, при которыхъ уже совершенно теряется изъ вида единственный предметъ познанія, такой: разсматривая человѣка, какъ предметъ наблюденія, мы видимъ—говорятъ ученые,—что онъ такъ же питается, растетъ, плодится, старѣется и умираетъ, какъ и всякое животное; но нѣкоторыя явленія—психическія (такъ они называютъ ихъ)—мѣшаютъ точности наблюденій, представляютъ слишкомъ большую сложность, и потому, чтобы лучше понять человѣка, будемъ разсматривать его жизнь сперва въ болѣе простыхъ проявленіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя мы видимъ въ лишенныхъ этой психической дѣятельности животныхъ и растеніяхъ. Для этого мы будемъ разсматривать жизнь животныхъ и растеній вообще. Разсматривая же животныхъ и растенія, мы видимъ, что во всѣхъ ихъ проявляются общіе всѣмъ имъ еще болѣе простые законы вещества. А такъ какъ законы животныхъ проще, чѣмъ законы жизни человѣка, а законы растеній еще проще, а законы вещества еще проще, то и изслѣдованія надо основывать на самомъ простомъ—на законахъ вещества. Мы видимъ, что то, что происходитъ въ растеніи и животномъ, то происходитъ точно такъ же и въ человѣкѣ, говорятъ они, а потому мы заключаемъ, что все то, что происходитъ въ человѣкѣ и объясняется намъ изъ того, что происходитъ въ самомъ, простомъ, видимомъ намъ и подлежащемъ

нашимъ опытамъ мертвомъ веществѣ,—тѣмъ болѣе, что всѣ особенности дѣятельности человѣка находятся въ постоянной зависимости отъ силъ, дѣйствующихъ въ веществѣ. Всякое измѣненіе вещества, составляющаго тѣло человѣка, измѣняетъ и нарушаетъ всю его дѣятельность. А потому—заключаютъ они—законы вещества суть причины дѣятельности человѣка. Соображеніе же о томъ, что въ человѣкѣ есть нѣчто такое, чего мы не видимъ ни въ животныхъ, ни въ растеніяхъ, ни въ мертвомъ веществѣ, и что это-то нѣчто и есть единственный предметъ познанія, безъ котораго безполезно всякое другое,—не смущаетъ ихъ.

Не приходитъ имъ въ голову, что если измѣненіе вещества въ тѣлѣ человѣка нарушаетъ его дѣятельность, то это доказываетъ только то, что измѣненіе вещества, есть одна изъ причинъ, нарушающихъ дѣятельность человѣка, но никакъ не то, что движеніе вещества есть причина дѣятельности человѣка. Точно такъ же, какъ вредъ вынутія земли изъ-подъ корней растенія доказываетъ, что земля можетъ быть и не быть вездѣ, а не то, что растеніе есть только произведеніе земли. И они изучаютъ въ человѣкѣ то, что происходитъ и въ мертвомъ веществѣ, и въ растеніи, и въ животномъ, предполагая, что уясненіе законовъ явленій, сопутствующихъ жизни человѣка, можетъ уяснить имъ самую жизнь человѣка.

Чтобы понять жизнь человѣка, т. е. тотъ законъ, которому для блага человѣка должна быть подчинена его животная личность, люди разсматриваютъ: или историческое существованіе, но не жизнь человѣка, или не сознаваемое человѣкомъ, но только видимое ему подчиненіе и животнаго, и растенія, и вещества разнымъ законамъ, т. е. дѣлаютъ то же, что бы дѣлали люди, изучающіе положеніе неизвѣстныхъ имъ предметовъ для того, чтобы найти ту неизвѣстную цѣль, которой имъ нужно слѣдовать.

Совершенно справедливо то, что знаніе видимаго намъ проявленія существованія людей въ исторіи можетъ быть поучительно для насъ; что точно также можетъ быть поучительно для насъ и изученіе законовъ животной личности человѣка и другихъ животныхъ, и поучительно изученіе тѣхъ законовъ, которымъ подчиняется само вещество. Изученіе всего этого важно для человѣка, показывая ему, какъ въ отраженіи, то, что необходимо совершается въ его жизни; но очевидно, что знаніе того, что уже совершается

и видимо нами, какъ бы оно ни было полно, не можетъ дать намъ главнаго знанія, которое нужно намъ,—знанія того закона, которому должна для нашего блага быть подчинена наша животная личность. Знаніе совершающихся законовъ поучительно для насъ, но только тогда, когда мы признаемъ тотъ законъ разума, которому должна быть подчинена наша животная личность, а не тогда, когда этотъ законъ вовсе не признается.

Какъ бы хорошо дерево ни изучило (если бы оно могло изучить) всѣ тѣ химическія и физическія явленія, которыя происходятъ въ немъ, оно изъ этихъ наблюденій и знаній никакъ не могло бы вывести для себя необходимости собирать соки и распредѣлять ихъ на ростъ ствола, листа, цвѣтка и плода.

Точно также и человѣкъ: какъ бы онъ хорошо ни зналъ законъ, управляющій его животною личностью, и тѣ законы, которые управляютъ веществомъ, эти законы не дадутъ ему ни малѣйшаго указанія на то, какъ ему поступить съ тѣмъ кускомъ хлѣба, который у него въ рукахъ: отдать ли его женѣ, чужому, собакѣ, или самому съѣсть его,—защищать этотъ кусокъ хлѣба, или отдать тому, кто его проситъ. А жизнь человѣческая только и состоитъ въ рѣшеніи этихъ и имъ подобныхъ вопросовъ.

Изученіе законовъ, управляющихъ существованіемъ животныхъ, растеній и вещества, не только полезно, но необходимо для уясненія закона жизни человѣка, но только тогда, когда изученіе это имѣетъ цѣлью главный предметъ познанія человѣческаго: уясненіе закона разума.

При предположеніи же о томъ, что жизнь человѣка есть только его животное существованіе, и что благо, указываемое разумнымъ сознаніемъ, невозможно, и что законъ разума есть только призракъ, самое изученіе дѣлается не только празднымъ, но и губительнымъ, закрывая отъ человѣка его единственный предметъ познанія и поддерживая его въ томъ заблужденіи, что, изслѣдуя отраженіе предмета, онъ можетъ познать и предметъ. Такое изученіе подобно тому, что бы дѣлалъ человѣкъ, внимательно изучая всѣ измѣненія и движенія тѣни живого существа, предполагая, что причина движенія живого существа заключается въ измѣненіяхъ и движеніяхъ его тѣни.

XII.

Причина ложнаго знанія есть ложная перспектива, въ которой представляются предметы.

Истинное знаніе состоитъ въ томъ, чтобы знать, что мы знаемъ о, что знаемъ, и не знаемъ того, что не знаемъ—сказалъ Конуцій. Ложное же—въ томъ, чтобы думать, что мы знаемъ то, его не знаемъ, и не знаемъ того, что знаемъ. И нельзя дать болѣе точнаго опредѣленія того ложнаго познанія, которое царствуетъ среди насъ. Ложнымъ знаніемъ нашего времени предполагается, что мы знаемъ то, чего мы не можемъ знать, и что мы не можемъ знать того, что одно только мы и знаемъ. Человѣку съ ложнымъ знаніемъ представляется, что онъ знаетъ все то, что является ему въ пространствѣ и времени, и что онъ не знаетъ того, что извѣстно ему въ его разумномъ сознаніи.

Такому человѣку представляется, что благо вообще и его благо есть самый непознаваемый для него предметъ; почти столь же непознаваемымъ предметомъ представляется ему его разумъ, его разумное сознаніе; нѣсколько болѣе познаваемымъ предметомъ представляется ему онъ самъ, какъ животное; еще болѣе познаваемыми предметами представляются ему животныя и растенія; и наиболѣе познаваемымъ представляется ему мертвое, безконечно-распространенное вещество.

Нѣчто подобное происходитъ съ зрѣніемъ человѣка. Человѣкъ всегда безсознательно направляетъ свое зрѣніе преимущественно на предметы наиболѣе отдаленные и потому кажущіеся ему самыми простыми по цвѣту и очертаніямъ; на небо, горизонтъ, далекія поля, лѣса. Предметы эти представляются тѣмъ болѣе опредѣленными и простыми, чѣмъ болѣе они удалены, и наоборотъ, чѣмъ ближе предметъ, тѣмъ сложнѣе его очертанія и цвѣтъ.

Если бы человѣкъ не умѣлъ опредѣлять разстояніе предметовъ, не смотрѣлъ бы, располагая предметы въ перспективѣ, а признавалъ бы большую простоту и опредѣленность очертаній и цвѣта предмета большей степенью видимости, то самымъ простымъ и видимымъ для такого человѣка представлялось бы безконечное небо, потому уже менѣе видимыми предметами представлялись бы для него болѣе сложныя очертанія горизонта, потомъ еще менѣе видимымъ представлялись бы ему еще болѣе сложныя по цвѣтамъ и

очертаніямъ дома, деревья, потомъ еще менѣе видимымъ предста влялась бы ему своя движущаяся предъ глазами рука, и самымъ невидимымъ представлялся бы ему свѣтъ.

Развѣ не то же самое и съ ложнымъ познаніемъ человѣка? То, что несомнѣнно извѣстно ему — его разумное сознаніе—кажется ему непознаваемымъ, потому что оно не просто, а то, что несомнѣнно непостижимо для него—безграничное и вѣчное вещество—то и кажется ему самымъ познаваемымъ, потому что оно, по отдаленію своему отъ него, кажется ему просто.

Вѣдь это какъ разъ наоборотъ. Прежде всего и несомнѣннѣе всего всякій человѣкъ можетъ знать и знаетъ то благо, къ которому онъ стремится; потомъ, такъ же несомнѣнно, онъ знаетъ тотъ разумъ, который указываетъ ему это благо, потомъ уже онъ знаетъ свое животное, подчиненное этому разуму, и потомъ уже видитъ, но не знаетъ, всѣ другія явленія, представляющіяся ему въ пространствѣ и времени.

Только человѣку съ ложнымъ представленіемъ о жизни кажется, что онъ знаетъ предметы тѣмъ лучше, чѣмъ точнѣе они опредѣляются пространствомъ и временемъ; въ дѣйствительности же мы знаемъ вполнѣ только то, что не опредѣляется ни пространствомъ, ни временемъ—благо и законъ разума. Внѣшіе же предметы мы знаемъ тѣмъ менѣе, чѣмъ менѣе въ познаніи участвуетъ наше сознаніе, вслѣдствіе чего предметъ опредѣляется только своимъ мѣстомъ въ пространствѣ и времени. И потому, чѣмъ исключительнѣе предметъ опредѣляется пространствомъ и временемъ, тѣмъ онъ менѣе познаваемъ для человѣка (понятенъ человѣку).

Истинное знаніе человѣка кончается познаніемъ своей личности, своего животнаго. Это свое животное, стремящееся къ благу и подчиненное закону разума, человѣкъ знаетъ совершенно особенно отъ знанія всего того, что не есть его личность. Онъ дѣйствительно знаетъ себя въ этомъ животномъ, и знаетъ себя не потому, что онъ есть нѣчто пространственное и временное (напротивъ: себя, какъ временное и пространственное проявленіе, онъ никогда познать не можетъ), а потому, что онъ есть нѣчто долженствующее для своего блага быть подчиненнымъ закону разума. Онъ знаетъ себя въ этомъ животномъ, какъ нѣчто независимое отъ времени и пространства. Когда онъ спрашиваетъ себя о своемъ мѣстѣ во времени и пространствѣ, то ему прежде всего представляется, что

онъ стоитъ посрединѣ безконечнаго въ обѣ стороны времени, и что онъ центръ шара, поверхность котораго вездѣ и нигдѣ. И этого-то самого, внѣвременнаго и внѣпространственнаго себя человѣкъ и знаетъ дѣйствительно, и на этомъ своемъ *я* кончается его дѣйствительное знаніе. Все, что находится внѣ этого своего *я*, человѣкъ не знаетъ, но можетъ только наблюдать и опредѣлять внѣшнимъ, условнымъ образомъ.

Отрѣшившись на время отъ знанія самого себя, какъ разумнаго центра, стремящагося къ благу, т. е. внѣвременнаго и внѣпространственнаго существа, человѣкъ можетъ на время условно допустить, что онъ есть часть видимаго міра, проявляющаяся и въ пространствѣ и во времени. Разсматривая себя такъ, въ пространствѣ и во времени, въ связи съ другими веществами, человѣкъ соединяетъ свое истинное и внутреннее знаніе самого себя съ внѣшнимъ наблюденіемъ себя и получаетъ о себѣ представленіе, какъ о человѣкѣ вообще, подобномъ всѣмъ другимъ людямъ; по этому условному знанію себя человѣкъ получаетъ и о другихъ людяхъ нѣкоторое внѣшнее представленіе, но не знаетъ ихъ.

Невозможность для человѣка истиннаго знанія людей происходитъ уже и оттого, что такихъ людей онъ видитъ не одного, а сотни, тысячи, и знаетъ, что есть, и были, и будутъ такіе люди, которыхъ онъ никогда не видалъ и не увидитъ.

За людьми, еще дальше отъ себя, человѣкъ видитъ въ пространствѣ и времени животныхъ, отличающихся отъ людей и другъ отъ друга. Существа эти были бы совершенно непонятны для него, если бы онъ не имѣлъ знанія о человѣкѣ вообще; но, имѣя это знаніе и отвлекая отъ понятія человѣка его разумное сознаніе, онъ получаетъ и о животныхъ нѣкоторое представленіе; но представленіе это еще менѣе для него похоже на знаніе, чѣмъ его представленіе о людяхъ вообще. Животныхъ, самыхъ разнообразныхъ, онъ видитъ уже огромное количество, и чѣмъ больше ихъ количество, тѣмъ, очевидно, менѣе возможно для него познаніе ихъ.

Далѣе отъ себя онъ видитъ растенія, и еще увеличивается распространенность въ мірѣ этихъ явленій, и еще невозможнѣе для него знаніе ихъ.

Еще далѣе отъ себя за животными и растеніями, въ пространствѣ и времени, человѣкъ видитъ неживыя тѣла и уже мало или

совсѣмъ неразличающіяся формы вещества. Вещество онъ понимает уже меньше всего. Познаніе формъ вещества для него уже совсѣм безразлично, и онъ не только не знаетъ его, но онъ только вообра жаетъ себѣ его, —тѣмъ болѣе, что вещество уже представляетс ему въ пространствѣ и времени безконечнымъ.

XIII.

Познаваемость предметовъ увеличивается не вслѣдствіе проявленія ихъ въ пространствѣ и времени, а вслѣдствіе единства закона, кото рому подчиняемся мы и тѣ предметы, которые мы изучаемъ.

Что можетъ быть понятнѣе словъ: собакѣ больно; теленокъ ласковъ—онъ меня любитъ; птица радуется, лошадь боится, добрый человѣкъ, злое животное? И всѣ эти самыя важныя и понятныя слова не опредѣляются пространствомъ и временемъ; напротивъ: чѣмъ непонятнѣе намъ законъ, которому подчиняется явленіе, тѣмъ точнѣе опредѣляется явленіе временемъ и пространствомъ. Кто скажетъ, что понимаетъ тотъ законъ тяготѣнія, по которому происходитъ движеніе земли, луны и солнца? А затменіе солнца самымъ точнымъ образомъ опредѣлено пространствомъ и временемъ.

Вполнѣ знаемъ мы только нашу жизнь, наше стремленіе къ благу и разумъ, указывающій намъ это благо. Слѣдующее по достовѣрности знаніе есть знаніе нашей животной личности, стремящейся къ благу и подчиненной закону разума. Въ знаніи нашей животной личности уже являются пространственныя и временныя условія, видимыя, осязаемыя, наблюдаемыя, не недоступныя нашему пониманію. Слѣдующее за этимъ по достовѣрности знаніе— есть знаніе такихъ же животныхъ личностей, какъ и мы, въ которыхъ мы узнаемъ общее съ нами разумное сознаніе. Насколько жизнь этихъ личностей сближается съ законами нашей жизни, стремленія къ благу и подчиненія закону разума, настолько мы знаемъ ихъ; насколько она проявляется въ пространственныхъ и временныхъ условіяхъ, настолько мы не знаемъ ихъ. Итакъ знаемъ мы больше всего людей. Слѣдующее по достовѣрности знаніе есть наше знаніе животныхъ, въ которыхъ мы видимъ личность, подобно нашей стремящуюся къ благу, но уже чуть узнаемъ подобіе нашего разумнаго сознанія, и съ которыми мы уже не можемъ общаться этимъ разумнымъ сознаніемъ. Вслѣдъ за животными мы видимъ растенія въ которыхъ мы уже съ трудомъ узнаемъ подобную намъ

личность стремящуюся къ благу. Существа эти и представляются намъ преимущественно временными и пространственными явленіями и потому еще менѣе доступны нашему знанію.

Мы знаемъ ихъ только потому, что въ нихъ видимъ личность, подобную нашей животной личности, которая такъ же, какъ и наша стремится къ благу и подчиняетъ проявляющемуся въ ней закону разума вещество, въ условіяхъ пространства и времени.

Еще менѣе доступны нашему знанію предметы безличные, вещественные; въ нихъ мы уже не находимъ подобія нашей личности, не видимъ вовсе стремленія къ благу, а видимъ одни временныя и пространственныя проявленія законовъ разума, которымъ они подчиняются.

Истинность нашего знанія не зависитъ отъ наблюдаемости предметовъ въ пространствѣ и времени, а напротивъ: чѣмъ наблюдаемѣе проявленіе предмета въ пространствѣ и времени, тѣмъ менѣе оно понятно для насъ.

Наше знаніе въ мірѣ вытекаетъ изъ сознанія нашего стремленія къ благу и необходимости, для достиженія этого блага, подчиненія нашего животнаго разуму. Если мы знаемъ жизнь животнаго, то только потому, что мы и въ животномъ видимъ стремленіе къ благу и необходимость подчиненія закону разума, который въ немъ представляется закономъ организма.

Если мы знаемъ вещество, то мы знаемъ его только потому, что, несмотря на то, что благо его намъ непонятно, мы все-таки видимъ въ немъ то же явленіе, какъ и въ себѣ, — необходимость подчиненія закону разума, управляющаго имъ.

Познаніе чего бы то ни было для насъ есть перенесеніе на другіе предметы нашего знанія о томъ, что жизнь есть стремленіе къ благу, достигаемое подчиненіемъ закону разума.

Не себя мы можемъ познавать изъ законовъ, управляющихъ животными, но животныхъ мы познаемъ только изъ того закона, который знаемъ въ себѣ. И тѣмъ менѣе можемъ познавать себя изъ законовъ своей жизни, перенесенныхъ на явленія вещества.

Все, что знаетъ человѣкъ о внѣшнемъ мірѣ, онъ знаетъ только потому, что знаетъ себя и въ себѣ находитъ три различныя отношенія къ міру: одно отношеніе своего разумнаго сознанія, другое отношеніе своего животнаго и третье отношеніе вещества, входя-

щаго въ тѣло его животнаго. Онъ знаетъ въ себѣ эти три различныя отношенія и потому все, что онъ видитъ въ мірѣ, располагается передъ нимъ всегда въ перспективѣ трехъ отдѣльныхъ другъ отъ друга плановъ: 1) разумныя существа, 2) животныя и растенія и 3) неживое вещество.

Человѣкъ всегда видитъ эти три разряда предметовъ въ мірѣ, потому что онъ самъ въ себѣ заключаетъ эти три предмета познанія. Онъ знаетъ себя: 1) какъ разумное сознаніе, подчиняющее животное; 2) какъ животное, подчиненное разумному сознанію, и 3) какъ вещество, подчиненное животному.

Не изъ познаній законовъ вещества, какъ это думаютъ, мы можемъ познавать законъ организмовъ, и не изъ познанія закона организмовъ мы можемъ познавать себя, какъ разумное сознаніе, но наоборотъ. Прежде всего мы можемъ, и намъ нужно познать самихъ себя, т.-е. тотъ законъ разума, которому для нашего блага должна быть подчинена наша личность, и тогда только намъ можно и нужно познать и законъ своей животной личности и подобныхъ ей личностей, и еще въ большемъ отдаленіи отъ себя, законы вещества.

Нужно намъ знать, и мы знаемъ только себя. Міръ животныхъ— для насъ уже отраженіе, того что мы знаемъ въ себѣ. Міръ вещественный уже есть какъ бы отраженіе отъ отраженія.

Намъ кажутся особенно ясными законы вещества потому только, что они для насъ однообразны; однообразны же они для насъ потому, что особенно далеки отъ сознаваемаго нами закона нашей жизни.

Законы организмовъ кажутся намъ проще закона нашей жизни тоже отъ своего удаленія отъ насъ. Но и въ нихъ мы только наблюдаемъ законы, а не знаемъ ихъ, какъ мы знаемъ законъ нашего разумнаго сознанія, который долженъ быть нами исполняемъ.

Ни то, ни другое существованіе мы не знаемъ, а только видимъ, наблюдаемъ внѣ себя. Только законъ нашего разумнаго сознанія мы знаемъ несомнѣнно, потому что онъ нуженъ для нашего блага, потому что мы живемъ этимъ сознаніемъ; не видимъ же его потому, что не имѣемъ той высшей точки, съ которой могли бы наблюдать его.

Только еслибъ были существа высшія, подчиняющія наше разумное сознаніе такъ же, какъ наше разумное сознаніе подчиняетъ

себѣ нашу животную личность, и какъ животная личность (организмъ) подчиняетъ себѣ вещество,—эти высшія существа могли бы видѣть нашу разумную жизнь такъ, какъ мы видимъ свое животное существованіе и существованіе вещества.

Жизнь человѣческая представляется неразрывно связанной съ двумя видами существованія, которые она включаетъ въ себя: существованіе животныхъ и растеній (организмовъ) и существованіе вещества.

Жизнь свою истинную человѣкъ дѣлаетъ самъ, самъ проживаетъ ее; но въ тѣхъ двухъ видахъ существованія, связанныхъ съ его жизнью,—человѣкъ не можетъ принимать участія. Тѣло и вещество, его составляющее, существуютъ сами собой.

Эти виды существованія представляются человѣку какъ бы предшествовавшими прожитыми жизнями, включенными въ его жизнь,—какъ бы воспоминаніями о прежнихъ жизняхъ.

Въ истинной жизни человѣка эти два вида существованія представляютъ для него орудіе и матеріалъ его работы, но не самую работу его.

Человѣку полезно изучать и матеріалъ, и орудіе своей работы. Чѣмъ лучше онъ познаетъ ихъ, тѣмъ лучше онъ будетъ въ состояніи работать. Изученіе этихъ включенныхъ въ его жизнь видовъ существованія—своего животнаго и вещества, составляющаго животное,—показываетъ человѣку, какъ бы въ отраженіи, общій законъ всего существующаго — подчиненіе закону разума, и тѣмъ утверждаетъ его въ необходимости подчиненія своего животнаго своему закону; но не можетъ и не долженъ человѣкъ смѣшивать матеріалъ и орудіе своей работы съ самой своей работой.

Сколько бы ни изучалъ человѣкъ жизнь видимую, осязаемую, наблюдаемую имъ въ себѣ и другихъ,—жизнь совершающуюся безъ его усилій,—жизнь эта всегда останется для него тайной; онъ никогда изъ этихъ наблюденій не пойметъ эту несознаваемую имъ жизнь и наблюденіями надъ этой таинственной, всегда скрывающейся отъ него въ безконечность пространства и времени, жизнью—никакъ не освѣтитъ свою истинную жизнь, открытую ему въ его сознаніи состоящую въ подчиненіи его совершенно особенной отъ всѣхъ и самой извѣстной ему животной личности совершенно особенному и самому извѣстному ему закону разума, для достиженія своего совершенно особеннаго и самаго извѣстнаго ему блага.

XIV.

Истинная жизнь человѣческая не есть то, что происходитъ въ пространствѣ и времени.

Жизнь человѣкъ знаетъ въ себѣ, какъ стремленіе къ благу, достижимому подчиненіемъ своей животной личности закону разума.

Иной жизни человѣческой онъ не знаетъ и знать не можетъ. Вѣдь животное человѣкъ признаетъ только тогда живымъ, когда вещество, составляющее его, подчинено не только своимъ законамъ, но и высшему закону организма.

Есть въ извѣстномъ совокупленіи вещества подчиненіе высшему закону организма,—мы признаемъ въ этомъ совокупленіи вещества жизнь; нѣтъ, не начиналось или кончилось это подчиненіе, — и нѣтъ уже того, что отдѣляетъ это вещество отъ всего остального вещества, въ которомъ дѣйствуютъ одни законы механическіе, химическіе, физическіе,—и мы не признаемъ въ немъ жизни животнаго.

Точно также и подобныхъ намъ людей, и самихъ себя мы тогда только признаемъ живыми, когда наша животная личность, кромѣ подчиненія своему закону организма, подчинена еще высшему закону разумнаго сознанія.

Какъ скоро нѣтъ этого подчиненія личности закону разума, какъ скоро въ человѣкѣ дѣйствуетъ одинъ законъ личности, подчиняющій себѣ вещество, составляющее его, мы не знаемъ и не видимъ человѣческой жизни ни въ другихъ, ни въ себѣ, какъ не видимъ жизни животной въ веществѣ, подчиняющемся только своимъ законамъ.

Какъ бы ни были сильны и быстры движенія человѣка въ бреду, въ сумасшествіи или въ агоніи, въ пьянствѣ, въ порывѣ страсти даже, мы не признаемъ человѣка живымъ, не относимся къ нему какъ къ живому человѣку и признаемъ въ немъ только возможность жизни. Но какъ бы слабъ и неподвиженъ ни былъ человѣкъ,—если мы видимъ, что животная личность его подчинена разуму, то мы признаемъ его живымъ, и такъ и относимся къ нему.

Жизнь человѣческую мы не можемъ понимать иначе, какъ подчиненіе животной личности закону разума.

Жизнь эта обнаруживается во времени и пространствѣ, но опре-

дѣлается не временными и пространственными условіями, а только степенью подчиненія животной личности разуму. Опредѣлять жизнь временными и пространственными условіями,—это все равно, что опредѣлять высоту предмета его длиной и шириной.

Движеніе въ высоту предмета, движущагося вмѣстѣ съ тѣмъ и въ плоскости, будетъ точнымъ подобіемъ отношенія истинной жизни человѣческой къ жизни животной личности, или жизни истинной къ жизни временной и пространственной. Движеніе предмета кверху не зависитъ и не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться отъ его движенія въ плоскости. То же и съ опредѣленіемъ жизни человѣческой. Жизнь истинная проявляется всегда въ личности, но не зависитъ, не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться отъ такого или другого существованія личности.

Временныя и пространственныя условія, въ которыхъ находится животная личность человѣка, не могутъ вліять на жизнь истинную, состоящую въ подчиненіи животной личности разумному сознанію.

Внѣ власти человѣка, желающаго жить, уничтожить, остановить пространственное и временное движеніе своего существованія; но истинная жизнь его есть достиженіе блага подчиненіемъ разуму, независимо отъ этихъ видимыхъ, пространственныхъ и временныхъ движеній. Въ этомъ-то большемъ и большемъ достиженіи блага черезъ подчиненіе разуму только и состоитъ то, что составляетъ жизнь человѣческую. Нѣтъ этого увеличенія въ подчиненіи, — и жизнь человѣческая идетъ по двумъ видимымъ направленіямъ пространства и времени, и есть одно существованіе. Есть это движеніе въ высоту, это большее и большее подчиненіе разуму, — и между двумя силами и одной устанавливается отношеніе и совершается большее или меньшее движеніе по равнодѣйствующей, поднимающей существованіе человѣка въ область жизни.

Силы пространственныя и временныя—силы опредѣленныя, конечныя, несовмѣстимыя съ понятіемъ жизни; сила же стремленія къ благу черезъ подчиненіе разуму есть сила, поднимающая въ высоту,—сама сила жизни, для которой нѣтъ ни временныхъ, ни пространственныхъ предѣловъ.

Человѣку представляется, что жизнь его останавливается и раздваивается, но эти задержки и колебанія суть только обманъ сознанія (подобный обману внѣшнихъ чувствъ). Задержекъ и колебаній

истинной жизни нѣтъ и не можетъ быть: они только намъ кажутся при ложномъ взглядѣ на жизнь.

Человѣкъ начинаетъ жить истинной жизнью, т. е. поднимается на нѣкоторую высоту надъ жизнью животной и съ этой высоты видитъ призрачность своего животнаго существованія, неизбѣжно кончающагося смертью, видитъ, что существованіе его въ плоскости обрывается со всѣхъ сторонъ пропастями и, не признавая, что этотъ подъемъ въ высоту и есть сама жизнь, ужасается передъ тѣмъ, что онъ увидалъ съ высоты. Вмѣсто того, чтобы, признавъ силу, поднимающую его въ высоту, своей жизнью, итти по открывшемуся ему направленію, онъ ужасается передъ тѣмъ, что открылось ему съ высоты, и нарочно спускается внизъ, ложится какъ можно ниже, чтобы не видать обрывовъ, открывающихся ему. Но сила разумнаго сознанія опять поднимаетъ его, опять онъ видитъ, опять ужасается и, чтобъ не видѣть, опять припадаетъ къ землѣ. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не признаетъ, наконецъ, что для того, чтобы спастись отъ ужаса передъ увлекающимъ его движеніемъ погибельной жизни, ему надо понять, что его движеніе въ плоскости—его пространственное и временное существованіе—не есть его жизнь, а что жизнь его только въ движеніи въ высоту, что только въ подчиненіи его личности закону разума и заключается возможность блага и жизни. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающія его надъ бездной, что если бы не было этихъ крыльевъ, онъ никогда и не поднимался бы въ высоту и не видалъ бы бездны. Ему надо повѣрить въ свои крылья и летѣть туда, куда они влекутъ его.

Только отъ этого недостатка увѣренности и происходятъ тѣ кажущіяся странными сначала явленія колебанія истинной жизни, остановки ея и раздвоенія сознанія.

Только человѣку понимающему свою жизнь въ животномъ существованіи, опредѣляемомъ пространствомъ и временемъ, кажется, что разумное сознаніе проявлялось временами въ животномъ существованіи. И глядя такъ на проявленіе въ себѣ разумнаго сознанія, человѣкъ спрашиваетъ себя, когда и при какихъ условіяхъ проявлялось въ немъ его разумное сознаніе? Но сколько бы не изслѣдовалъ человѣкъ свое прошедшее, онъ никогда не найдетъ этихъ временъ проявленія разумнаго сознанія: ему всегда представляется, что его или никогда не было, или оно всегда было.

Если ему кажется, что были промежутки разумнаго сознанія, то только потому, что жизнь разумнаго сознанія онъ не признаетъ жизнью, Понимая свою жизнь только какъ животное существованіе, опредѣляемое пространственными и временными условіями, человѣкъ и пробужденіе, и дѣятельность разумнаго сознанія хочетъ измѣрять тою же мѣркой: онъ спрашиваетъ себя—когда, сколько времени, въ какихъ условіяхъ я находился въ обладаніи разумнымъ сознаніемъ? Но промежутки между пробужденіями разумной жизни существуютъ только для человѣка, понимающаго свою жизнь, какъ жизнь животной личности. Для человѣка же, понимающаго свою жизнь въ томъ, въ чемъ она и есть,—въ дѣятельности разумнаго сознанія, не можетъ быть этихъ промежутковъ.

Разумная жизнь есть. Она одна есть. Промежутки времени одной минуты или 50,000 лѣтъ безразличны для нея, потому что для нея нѣтъ времени. Жизнь человѣка истинная,—та, изъ которой онъ составляетъ себѣ понятіе о всякой другой жизни,—есть стремленіе къ благу, достигаемому подчиненіемъ своей личности закону разума. Ни разумъ, ни степень подчиненія ему не опредѣляются ни пространствомъ, ни временемъ. Истинная жизнь человѣческая происходитъ внѣ пространства и времени.

XV.

Отреченіе отъ блага животной личности есть законъ жизни человѣческой.

Жизнь есть стремленіе къ благу. Стремленіе къ благу есть жизнь. Такъ понимали, понимаютъ и всегда будутъ понимать жизнь всѣ люди. И потому жизнь человѣка есть стремленіе къ человѣческому благу, а стремленіе къ человѣческому благу и есть жизнь человѣческая. Толпа, люди не мыслящіе, понимаютъ благо человѣка въ благѣ его животной личности.

Ложная наука, исключая понятіе блага изъ опредѣленія жизни, понимаетъ жизнь въ животномъ существованіи, и потому благо жизни видитъ только въ животномъ благѣ и сходится съ заблужденіемъ толпы.

Въ томъ и другомъ случаѣ заблужденіе происходитъ отъ смѣшенія личности, индивидуальности, какъ называетъ наука, съ разумнымъ сознаніемъ. Разумное сознаніе включаетъ въ себя лич-

ность. Личность же не включаетъ въ себя разумное сознаніе. Личность есть свойство животнаго и человѣка, какъ животнаго. Разумное сознаніе есть свойство одного человѣка.

Животное можетъ жить только для своего тѣла — ничто не мѣшаетъ ему жить такъ; оно удовлетворяетъ своей личности и безсознательно служитъ своему роду и не знаетъ того, что оно есть личность; но разумный человѣкъ не можетъ жить только для своего тѣла. Онъ не можетъ жить такъ, потому что знаетъ, что онъ личность, а потому знаетъ, что и другія существа—такія же личности, какъ и онъ, знаетъ все то, что должно происходить отъ отношеній этихъ личностей.

Если бы человѣкъ стремился только къ благу своей личности, любилъ только себя, свою личность, то онъ не зналъ бы, что другія существа любятъ также себя, какъ не знаютъ этого животныя; но если человѣкъ знаетъ, что онъ личность, стремящаяся къ тому же, къ чему стремятся и всѣ окружающія его личности, онъ не можетъ уже стремиться къ тому благу, которое видно, какъ зло, его разумному сознанію, и жизнь его не можетъ уже быть въ стремленіи къ благу личности. Человѣку только кажется иногда, что его стремленіе къ благу имѣетъ предметомъ удовлетвореніе требованій животной личности. Обманъ этотъ происходитъ вслѣдствіе того, что человѣкъ принимаетъ то, что онъ видитъ происходящимъ въ своемъ животномъ, за цѣль дѣятельности своего разумнаго сознанія. Происходитъ нѣчто подобное тому, что бы дѣлалъ человѣкъ, руководясь въ бдящемъ состояніи тѣмъ, что онъ видитъ во снѣ.

И тогда-то, если этотъ обманъ поддерживается ложными ученіями, и происходитъ въ человѣкѣ смѣшеніе личности съ разумнымъ сознаніемъ.

Но разумное сознаніе всегда показываетъ человѣку; что удовлетвореніе требованій его животной личности не можетъ быть его благомъ, а потому и его жизнью, и неудержимо влечетъ его къ тому благу и потому къ той жизни, которая свойственна ему и не умѣщается въ его животной личности.

Обыкновенно думаютъ и говорятъ, что отреченіе отъ блага личности—не достоинство, не подвигъ, а неизбѣжное условіе жизни человѣка. Въ то же время, какъ человѣкъ сознаетъ себя личностью, отдѣленной отъ всего міра, онъ познаетъ и другія личности отдѣленными отъ всего міра, и ихъ связь между собой, и призрачность

блага своей личности, и одну дѣйствительность блага только такого, которое могло бы удовлетворить его разумное сознаніе.

Для животнаго дѣятельность, не имѣющая своей цѣлью благо личности, а прямо противоположная этому благу, есть отрицаніе жизни, но для человѣка это какъ разъ наоборотъ. Дѣятельность человѣка, направленная на достиженіе только блага личности, есть полное отрицаніе жизни человѣческой.

Для животнаго, не имѣющаго разумнаго сознанія показывающаго ему бѣдственность и конечность его существованія, благо личности и вытекающее изъ него продолженіе рода личности есть высшая цѣль жизни. Для человѣка же личность есть только та ступень существованія, съ которой открывается ему истинное благо его жизни, не совпадающее съ благомъ его личности.

Сознаніе личности для человѣка—не жизнь, но тотъ предѣлъ, съ котораго начинается его жизнь, состоящая все въ большемъ достиженіи свойственнаго ему блага, независимаго отъ блага животной личности.

По ходячему представленію о жизни, жизнь человѣческая есть кусокъ времени отъ рожденія и до смерти его животнаго. Но это не есть жизнь человѣческая, это только существованіе человѣка, какъ животной личности. Жизнь же человѣческая есть нѣчто, только проявляющееся въ животномъ существованіи, точно также, какъ жизнь органическая есть нѣчто, только проявляющееся въ существованіи вещества.

Человѣку прежде всего представляются видимыя цѣли его личности цѣлями его жизни. Цѣли эти видимы и потому кажутся понятными.

Цѣли же, указываемыя ему его разумнымъ сознаніемъ, кажутся непонятными, потому что онѣ невидимы. И человѣку сначала страшно отказаться отъ видимаго и отдаться невидимому.

Человѣку, извращенному ложными ученіями міра, требованія животнаго, которыя исполняются сами собой и видимы и на себя, и на другихъ, кажутся просты и ясны, новыя же невидимыя требованія разумнаго сознанія представляются противоположными; удовлетвореніе ихъ, которое не дѣлается само собой, а которое надо совершать самому, кажется чѣмъ то сложнымъ и неяснымъ. Страшно и жутко отречься отъ видимаго представленія о жизни и отдаться невидимому сознанію ея, какъ страшно и жутко было бы ребенку

рождаться, если бы онъ могъ чувствовать свое рожденіе,—но дѣлать нечего, когда очевидно, что видимое представленіе влечетъ къ смерти, а невидимое сознаніе одно даетъ жизнь.

XVI.

Животная личность есть орудіе жизни.

Никакія разсужденія, вѣдь, не могутъ скрыть отъ человѣка той очевидной, несомнѣнной истины, что личное существованіе его есть нѣчто непрестанно-погибающее, стремленіе къ смерти, и что потому въ его животной личности не можетъ быть жизни.

Не можетъ не видѣть человѣкъ, что существованіе его личности отъ рожденія и дѣтства до старости и смерти есть ни что иное, какъ постоянная трата и умаленіе этой животной личности, кончающееся неизбѣжной смертью; и потому сознаніе своей жизни въ личности, включающей въ себя желаніе увеличенія и неистребимости личности, не можетъ не быть неперестающимъ противорѣчіемъ и страданіемъ—не можетъ не быть зломъ, тогда какъ единственный смыслъ его жизни есть стремленіе къ благу.

Въ чемъ бы ни состояло истинное благо человѣка, для него неизбѣжно отреченіе его отъ блага животной личности.

Отреченіе отъ блага животной личности есть законъ жизни человѣческой. Если онъ не совершается свободно, выражаясь въ подчиненіи разумному сознанію, то онъ совершается въ каждомъ человѣкѣ насильно при плотской смерти его животнаго, когда онъ отъ тяжести страданій желаетъ одного: избавиться отъ мучительнаго сознанія погибающей личности и перейти въ другой видъ существованія.

Вступленіе въ жизнь и жизнь человѣка подобна тому, что совершается съ лошадью, которую хозяинъ выводитъ изъ конюшни и впрягаетъ. Лошади, выходящей изъ конюшни и увидавшей свѣтъ и почуявшей свободу, кажется, что въ этой-то свободѣ—и жизнь; но ее впрягаютъ и трогаютъ. Она чуетъ за собой тяжестъ и, если она думаетъ, что жизнь ея въ томъ, чтобы бѣгать на свободѣ, она начинаетъ биться, падаетъ, убивается иногда. Но если она не убьется, ей только два выхода: или она пойдетъ и повезетъ и увидитъ, что тяжесть не велика и ѣзда не мука, а радость, или

отобьется отъ рукъ, и тогда хозяинъ сведетъ ее на рушительное колесо, привяжетъ арканомъ къ стѣнѣ, колесо завертится подъ ней, и она будетъ ходить въ темнотѣ на одномъ мѣстѣ, страдая, но ея силы не пропадутъ даромъ: она сдѣлаетъ свою невольную работу, и законъ исполнится и на ней. Разница будетъ только въ томъ, что первая будетъ работать радостно, а вторая невольно и мучительно.

„Но для чего же эта личность, отъ блага которой я, человѣкъ, долженъ отречься, чтобы получить жизнь?“—говорятъ люди, признающіе свое животное существованіе жизнью. Для чего дано человѣку это сознаніе личности, противящейся проявленію истинной его жизни?

На вопросъ этотъ можно отвѣтить подобнымъ же вопросомъ, который могло бы сдѣлать животное, стремящееся къ своимъ цѣлямъ сохраненія своей жизни и рода.

„Зачѣмъ, спросило бы оно, это вещество и его законы—механическіе, физическіе, химическіе и другіе, съ которыми я должно бороться, чтобы достигнуть своихъ цѣлей? Если мое призваніе, сказало бы животное, есть осуществленіе жизни животнаго, то зачѣмъ всѣ эти преграды, которыя я должно одолѣвать?“

Намъ ясно, что вся матерія и ея законы, съ которыми борется животное, и которые оно подчиняетъ себѣ для существованія личности животнаго, суть не преграды, а средства для достиженія имъ своихъ цѣлей. Только переработкой матеріи и посредствомъ ея законовъ животное и живетъ. Точно то же и въ жизни человѣка. Животная личность, въ которой застаетъ себя человѣкъ и которую онъ призванъ подчинять своему разумному сознанію, есть не преграда, но средство, которымъ онъ достигаетъ цѣли своего блага: животная личность для человѣка есть то орудіе, которымъ онъ работаетъ. Животная личность для человѣка — это лопата, которая дана разумному существу для того, чтобы ею копать и, копая, тупить ее и точить, тратить, а не очищать и хранить. Это талантъ, данный ему для прироста, а не для храненія.

„И кто хочетъ жизнь свою сберечь, тотъ потеряетъ ее. И кто потеряетъ жизнь свою ради меня, тотъ обрѣтетъ ее“. Въ этихъ словахъ сказано, что сберечь нельзя то, что, должно погибнуть и, не переставая, погибаетъ, — а что, только отрекаясь отъ того, что погибнетъ и должно погибнуть, отъ нашей животной личности, мы

получаемъ нашу истинную жизнь, которая не погибаетъ и не можетъ погибнуть. Сказано то, что истинная жизнь наша начинается только тогда, когда мы перестаемъ считать жизнью то, что не было и не могло быть для насъ жизнью—наше животное существованіе. Сказано то, что тотъ, кто будетъ беречь лопату, которая есть у него для приготовленія себѣ пищи, поддерживающей жизнь, тотъ, сберегши лопату, потеряетъ и пищу, и жизнь.

VXII.

Рожденіе духомъ.

„Должно вамъ родиться снова“, сказалъ Христосъ. Не то, чтобы человѣку кто-нибудь велѣлъ родиться, но человѣкъ неизбѣжно приведенъ къ этому. Чтобы имѣть жизнь, ему нужно вновь родиться въ этомъ существованіи—разумнымъ сознаніемъ.

Человѣку дано разумное сознаніе съ тѣмъ, чтобы онъ положилъ жизнь въ томъ благѣ, которое открывается ему его разумнымъ сознаніемъ. Тотъ, кто въ этомъ благѣ положилъ жизнь, тотъ имѣетъ жизнь; тотъ же, кто не полагаетъ въ немъ жизни, а полагаетъ ее въ благѣ животной личности, тотъ этимъ самымъ лишаетъ себя жизни. Въ этомъ состоитъ опредѣленіе жизни, данное Христомъ.

Люди, признающіе жизнью свое стремленіе къ благу личности, слышатъ эти слова, и не то, что не признаютъ, а не понимаютъ, не могутъ понимать ихъ. Имъ кажутся эти слова или ничего не значащими, или значащими очень мало означающими нѣкоторое напущенное на себя сентиментальное и мистическое, такъ они любятъ называть, настроеніе. Они не могутъ понимать значенія этихъ словъ, выражающихъ объясненіе недоступнаго имъ состоянія, какъ не могло бы сухое, непроросшее сѣмя понимать состоянія сѣмени отсырѣвшаго и уже наклюнувшагося. Для сухихъ зеренъ то солнце, которое въ лучахъ своихъ свѣтитъ на рождающееся къ жизни сѣмя, есть только незначащая случайность—нѣсколько большее тепло и свѣтъ, но для наклюнувшагося сѣмени оно есть причина рожденія къ жизни. Точно также для людей, не дожившихъ еще до внутренняго противорѣчія животной личности и разумнаго сознанія, свѣтъ солнца разума есть только незначащая случайность, сентиментальныя, мистическія слова. Солнце приводитъ къ жизни только тѣхъ, въ комъ зародилась уже жизнь.

О томъ же, какъ зарождается она, почему, когда, гдѣ, не только въ человѣкѣ, но и въ животномъ и растеніи, никто никогда не узналъ. О зарожденіи ея въ человѣкѣ Христосъ сказалъ, что никто этого не знаетъ и не можетъ знать.

И въ самомъ дѣлѣ: что же можетъ знать человѣкъ о томъ, какъ зарождается въ немъ жизнь? Жизнь есть свѣтъ человѣковъ, жизнь есть жизнь,—начало всего; какъ же можетъ знать человѣкъ о томъ, какъ она зарождается? Зарождается и погибаетъ для человѣка то, что не живетъ, то что проявляется въ пространствѣ и времени. Жизнь же истинная *есть*, и потому она для человѣка не можетъ ни зарождаться, ни погибать.

XVIII.

Чего требуетъ разумное сознаніе?

Да, разумное сознаніе несомнѣнно, неопровержимо говоритъ человѣку, что при этомъ устройствѣ міра, которое онъ видитъ изъ своей личности, ему, его личности, блага быть не можетъ. Жизнь его есть желаніе блага себѣ, именно себѣ, и онъ видитъ, что благо это невозможно. Но странное дѣло: несмотря на то, что онъ видитъ несомнѣнно, что благо это невозможно ему, онъ все-таки живетъ однимъ желаніемъ этого невозможнаго блага,—блага только себѣ.

Человѣкъ съ проснувшимся (только проснувшимся), но не подчинившимъ еще себѣ животную личность разумнымъ сознаніемъ, если онъ не убиваетъ себя, то живетъ только для того, чтобы осуществить это невозможное благо: живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ только для того, чтобы благо было ему одному, чтобы всѣ люди и даже всѣ существа жили и дѣйствовали только для того, чтобы ему одному было хорошо, чтобы ему было наслажденіе, для него не было страданій и не было смерти.

Удивительное дѣло: несмотря на то, что и опытъ свой, и наблюденіе жизни всѣхъ окружающихъ, и разумъ несомнѣнно показываютъ каждому человѣку недостижимость этого, показываютъ ему, что невозможно заставить другія живыя существа перестать любить самихъ себя, а любить только его,—несмотря на это, жизнь каждаго человѣка только въ томъ, чтобы богатствомъ, властью, почестями, славой, лестью, обманомъ, какъ-нибудь, но заставить другія

существа жить не для себя, а для него одного,—заставить всѣ существа любить не самихъ себя, а его одного.

Люди дѣлали и дѣлаютъ все, что могутъ, для этой цѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ видятъ, что они дѣлаютъ невозможное. „Жизнь моя есть стремленіе къ благу", говоритъ себѣ человѣкъ. „Благо возможно для меня только, когда всѣ будутъ любить меня больше, чѣмъ самихъ себя, а всѣ существа любятъ себя,—стало быть все, что я дѣлаю для того, чтобы ихъ заставить любить меня, безполезно. Безполезно, а другого ничего я дѣлать не могу".

Проходятъ вѣка: люди узнаютъ разстояніе отъ свѣтилъ, опредѣляютъ ихъ вѣсъ, узнаютъ составъ солнца и звѣздъ, а вопросъ о томъ, какъ согласить требованія личнаго блага съ жизнью міра, исключающаго возможность этого блага, остается для большинства людей такимъ же нерѣшеннымъ вопросомъ, какимъ онъ былъ для людей за 5000 лѣтъ назадъ.

Разумное сознаніе говоритъ каждому человѣку: да, ты можешь имѣть благо, но только, если всѣ будутъ любить тебя больше себя. И то же разумное сознаніе показываетъ человѣку, что этого быть не можетъ, потому что они всѣ любятъ только себя. И потому единственное благо, которое открывается человѣку разумнымъ сознаніемъ, имъ же опять и закрывается.

Проходятъ вѣка, и загадка о благѣ жизни человѣка остается для большинства людей тою же неразрѣшимою загадкой. А между тѣмъ загадка разгадана уже давнымъ давно. И всѣмъ тѣмъ, которые узнаютъ разгадку, всегда удивительнымъ кажется, какъ они сами не разгадали ее,—кажется, что они давно уже знали, но только забыли ее: такъ просто и само собою напрашивается разрѣшеніе загадки, казавшейся столь трудной среди ложныхъ ученій нашего міра.

Ты хочешь, чтобы всѣ жили для тебя, чтобы всѣ любили тебя больше себя? Есть только одно положеніе, при которомъ желаніе твое можетъ быть исполнено. Это такое положеніе, при которомъ всѣ существа жили бы для блага другихъ и любили бы другихъ больше себя. Тогда только ты и всѣ существа любимы бы были всѣми, и ты въ числѣ ихъ получилъ бы то самое благо, котораго ты желаешь. Если же благо возможно тебѣ только тогда, когда всѣ существа любили бы другихъ болѣе себя, то и ты, живое существо, долженъ любить другія существа болѣе себя.

Только при этомъ условіи возможны благо и жизнь человѣка, и только при этомъ условіи уничтожается и то, что отравляло жизнь человѣка,—уничтожается борьба существъ, мучительность страданій и страхъ смерти.

Въ самомъ дѣлѣ: что составляло невозможность блага личнаго существованія? Во-первыхъ, борьба ищущихъ личнаго блага существъ между собой. Во-вторыхъ, обманъ наслажденія, приводящій къ тратѣ жизни, къ пресыщенію, къ страданіямъ, и въ-третьихъ—смерть. Но стоитъ допустить мысленно, что человѣкъ можетъ замѣнять стремленіе къ благу своей личности стремленіемъ къ благу другихъ существъ, чтобы уничтожилась невозможность блага, и благо представлялось бы достижимымъ человѣку. Глядя на міръ изъ своего представленія о жизни, какъ стремленія къ личному благу, человѣкъ видѣлъ въ мірѣ неразумную борьбу существъ, губящихъ другъ друга. Но стоитъ человѣку признать свою жизнь въ стремленіи къ благу другихъ, чтобы увидать въ мірѣ совсѣмъ другое: увидать рядомъ съ случайными явленіями борьбы существъ постоянное взаимное служеніе другъ другу этихъ существъ,—служеніе, безъ котораго немыслимо существованіе міра.

Стоитъ допустить это, и вся прежняя безумная дѣятельность, направленная на недостижимое благо личности, замѣняется другою дѣятельностью, согласной съ закономъ міра и направленной къ достиженію наибольшаго возможнаго блага своего и всего міра.

Другая причина бѣдственности личной жизни и невозможности блага для человѣка была: обманчивость наслажденій личности, тратящихъ жизнь, приводящихъ къ пресыщенію и страданіямъ. Стоитъ человѣку признать свою жизнь въ стремленіи къ благу другихъ, и уничтожается обманчивая жажда наслажденій; праздная же и мучительная дѣятельность, направленная на наполненіе бездонной бочки животной личности, замѣняется согласной съ законами разума дѣятельностью поддержанія жизни другихъ существъ, необходимою для его блага, и мучительность личнаго страданія, уничтожающаго дѣятельность жизни, замѣняется чувствомъ состраданія къ другимъ, вызывающимъ несомнѣнно плодотворную и самую радостную дѣятельность.

Третья причина бѣдственности личной жизни была — страхъ смерти. Стоитъ человѣку признать свою жизнь не въ благѣ своей

животной личности, а въ благѣ другихъ существъ, и пугало смерти навсегда исчезаетъ изъ глазъ его.

Вѣдь страхъ смерти происходитъ только отъ страха потерять благо жизни съ ея плотской смертью. Если же бы человѣкъ могъ полагать свое благо въ благѣ другихъ существъ, т. е., любилъ бы ихъ больше себя, то смерть не представлялась бы ему тѣмъ прекращеніемъ блага и жизни, какимъ она представляется человѣку, живущему только для себя. Смерть для человѣка, живущаго для другихъ, не могла бы представляться ему уничтоженіемъ блага и жизни, потому что благо и жизнь другихъ существъ не только не уничтожаются жизнью человѣка, служащаго имъ, но очень часто увеличиваются и усиливаются жертвою его жизни.

XIX.

Подтвержденіе требованій разумнаго сознанія.

„Но это не жизнь“,—отвѣчаетъ возмущенное заблудшее человѣческое сознаніе.—„Это отреченіе отъ жизни, самоубійство.“ — Ничего этого не знаю,—отвѣчаетъ разумное сознаніе,—знаю, что такова жизнь человѣка, и другой нѣтъ и быть не можетъ. Знаю болѣе того,—знаю, что такая жизнь есть жизнь и благо и для человѣка, и для всего міра. Знаю, что при прежнемъ взглядѣ на міръ, жизнь моя и всего существующаго была зломъ и безсмыслицей; при этомъ же взглядѣ она является осуществленіемъ того закона разума, который вложенъ въ человѣка. Знаю, что наибольшее, до безконечности могущее быть увеличиваемымъ, благо жизни каждаго существа можетъ быть достигнуто только этимъ закономъ служенія каждаго всѣмъ и потому всѣхъ каждому.

„Но если это и можетъ быть закономъ мыслимымъ это не есть законъ дѣйствительности“, отвѣчаетъ возмущенное заблудшее сознаніе человѣка. „Теперь другіе не любятъ меня больше себя, и потому и я не могу любить ихъ больше себя и для нихъ лишаться наслажденій и подвергаться страданіямъ. Мнѣ дѣла нѣтъ до закона разума; я себѣ хочу наслажденій и себѣ хочу избавленія отъ страданій. Но, теперь существуетъ борьба существъ между собою, и если я одинъ не буду бороться, другіе задавятъ меня. Мнѣ все равно, какимъ путемъ мысленно достигается наилучшее благополу-

чіе всѣхъ, мнѣ нужно теперъ наибольшее мое дѣйствительное благо", говоритъ ложное сознаніе.

— Ничего не знаю про это, отвѣчаетъ разумное сознаніе. Знаю только, что то, что ты называешь своими наслажденіями, только тогда будетъ благомъ для тебя, когда ты не самъ будешь брать, а другіе будутъ давать ихъ тебѣ, и только тогда твои наслажденія будутъ дѣлаться излишествомъ и страданіями, какими они дѣлаются теперь, когда ты самъ для себя будешь ухватывать ихъ. Только тогда ты избавишься и отъ дѣйствительныхъ страданій, когда другіе будутъ тебя избавлять отъ нихъ, а не ты самъ,—какъ теперь, когда изъ страха воображаемыхъ страданій ты лишаешь себя самой жизни.

Знаю, что жизнь личности, жизнь такая, при которой необходимо, чтобы всѣ любили меня одного, и я любилъ бы только себя, и при которой я могъ бы получить какъ можно больше наслажденій и избавиться отъ страданій и смерти, есть величайшее и не перестающее страданіе. Чѣмъ больше я буду любить себя и бороться съ другими, тѣмъ больше будутъ ненавидѣть меня и тѣмъ злѣе бороться со мной; чѣмъ больше я буду ограждаться отъ страданій, тѣмъ они будутъ мучительнѣе; чѣмъ больше я буду ограждаться отъ смерти тѣмъ она будетъ страшнѣе.

Знаю, что, что бы ни дѣлалъ человѣкъ, онъ не получитъ блага, до тѣхъ поръ, пока не будетъ жить сообразно закону своей жизни. Законъ же его жизни не есть борьба, а, напротивъ, взаимное служеніе существъ другъ другу.

„Но я знаю жизнь только въ своей личности. Мнѣ невозможно полагать свою жизнь въ благѣ другихъ существъ".

— Ничего не знаю этого, говоритъ разумное сознаніе; знаю только то, что моя жизнь и жизнь міра представлявшіяся мнѣ прежде злой безсмыслицей, представляются мнѣ теперь однимъ разумнымъ цѣлымъ, живущимъ и стремящимся къ одному и тому же благу, чрезъ подчиненіе одному и тому же закону разума, который я знаю въ себѣ.

„А мнѣ невозможно это!" говоритъ заблудшее сознаніе. — И вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ человѣка, который не дѣлалъ бы этого самаго невозможнаго, въ этомъ самомъ невозможномъ не полагалъ бы лучшаго блага своей жизни.

„Невозможно полагать свое благо въ благѣ другихъ существъ,—

а между тѣмъ нѣтъ человѣка, который бы не зналъ состоянія, пр
которомъ благо существъ внѣ его становилось его благомъ. „Не
возможно полагать благо въ трудахъ и страданіи для другого“, —
а стоитъ человѣку отдаться этому чувству состраданія,—и наслаж
денія личности теряютъ для него смыслъ, и сила жизни его пере
ходитъ въ труды и страданія для блага другихъ; и страданія
труды становятся для него благомъ. „Невозможно жертвовать свое
жизнью для блага другихъ“, — а стоитъ человѣку познать эт
чувство, и смерть не только не видна и не страшна ему, но пред
ставляется высшимъ доступнымъ ему благомъ.

Разумный человѣкъ не можетъ не видѣть, что, если допустит
мысленно возможность замѣны стремленія къ своему благу стрем
леніемъ къ благу другихъ существъ, то жизнь его, вмѣсто преж
няго неразумія ея и бѣдственности, становится разумною и благою
Онъ не можетъ не видѣть и того, что, при допущеніи такого же
пониманія жизни и въ другихъ людяхъ и существахъ, жизнь всего
міра, вмѣсто прежде представлявшихся безумія и жестокости, ста
новится тѣмъ высшимъ разумнымъ благомъ, котораго только мо
жетъ желать человѣкъ,—вмѣсто прежней безсмысленности и без
цѣльности, получаетъ для него разумный смыслъ: цѣлью жизни
міра представляется такому человѣку безконечное просвѣтленіе и
единеніе существъ міра, къ которому идетъ жизнь, и въ которомъ
сначала люди, а потомъ и всѣ существа, болѣе и болѣе подчи
няясь закону разума, будутъ понимать (то, что дано понимать те
перь одному человѣку), что благо жизни достигается не стремле
ніемъ каждаго существа къ своему личному благу, а стремленіемъ,
согласно съ закономъ разума, каждаго существа къ благу всѣхъ
другихъ.

Но мало того: допустивъ только возможность замѣны стремленія
къ своему благу стремленіемъ къ благу другихъ существъ, челo
вѣкъ не можетъ не видѣть и того, что это то самое постепенное,
большее и большее отреченіе своей личности и перенесеніе цѣли дѣя
тельности изъ себя въ другія существа и есть все движеніе впе
редъ человѣчества и тѣхъ живыхъ существъ, которыя ближе къ
человѣку. Человѣкъ не можетъ не видѣть въ исторіи, что движе
ніе общей жизни не въ усиленіи и увеличеніи борьбы существъ
между собою, а напротивъ,—въ уменьшеніи несогласія и въ осла
бленіи борьбы; что движеніе жизни только въ томъ, что міръ, изъ

вражды и несогласія, черезъ подчиненіе разуму приходитъ все болѣе къ согласію и единству. Допустивъ это, человѣкъ не можетъ не видѣть, что люди, поѣдавшіе другъ друга, перестаютъ поѣдать; убивавшіе плѣнныхъ и своихъ дѣтей, перестаютъ ихъ убивать; что военные, гордившіеся убійствомъ, перестаютъ этимъ гордиться; учреждавшіе рабство, уничтожаютъ его; что люди, убившіе животныхъ, начинаютъ приручать ихъ и меньше убивать; начинаютъ питаться, вмѣсто тѣла животныхъ, ихъ яйцами и молокомъ; начинаютъ и въ мірѣ растеній уменьшать ихъ уничтоженіе. Человѣкъ видитъ, что лучшіе люди человѣчества осуждаютъ поиски за наслажденіями, призываютъ людей къ воздержности, а самые лучшіе люди, восхваляемые потомствомъ, показываютъ примѣры жертвы своимъ существованіемъ для блага другихъ. Человѣкъ видитъ, что то самое, что онъ допустилъ только по требованіямъ разума, то самое и совершается дѣйствительно въ мірѣ и подтверждается прошедшею жизнью человѣчества.

Но мало и этого: еще сильнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ разумъ и исторія, это самое, совсѣмъ изъ другого, какъ будто, источника, показываетъ человѣку стремленіе его сердца, влекущее его, какъ къ непосредственному благу, къ той самой дѣятельности, которую указываетъ ему его разумъ и которая въ сердцѣ его выражается любовью.

XX.

Требованіе личности кажется несовмѣстнымъ съ требованіемъ разумнаго сознанія.

И разумъ, и разсужденіе, и исторія, и внутреннее чувство— все, казалось бы, убѣждаетъ человѣка въ справедливости такого пониманія жизни; но человѣку, воспитанному въ ученіи міра, все-таки, кажется, что удовлетвореніе требованій его разумнаго сознанія и его чувства не можетъ быть закономъ его жизни.

„Не бороться съ другими за свое личное благо, не искать наслажденій, не предотвращать страданія и не бояться смерти! Да это невозможно, да это отреченіе отъ всей жизни! И какъ же я отрекусь отъ личности, когда я чувствую требованія моей личности и разумомъ познаю законность этихъ требованій?“—говорятъ съ полною увѣренностью образованные люди нашего міра.

И замѣчательное явленіе: люди рабочіе, простые, мало упражнявшіе свой разсудокъ, почти никогда не отстаиваютъ требованій личности и всегда чувствуютъ въ себѣ требованія, противоположныя требованіямъ личности; но полное отрицаніе требованій разумнаго сознанія и, главное, опроверженіе законности этихъ требованій и отстаиваніе правъ личности встрѣчается только между людьми богатыми, утонченными, съ развитымъ разсудкомъ.

Человѣкъ развитой, изнѣженный, праздный всегда будетъ доказывать, что личность имѣетъ свои неотъемлемыя права. Человѣкъ же голодающій не будетъ доказывать, человѣку нужно ѣсть,—онъ знаетъ, что всѣ это знаютъ, и что этого ни доказать, ни опровергнуть нельзя: онъ только будетъ ѣсть.

Происходитъ это отъ того, что человѣкъ простой, такъ называемый, необразованный, всю жизнь свою работавшій тѣломъ, не извратилъ свой разумъ и удержалъ его во всей чистотѣ и силѣ.

Человѣкъ же, всю жизнь свою мыслившій не только о ничтожныхъ, пустячныхъ предметахъ, но и о такихъ предметахъ, о которыхъ несвойственно думать человѣку, извратилъ свой разумъ: не свободенъ у него. Разумъ занятъ несвойственнымъ ему дѣломъ,—обдумываніемъ своихъ потребностей личности, развитіемъ, увеличеніемъ ихъ и придумываніемъ средствъ къ ихъ удовлетворенію.

„Но я чувствую требованія моей личности, и потому эти требованія и законны“,—говорятъ, такъ называемые, образованные люди, воспитанные мірскимъ ученіемъ.

И нельзя имъ не чувствовать требованій своей личности. Вся жизнь этихъ людей направлена на мнимое увеличеніе блага личности. Благо же личности представляется имъ въ удовлетвореніи потребностей. Потребностями же личности они называютъ всѣ тѣ условія существованія личности, на которыя они направили свой разумъ. Потребности же сознанныя,—такія, на которыя направленъ разумъ,—всегда, вслѣдствіе этого сознанія, разростаются до безконечныхъ предѣловъ. Удовлетвореніе же этихъ разросшихся потребностей заслоняетъ отъ нихъ требованія ихъ истинной жизни.

Такъ называемая наука объ обществѣ въ основу своихъ изслѣдованій ставитъ ученіе о потребностяхъ человѣка, забывая то неудобное для этого ученія обстоятельство, что потребностей у всякаго человѣка или нѣтъ никакихъ, какъ ихъ нѣтъ у человѣка,

бивающаго себя или морящаго голодомъ, или, буквально, ихъ безчисленное количество.

Потребностей существованія животнаго человѣка столько, сколько сторонъ этого существованія, а сторонъ столько же, сколько радіусовъ въ шарѣ. Потребности пищи, питья, дыханья, упражненія всѣхъ мускуловъ и нервовъ; потребности труда, отдыха удовольствія, семейной жизни; потребности науки, искусства, религіи, разнообразія ихъ. Потребности, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, ребенка, юноши, мужа, старца, дѣвушки, женщины, старухи; потребности китайца, парижанина, русскаго, лапландца; потребности, соотвѣтствующія привычкамъ породъ, болѣзнямъ...

Можно перечислять до конца дней, не перечисливъ всего, въ въ чемъ могутъ состоять потребности личнаго существованія человѣка. Потребностями могутъ быть всѣ условія существованія, а условій существованія безчисленное множество.

Потребностями называютъ, однако, только тѣ условія, которыя сознаны. Но сознанныя условія, какъ только они сознаны, теряютъ свое настоящее значеніе и получаютъ все то преувеличенное значеніе, которое даетъ имъ направленный на нихъ разумъ, и заслоняютъ собою истинную жизнь.

То, что называютъ потребностями, т. е. условія животнаго существоованія человѣка, можно сравнить съ безчисленными, способными раздуваться шариками, изъ которыхъ бы было составлено какое-нибудь тѣло. Всѣ шарики равны одни съ другими и имѣютъ себѣ мѣсто и не стѣснены, пока они не раздуваются,—и всѣ потребности равны и имѣютъ мѣсто, и не ощущаются болѣзненно, пока онѣ не сознаны. Но стоитъ начать раздувать шарикъ, и онъ можетъ быть раздутъ такъ, что займетъ больше мѣста, чѣмъ всѣ остальные, стѣснитъ другіе и самъ будетъ стѣсненъ. То же и съ потребностями: стоитъ направитъ на одну изъ нихъ разумное сознаніе, и эта сознанная потребность занимаетъ всю жизнь и заставляетъ страдать все существо человѣка.

XXI.

Требуется не отреченіе отъ личности, а подчиненіе ея разумному сознанію.

Да, утвержденіе о томъ, что человѣкъ не чувствуетъ требованій своего разумнаго сознанія, а чувстуетъ однѣ потребности личности,

есть ни что иное, какъ утвержденіе того, что наши животныя похоти, на усиленіе которыхъ мы употребили весь нашъ разумъ, владѣютъ нами и скрыли отъ насъ нашу истинную человѣческую жизнь. Сорная трава разросшихся пороковъ задавила ростки истинной жизни.

Да какъ же и не быть этому въ нашемъ мірѣ, когда прямо признавалось и признается тѣми, которые считаются учителями другихъ, что высшее совершенство отдѣльнаго человѣка есть всестороннее развитіе утонченныхъ потребностей его личности, что благо массъ въ томъ, чтобы у нихъ было много потребностей и онѣ могли бы удовлетворять ихъ, что благо людей состоитъ въ удовлетвореніи ихъ потребностей.

Какъ же могутъ люди, воспитанные въ такомъ ученіи не утверждать того, что требованій разумнаго сознанія они не чувствуютъ, а чувствуютъ однѣ потребности личности? Да какъ же имъ и чувствовать требованія разума, когда весь разумъ ихъ безъ остатка ушелъ на усиленіе ихъ похотей, и какъ имъ отречься отъ требованій своихъ похотей, когда эти похоти поглотили всю ихъ жизнь?

„Отреченіе отъ личности невозможно“,—говорятъ обыкновенно эти люди, нарочно стараясь извратить вопросъ и, вмѣсто понятія подчиненія личности закону разума, подставляя понятіе отреченія отъ нея.

„Это противоестественно—говорятъ они—и потому невозможно“. Да никто и не говоритъ объ отреченіи отъ личности. Личность для разумнаго человѣка есть то же, что дыханіе, кровообращеніе для животной личности. Какъ животной личности отречься отъ кровообращенія? Про это и говорить нельзя. Также нельзя говорить разумному человѣку и объ отреченіи отъ личности. Личность для разумнаго человѣка есть такое же необходимое условіе его жизни, какъ и кровообращеніе—условіе существованія его животной личности.

Личность, какъ животная личность, и не можетъ заявлять и не заявляетъ никакихъ требованій. Требованія эти заявляетъ ложно направленный разумъ—разумъ, направленный не на руководство жизнью, не на освѣщеніе ея, а на раздутіе похотей личности.

Требованія животной личности всегда удовлетворимы. Не можетъ человѣкъ говоритъ, что я буду ѣсть, или во что одѣнусь? Всѣ эти потребности обезпечены человѣку такъ же, какъ птицѣ и цвѣтку,

если онъ живетъ разумной жизнью. И въ дѣйствительности, кто, думающій человѣкъ, можетъ вѣрить, чтобы онъ могъ уменьшить бѣдственность своего существованія обезпеченіемъ своей личности?

Бѣдственность существованія человѣка происходитъ не отъ того, что онъ личность, а отъ того, что онъ признаетъ существованіе своей личности жизнью и благомъ. Только тогда являются противорѣчіе, раздвоеніе и страданіе человѣка.

Страданія человѣка начинаются только тогда, когда онъ употребляетъ силу своего разума на усиленіе и увеличеніе до безконечныхъ предѣловъ разростающихся требованій личности для того, чтобы скрыть отъ себя требованія разума.

Отрекаться нельзя и не нужно отрекаться отъ личности, какъ и отъ всѣхъ тѣхъ условій, въ которыхъ существуетъ человѣкъ; но можно и должно не признавать эти условія самою жизнью. Можно и должно пользоваться данными условіями жизни, но нельзя и не должно смотрѣть на эти условія, какъ на цѣль жизни. Не отречься отъ личности, а отречься отъ блага личности и перестать признавать личность жизнію: вотъ что должно сдѣлать человѣку для того, чтобы возвратиться къ единству, и для того, чтобы то благо, стремленіе къ которому составляетъ его жизнь, было доступно ему.

Съ древнѣйшихъ временъ ученіе о томъ, что признаніе своей жизни въ личности есть уничтоженіе жизни и что отреченіе отъ блага личности есть единственный путь достиженія жизни, было проповѣдуемо великими учителями человѣчества.

„Да, но это что же? Это буддизмъ!“ — говорятъ на это обыкновенно люди нашего времени. „Это нирвана, это состояніе на столбу!“.

И когда они сказали это, людямъ нашего времени кажется, что они самымъ успѣшнымъ образомъ опровергли то, что всѣ очень хорошо знаютъ, и чего скрыть ни отъ кого нельзя: что жизнь личная бѣдственна и не имѣетъ никакого смысла.

„Это буддизмъ, нирвана“,—говорятъ они, и имъ кажется, что этими словами они опровергли все то, что признавалось и признается милліардами людей и что каждый изъ насъ въ глубинѣ души знаетъ очень хорошо,—именно, что жизнь для цѣлей личности губительна и безсмысленна, и что, если есть какой-нибудь выходъ изъ этой губительности и безсмысленности, то выходъ этотъ несомнѣнно ведетъ черезъ отреченіе отъ блага личности.

То, что такъ понимала и понимаетъ жизнь большая половина человѣчества,—то, что величайшіе умы понимали жизнь такъ же,—то, что никакъ нельзя ее понимать иначе, нисколько не смущаетъ ихъ. Они такъ увѣрены въ томъ, что всѣ вопросы жизни, если не разрѣшаются самымъ удовлетворительнымъ образомъ, то устраняются телефонами, оперетками, бактеріологіей, электрическимъ свѣтомъ, робуритомъ и т. п., что мысль объ отреченіи отъ блага жизни личной представляется имъ только отголоскомъ древняго невѣжества.

А между тѣмъ несчастные не подозрѣваютъ того, что самый грубый индіецъ, стоящій годы на одной ногѣ во имя только отреченія отъ блага личности для нирваны,—безъ всякаго сравненія болѣе живой человѣкъ, чѣмъ они, озвѣрѣвшіе люди нашего современнаго европейскаго общества, летающіе по всему міру по желѣзнымъ дорогамъ и при электрическомъ свѣтѣ показывающіе всему свѣту свое скотское состояніе. Индіецъ этотъ понялъ то, что въ жизни личности и жизни разумной есть противорѣчіе, и разрѣшаетъ его, какъ умѣетъ; люди же нашего образованнаго міра не только не поняли этого противорѣчія, но даже и не вѣрятъ тому, что оно есть. Положеніе о томъ, что жизнь человѣческая не есть существованіе личности человѣка, добытое тысячелѣтнимъ духовнымъ трудомъ всего человѣчества,—положеніе это для человѣка (не животнаго) стало въ нравственномъ мірѣ не только такой же, но гораздо болѣе несомнѣнной и несокрушимой истиной, чѣмъ вращеніе земли и законы тяготѣнія. Всякій мыслящій человѣкъ, ученый, невѣжда, старикъ, ребенокъ понимаютъ и знаютъ это; скрыто это только отъ самыхъ дикихъ людей въ Африкѣ и въ Австраліи и отъ одичавшихъ обезпеченныхъ людей въ европейскихъ городахъ и столицахъ. Истина эта стала достояніемъ человѣчества, и если человѣчество не возвращается назадъ въ своихъ побочныхъ знаніяхъ механики, алгебры, астрономіи, тѣмъ болѣе въ основномъ и главномъ знаніи опредѣленія своей жизни оно не можетъ идти назадъ. Забыть и стереть съ сознанія человѣчества то, что оно вынесло изъ своей жизни многихъ тысячелѣтій, — уясненіе тщеты, безсмысленности и бѣдственности личной жизни—невозможно. Попытки возстановленія допотопнаго дикаго взгляда на жизнь, какъ на личное существованіе, которыми занята такъ называемая наука нашего европейскаго міра, только очевиднѣе показываютъ ростъ разумнаго сознанія человѣчества, показываютъ до очевидности, какъ выросло уже человѣчество изъ

своего дѣтскаго платья. И философскія теоріи самоуничтоженія, и практика разростающихся въ страшной пропорціи самоубійствъ показываютъ невозможность возвращенія человѣчества къ пережитой ступени сознанія.

Жизнь, какъ личное существованіе, отжита человѣчествомъ; и вернуться къ ней нельзя; и забыть то, что личное существованіе человѣка не имѣетъ смысла, невозможно. Что бы мы ни писали, ни говорили, ни открывали, какъ бы ни усовершенствовали нашу личную жизнь, отрицаніе возможности блага личности остается непоколебимой истиной для всякаго разумнаго человѣка нашего времени.

„А все таки вертится!“ Дѣло не въ томъ, чтобы опровергать положенія Галилея и Коперника и придумывать новые Птоломеевы круги,—ихъ уже нельзя придумать,—а дѣло въ томъ, чтобы идти дальше, дѣлать дальнѣйшіе выводы изъ того положенія, которое вошло уже въ общее сознаніе человѣчества. То же и съ положеніемъ о невозможности блага личности, высказаннымъ и Браминами, и Буддой, и Лаодзе, и Соломономъ, и стоиками и всѣми истинными мыслителями человѣчества. Не скрывать отъ себя надо это положеніе и не обходить его всѣми способами, а смѣло и явно признать его и дѣлать изъ него дальнѣйшіе выводы.

XXII.

Чувство любви есть проявленіе дѣятельности личности, подчиненной разумному сознанію.

Жить для цѣлей личности разумному существу нельзя. Нельзя потому, что всѣ пути заказаны ему; всѣ цѣли, къ которымъ влечется животная личность человѣка,—всѣ явно недостижимы. Разумное сознаніе указываетъ другія цѣли, и цѣли эти не только достижимы, но даютъ полное удовлетвореніе разумному сознанію человѣка; сначала, однако, подъ вліяніемъ ложнаго ученія міра, человѣку представляется, что цѣли эти противоположны его личности.

Какъ ни старается человѣкъ, воспитанный въ нашемъ мірѣ, съ развитыми, преувеличенными похотями личности, признать себя въ своемъ разумномъ *я*, онъ не чувствуетъ въ этомъ *я* стремленія къ жизни, которое онъ чувствуетъ въ своей животной личности. Разумное *я* какъ будто созерцаетъ жизнь, но не живетъ само и не

имѣетъ влеченія къ жизни. Разумное *я* не чувствуетъ стремленія къ жизни, а животное *я* должно страдать,—и потому остается одно—избавиться отъ жизни.

Такъ недобросовѣстно разрѣшаютъ вопросъ отрицательные философы нашего времени (Шопенгауеръ, Гартманъ), отрицающіе жизнь и все-таки остающіеся въ ней, вмѣсто того, чтобы воспользоваться возможностью выйти изъ нея. И такъ добросовѣстно разрѣшаютъ этотъ вопросъ самоубійцы, выходя изъ жизни, не представляющей для нихъ ничего, кромѣ зла. Самоубійство представляется имъ единственнымъ выходомъ изъ неразумія человѣческой жизни нашего времени.

Разсужденіе пессимистической философіи и самыхъ обыкновенныхъ самоубійцъ такое: есть животное *я*, въ которомъ есть влеченіе къ жизни. Это *я* съ своимъ влеченіемъ не можетъ быть удовлетворено; есть другое *я*, разумное, въ которомъ нѣтъ никакого влеченія къ жизни, которое только критически созерцаетъ всю ложную жизнерадостность и страстность животнаго *я* и отрицаетъ ее всю.

Отдайся я первому,—я вижу, что живу безумно и иду къ бѣдствіямъ, все глубже и глубже погружаясь въ нихъ. Отдайся я второму, разумному *я*, —во мнѣ не остается влеченія къ жизни. Я вижу, что жить для одного того, для чего мнѣ хочется жить, для счастія личности,—нелѣпо и невозможно. Для разумнаго же сознанія и можно бы жить, да незачѣмъ и не хочется. Служить тому началу, отъ котораго я ишелъ,—Богу? Зачѣмъ? У Бога, если онъ есть, и безъ меня найдутся служители. А мнѣ зачѣмъ? Смотрѣть на всю эту игру жизни можно, пока не скучно. А скучно, — можно уйти, убить себя. Такъ я и дѣлаю.

Вотъ то противорѣчивое представленіе жизни, до котораго дожило человѣчество еще до Соломона, до Будды, и къ которому хотятъ возвратить его ложные учители нашего времени.

Требованія личности доведены до крайнихъ предѣловъ неразумія. Проснувшійся разумъ отрицаетъ ихъ. Но требованія личности такъ разрослись, такъ загромоздили сознаніе человѣка, что ему кажется, что разумъ отрицаетъ всю жизнь. Ему кажется то, что если откинуть изъ своего сознанія жизни все то, что отрицаетъ его разумъ, то ничего не останется. Онъ не видитъ уже того, что остается. Остатокъ,—тотъ остатокъ, въ которомъ есть жизнь, ему кажется ничѣмъ.

Но свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не можетъ объять его.

Ученіе истины знаетъ эту диллему — или безумное существованіе, или отрѣченіе отъ него — и разрѣшаетъ ее.

Ученіе, которое всегда и называлось ученіемъ о благѣ, ученіе истины, указало людямъ, что вмѣсто того обманчиваго блага, котораго они ищутъ для животной личности, они не то, что могутъ получить когда-то, гдѣ-то, но всегда имѣютъ, сейчасъ, здѣсь неотъемлемое отъ нихъ, дѣйствительное благо, всегда доступное имъ.

Благо это не есть нѣчто, только выведенное изъ разсужденія, не есть что-то такое, что надо отыскивать гдѣ-то, не есть благо, обѣщанное гдѣ-то и когда-то, а есть то самое знакомое человѣку благо, къ которому непосредственно влечется каждая неразвращенная душа человѣческая.

Всѣ люди съ самыхъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ знаютъ, что, кромѣ блага животной личности, есть еще одно, лучшее благо жизни, которое не только независимо отъ удовлетворенія похотей животной личности, но, напротивъ, бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше отреченіе отъ блага животной личности.

Чувство это, разрѣшающее всѣ противорѣчія жизни человѣческой и дающее наибольшее благо человѣку, знаютъ всѣ люди. Чувство это есть *любовь*.

Жизнь есть дѣятельность животной личности, подчиненной закону разума. Разумъ есть тотъ законъ, которому для своего блага должна быть подчинена животная личность человѣка. Любовь есть единственная разумная дѣятельность человѣка.

Животная личность влечется къ благу; разумъ указываетъ человѣку обманчивость личнаго блага и оставляетъ одинъ путь. Дѣятельность на этомъ пути есть любовь.

Животная личность человѣка требуетъ блага, разумное сознаніе показываетъ человѣку бѣдственность всѣхъ борющихся между собою существъ, показываетъ ему, что блага для его животной личности быть не можетъ, показываетъ ему, что единственное благо, возможное ему, было бы такое, при которомъ не было бы ни борьбы съ другими существами, ни прекращенія блага, пресыщенія имъ, не было бы привидѣнія и ужаса смерти.

И вотъ, какъ ключъ, сдѣланный только къ этому замку, человѣкъ въ душѣ своей находитъ чувство, которое даетъ ему то самое благо, на которое, какъ на единственно возможное, указываетъ ему

разумъ. И чувство это не только разрѣшаетъ прежнее противорѣчіе жизни, но какъ бы въ этомъ противорѣчіи и находитъ возможность своего проявленія.

Животныя личности для своихъ цѣлей хотятъ воспользоваться личностью человѣка. А чувство любви влечетъ его къ тому, чтобы отдать свое существованіе на пользу другихъ существъ.

Животная личность страдаетъ. И эти-то страданія и облегченіе ихъ составляютъ главный предметъ дѣятельности любви. Животная личность, стремясь къ благу, стремится каждымъ дыханіемъ къ величайшему злу—къ смерти, привидѣніе которой нарушало всякое благо личности. А чувство любви не только уничтожаетъ этотъ страхъ, но влечетъ человѣка къ послѣдней жертвѣ своего плотскаго существованія для блага другихъ.

XXIII.

Проявленіе чувства любви невозможно для людей, не понимающихъ смысла своей жизни.

Всякій человѣкъ знаетъ, что въ чувствѣ любви есть что-то особенное, способное разрѣшать всѣ противорѣчія жизни и давать человѣку то полное благо, въ стремленіи къ которому состоитъ его жизнь.

„Но вѣдь это чувство, которое приходитъ только изрѣдка, продолжается недолго и послѣдствіемъ его бываютъ еще худшія страданія“, говорятъ люди, не разумѣющіе жизни.

Людямъ этимъ любовь представляется не тѣмъ единственнымъ законнымъ проявленіемъ жизни, какимъ она представляется для разумнаго сознанія, а только одною изъ тысячей разныхъ случайностей, бывающихъ въ жизни,—представляется однимъ изъ тѣхъ тысячей разнообразныхъ настроеній, въ которыхъ бываетъ человѣкъ во время своего существованія: бываетъ, что человѣкъ щеголяетъ, бываетъ что увлеченъ наукою или искусствомъ, бываетъ, что увлеченъ службой, честолюбіемъ, пріобрѣтеніемъ, бываетъ, что онъ любитъ кого-нибудь. Настроеніе любви представляется людямъ, не разумѣющимъ жизни,—не сущностью жизни человѣческой, но случайнымъ настроеніемъ—такимъ же независимымъ отъ его воли, какъ и всѣ другія, которымъ подвергается человѣкъ во время своей жизни. Даже можно часто прочесть и услыхать сужденія о томъ,

что любовь есть нѣкоторое неправильное, нарушающее правильное теченіе жизни, мучительное настроеніе. Нѣчто подобное тому, что должно казаться совѣ, когда восходитъ солнце.

Чувствуется, правда, и этими людьми то, что въ состояніи любви есть что-то особенное, болѣе важное, чѣмъ во всѣхъ другихъ настроеніяхъ. Но не понимая жизни, люди эти не могутъ и понимать любви, и состояніе любви представляется имъ такимъ же бѣдственнымъ и такимъ же обманчивымъ, какъ и всѣ другія состоянія.

Любить?.. но кого-же?
На время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно"...

Слова эти точно выражаютъ смутное сознаніе людей, что въ любви—спасенье отъ бѣдствій жизни и единственное нѣчто, похожее на истинное благо, и вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе въ томъ, что для людей, не понимающихъ жизни, любовь не можетъ быть якоремъ спасенія. Любить некого, и всякая любовь проходитъ. И потому любовь могла бы быть благомъ только тогда, когда было бы кого любить и былъ бы тотъ, кого можно любить вѣчно. А такъ какъ этого нѣтъ, то и нѣтъ спасенія въ любви, и любовь такой же обманъ и такое же страданіе, какъ и все остальное.

И такъ, и не иначе, какъ такъ, могутъ понимать любовь люди, учащіе и сами научаемые тому, что жизнь есть ни что иное, какъ животное существованіе.

Для такихъ людей любовь даже не соотвѣтствуетъ тому понятію, которое мы всѣ невольно соединяемъ съ словомъ любовь. Она не есть дѣятельность добрая, дающая благо любящему и любимому. Любовь очень часто въ представленіи людей, признающихъ жизнь въ животной личности,—то самое чувство, вслѣдствіе котораго для блага своего ребенка одна мать отнимаетъ у другого голоднаго ребенка молоко его матери и страдаетъ отъ безпокойства за успѣхъ кормленія; то чувство, по которому отецъ, мучая себя, отнимаетъ послѣдній кусокъ у голодающихъ людей, чтобы обезпечить своихъ дѣтей; это—то чувство, по которому любящій женщину страдаетъ отъ этой любви и заставляетъ ее страдать, соблазняя ее, или изъ ревности губитъ себя и ее; то чувство, по которому бываетъ даже, что человѣкъ изъ любви насильничаетъ женщину; это то чувство, по которому люди одного товарищества наносятъ вредъ другому,

чтобы отстоять своихъ; это то чувство, по которому человѣкъ мучаетъ самъ себя надъ любимымъ занятіемъ и этимъ же занятіемъ причиняетъ горе и страданія окружающимъ его людямъ; это то чувство, по которому люди не могутъ стерпѣть оскорбленія любимому отечеству и устилаютъ поля убитыми и ранеными своими и чужими.

Но мало и этого, дѣятельность любви для людей, признающихъ жизнь въ благѣ животной личности, представляетъ такія затрудненія, что проявленія ея становятся не только мучительными, но часто и невозможными. „Надо не разсуждать о любви", говорятъ обыкновенно люди, не понимающіе жизни, а предаваться тому непосредственному чувству предпочтенія, пристрастія къ людямъ, которое испытываешь, и это-то и есть настоящая любовь".

Они правы, что нельзя разсуждать о любви, что всякое разсужденіе о любви уничтожаетъ любовь. Но дѣло въ томъ, что не разсуждать о любви могутъ только тѣ люди, которые уже употребили свой разумъ на пониманіе жизни и отреклись отъ блага личной жизни; тѣ же люди, которые не поняли жизни и существуютъ для блага животной личности, не могутъ не разсуждать. Имъ необходимо разсуждать, чтобы предаваться тому чувству, которое они называютъ любовью. Всякое проявленіе этого чувства невозможно для нихъ безъ разсужденія, безъ разрѣшенія неразрѣшимыхъ вопросовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, люди предпочитаютъ своего ребенка, своихъ друзей, свою жену, своихъ дѣтей, свое отечество всякимъ другимъ дѣтямъ, женамъ, друзьямъ, отечествамъ и называютъ это чувство любовью.

Любить вообще значитъ желать дѣлать доброе. Такъ мы всѣ понимаемъ и не можемъ иначе понимать любовь. И вотъ я люблю своего ребенка, свою жену, свое отечество, т. е. желаю блага своему ребенку, женѣ, отечеству больше, чѣмъ другимъ дѣтямъ, женамъ и отечествамъ. Никогда не бываетъ и не можетъ быть, чтобы я любилъ только своего ребенка, или жену, или только отечество. Всякій человѣкъ любитъ вмѣстѣ и ребенка, и жену, и дѣтей, и отечество, и людей вообще. Между тѣмъ условія блага, котораго онъ по своей любви желаетъ различнымъ любимымъ существамъ, такъ связаны между собой, что всякая любовная дѣятельность человѣка для одного изъ любимыхъ существъ не только мѣшаетъ его дѣятельности для другихъ, но бываетъ въ ущербъ другимъ.

И вотъ являются вопросы: во имя какой любви и какъ дѣйствовать? Во имя какой любви жертвовать другою любовью, кого любить больше и кому дѣлать больше добра,—женѣ или дѣтямъ, женѣ и дѣтямъ или друзьямъ? Какъ служить любимому отечеству, не нарушая любви къ женѣ, дѣтямъ и друзьямъ? Какъ, наконецъ, рѣшать вопросы о томъ, насколько можно мнѣ жертвовать и моей личностью, нужной для служенія другимъ? Насколько мнѣ можно заботиться о себѣ для того, чтобы я могъ, любя другихъ, служить имъ? Всѣ эти вопросы кажутся очень простыми для людей, не пытающихся дать себѣ отчетъ въ томъ чувствѣ, которое они называютъ любовью; но они не только не просты, они совершенно неразрѣшимы.

И не даромъ законникъ поставилъ Христу этотъ самый вопросъ: кто ближній? Отвѣчать на эти вопросы кажется очень легко только людямъ, забывающимъ настоящія условія жизни человѣческой.

Только если бы люди были боги, какъ мы воображаемъ ихъ, только тогда они могли бы любить однихъ избранныхъ людей; тогда бы только и предпочтеніе однихъ другихъ могло быть истинною любовью. Но люди не боги, а находятся въ тѣхъ условіяхъ существованія, при которыхъ всѣ живыя существа всегда живутъ одни другими, пожирая одни другихъ, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ; и человѣкъ, какъ разумное существо, долженъ знать и видѣть это. Онъ долженъ знать, что всякое плотское благо получается однимъ существомъ только въ ущербъ другому.

Сколько бы ни увѣряли людей суевѣрія религіозныя и научныя о такомъ будущемъ золотомъ вѣкѣ, въ которомъ всего всѣмъ будетъ довольно, разумный человѣкъ видитъ и знаетъ, что законъ его временнаго и пространственнаго существованія есть борьба всѣхъ противъ каждаго, каждаго противъ каждаго и противъ всѣхъ.

Въ той давкѣ и борьбѣ животныхъ интересовъ, которыя составляютъ жизнь міра, человѣку невозможно любить избранныхъ, какъ это воображаютъ люди не понимающіе жизнь. Человѣкъ, если онъ любитъ хотя и избранныхъ, никогда не любитъ только одного. Всякій человѣкъ любитъ и мать и жену, и ребенка, и друзей, и отечество и даже всѣхъ людей. И любовь не есть только слово (какъ всѣ согласны въ этомъ), но есть дѣятельность, направленная на благо другихъ. Дѣятельность же эта не происходитъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ порядкѣ, такъ что сначала заявляются

человѣку требованія его самой сильной любви, потомъ менѣе сильной и т. д. Требованія любви заявляются безпрестанно всѣ вмѣстѣ, безъ всякаго порядка. Сейчасъ пришелъ голодный старикъ, котораго я немножко люблю, и проситъ ѣды, которую я берегу на ужинъ много любимымъ дѣтямъ; какъ мнѣ взвѣсить требованія сейчасной менѣе сильной любви съ будущими требованіями болѣе сильной любви?

Эти самые вопросы и были поставлены эаконникомъ Христу: „Кто ближній“? Въ самомъ дѣлѣ, какъ рѣшить, кому нужно служить и въ какой мѣрѣ: людямъ или отечеству? отечеству или своимъ пріятелямъ? своимъ пріятелямъ или своей женѣ? своей женѣ или своему отцу? своему отцу или своимъ дѣтямъ? своимъ дѣтямъ или самому себѣ (чтобы быть въ состояніи служить другимъ, когда это понадобится).

Вѣдь все это требованія любви, и всѣ они переплетены между собой, такъ, что удовлетвореніе требованіямъ однихъ лишаетъ человѣка возможности удовлетворять другихъ. Если же я допущу, что озябшаго ребенка можно не одѣть, потому что моимъ дѣтямъ, когда нибудь понадобится то платье, котораго у меня просятъ, то я могу не отдаваться и другимъ требованіямъ любви во имя моихъ будущихъ дѣтей.

Точно то же и по отношенію къ любви къ отечеству, избраннымъ занятіемъ и ко всѣмъ людямъ. Если человѣкъ можетъ отказывать требованіямъ самой малой любви настоящаго во имя требованій самой малой любви будущаго, то развѣ не ясно, что такой человѣкъ, если бы онъ всѣми силами и желалъ этого, никогда не будетъ въ состояніи взвѣсить, насколько онъ можетъ отказывать требованіямъ настоящаго во имя будущаго, и потому, не будучи въ силахъ рѣшить этого вопроса, всегда выберетъ то проявленіе любви, которое будетъ пріятно для него, т. е. будетъ дѣйствовать не во имя любви, а во имя своей личности. Если человѣкъ рѣшаетъ, что ему лучше воздержаться отъ тробованій настоящей, самой малой любви во имя другого, будущаго проявленія большей любви, то онъ обманываетъ или себя, или другихъ и никого не любитъ кромѣ себя одного.

Любви въ будущемъ не бываетъ; любовь есть только дѣятельность въ настоящемъ. Человѣкъ же, не проявляющій любви въ настоящемъ, не имѣетъ любви.

Происходитъ то же, что при представленіи о жизни людей, не

имѣющихъ жизни. Если бы люди были животныя и не имѣли бы разума, они бы и существовали какъ животныя, не разсуждали бы о жизни; и животное существованіе ихъ было бы законное и счастливое. Тоже и съ любовью: если бы люди были животныя безъ разума, то они любили бы тѣхъ, кого любятъ: своихъ волчатъ, свое стадо, и не знали бы, что они любятъ своихъ волчатъ и свое стадо, и не знали бы того, что другіе волки любятъ своихъ волчатъ, и другія стада своихъ товарищей по стаду, и любовь ихъ была бы— та любовь и та жизнь, которая возможна на той степени сознанія, на которой они находятся.

Но люди—разумныя существа, и не могутъ не видѣть, что другія существа имѣютъ такую же любовь къ своимъ, и что потому эти чувства любви должны прійти въ столкновеніе и произвести нѣчто не благое, а совершенно противное понятію любви.

Если же люди употребляютъ свой разумъ на то, чтобы оправдывать и усиливать то животное, неблагое чувство, которое они называютъ любовью, придавая этому чувству уродливые размѣры, то чувство становится не только не добрымъ, но дѣлаетъ изъ человѣка—давно извѣстная истина—самое злое и ужасное животное. Происходитъ то, что сказано въ Евангеліи: „Если свѣтъ, который въ тебѣ—тьма, то какова же тьма? Если бы въ человѣкѣ не было ничего кромѣ любви къ себѣ и къ своимъ дѣтямъ, не было бы и 0,99 того зла, которое есть теперь между людьми. 0,99 зла между людьми происходитъ отъ того ложнаго чувства, которое они, восхваляя его, называютъ любовью, и которое столько же похоже на любовь, сколько жизнь животнаго похожа на жизнь человѣка.

То, что люди, не понимающіе жизни, называютъ любовью, это только извѣстныя предпочтенія однихъ условій блага своей личности другимъ. Когда человѣкъ, не понимающій жизни, говоритъ, что онъ любитъ свою жену или ребенка, или друга, онъ говоритъ, только то, что присутствіе въ его жизни его жены, ребенка, друга, увеличиваетъ благо его личной жизни.

Предпочтенія эти относятся къ любви такъ же, какъ существованіе относится къ жизни. И какъ людьми, не понимающими жизни, жизнью называется существованіе, такъ этими же людьми любовью называется предпочтеніе однихъ условій личнаго существованія другихъ.

Чувства эти—предпочтенія къ извѣстнымъ существамъ, какъ

напримѣръ, къ своимъ дѣтямъ или даже къ извѣстнымъ занятіямъ, напримѣръ къ наукѣ, къ искусствамъ—мы называемъ тоже любовью; но такія чувства предпочтенія, безконечно разнообразныя, составляютъ всю сложность видимой осязаемой животной жизни людей и не могутъ быть называемы любовью, потому что они не имѣютъ главнаго признака любви—дѣятельности, имѣющей и цѣлью, и послѣдствіемъ благо.

Страстность проявленія этихъ предпочтеній не только показываетъ энергію животной личности. Страстность предпочтенія однихъ людей другимъ, называемая невѣрно любовью, есть только дичокъ, на которомъ можетъ быть привита истинная любовь и дать плоды ея. Но какъ дичокъ не есть яблоня и не даетъ плодовъ или даетъ плоды горкіе вмѣсто сладкихъ, такъ и пристрастіе не есть любовь и не дѣлаетъ добро людямъ или производитъ еще большее зло. И потому произноситъ величайшее зло міру и такъ восхваляемая любовь къ женщинѣ, къ дѣтямъ, къ друзьямъ, не говоря уже о любви къ наукѣ, къ искусству, къ отечеству, которая есть ни что иное, какъ предпочтеніе на время извѣстныхъ условій животной жизни другимъ.

XXIV.

Истинная любовь есть послѣдствія отреченія отъ блага личности.

Любовь истинная становится возможной только при отреченіи отъ блага животной личности.

Возможность истинной любви начинается только тогда, когда человѣкъ понялъ, что нѣтъ для него блага его животной личности. Только тогда всѣ соки его жизни переходятъ въ одинъ облагороженный черенокъ истинной любви, разростающійся уже всѣми силами ствола дичка животной личности. Ученіе Христа и есть прививка этой любви, какъ онъ и самъ сказалъ это. Онъ сказалъ, что онъ, его любовь, есть та одна лоза, которая можетъ приносить плодъ, и что всякая вѣтвь, не приносящая плода, отсѣкается.

Только тотъ, кто не только понялъ, но жизнью позналъ то, что „сберегшій душу свою потеряетъ ее, а потерявшій душу свою ради меня, сбережетъ ее,“—только кто понялъ, что любящій душу свою погубитъ ее, а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранитъ ее въ жизнь вѣчную, только тотъ познаетъ истинную любовь.

„И кто любитъ отца или мать болѣе, нежели меня, недостоинъ меня. Кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели меня, недостоинъ меня. Если вы любите любящихъ васъ, то это не любовь; а вы любите враговъ, любите ненавидящихъ васъ".

Не вслѣдствіе любви къ отцу, къ сыну, къ женѣ, къ друзьямъ, къ добрымъ и милымъ людямъ, какъ это обыкновенно думаютъ, люди отрекаются отъ личности, а только вслѣдствіе сознанія тщеты существованія личности, сознанія невозможности ея блага, и потому вслѣдствіе отреченія отъ жизни личности познаетъ человѣкъ истинную любовь и можетъ истинно любить отца, сына, жену, дѣтей и друзей.

Любовь есть предпочтеніе другихъ существъ себѣ—своей животной личности.

Забвеніе ближайшихъ интересовъ личности для достиженія отдаленныхъ цѣлей той же личности, какъ это бываетъ при такъ называемой любви, не выросшей на самоотреченіи, есть только предпочтеніе однихъ существъ другимъ для своего личнаго блага. Истинная любовь, прежде чѣмъ сдѣлаться дѣятельнымъ чувствомъ, должна быть извѣстнымъ состояніемъ. Начало любви, корень ея, не есть порывъ чувства, затемняющій разумъ, какъ это обыкновенно воображаютъ, но есть самое разумное, свѣтлое, и потому спокойное и радостное состояніе, свойственное дѣтямъ и разумнымъ людямъ.

Состояніе это есть состояніе благоволенія ко всѣмъ людямъ, которое присуще дѣтямъ, но которое во взросломъ человѣкѣ возникаетъ только при отреченіи и усиливается только по мѣрѣ отреченія отъ блага личности. Какъ часто приходится слышать слова; „мнѣ вѣдь все равно, мнѣ ничего не нужно",—и вмѣстѣ съ этими словами видѣть нелюбовное отношеніе къ людямъ. Но пусть попробуетъ всякій человѣкъ хоть разъ, въ минуту недоброжелательности къ людямъ, искренно, отъ души сказать себѣ: „мнѣ все равно, мнѣ ничего не нужно", и только, хотя на время, ничего не желать для себя, и всякій человѣкъ этимъ простымъ внутреннимъ опытомъ познаетъ, какъ тотчасъ же, по мѣрѣ искренности его отреченія, падетъ всякое недоброжелательство, и какимъ потокомъ хлынетъ изъ его сердца запертое до тѣхъ поръ благоволеніе ко всѣмъ людямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, любовь есть предпочтеніе другихъ существъ себѣ,—вѣдь мы всѣ такъ понимаемъ и иначе не можемъ понимать

любовь. Величина любви есть величина дроби, которой числитель—мои пристрастія, симпатіи къ другимъ—не въ моей власти; знаменатель же—моя любовь къ себѣ—можетъ быть увеличенъ и уменьшенъ мною до безконечности, по мѣрѣ того значенія, которое придамъ своей животной личности. Сужденія же нашего міра любви, о степеняхъ ея—это сужденія о величинѣ дробей по одним числителямъ, безъ соображенія о ихъ знаменателяхъ.

Истинная любовь всегда имѣетъ въ основѣ своей отреченіе от блага личности и возникающее отъ того благоволеніе ко всѣмъ людямъ. Только на этомъ общемъ благоволеніи можетъ вырости истинная любовь къ извѣстнымъ людямъ своимъ или чужимъ. И только такая любовь даетъ истинное благо жизни и разрѣшаетъ кажущееся противорѣчіе животнаго разумнаго сознанія.

Любовь, не имѣющая въ основѣ своей отреченія отъ личности и, вслѣдствіе его, благоволенія ко всѣмъ людямъ есть только жизнь животная и подвержена тѣмъ же и еще большимъ бѣдствіямъ и еще большему неразумію, чѣмъ жизнь безъ этой мнимой любви. Чувство пристрастія, называемое любовью, не только не устраняетъ борьбы существованія, не освобождаетъ личность отъ погони за наслажденіями и не спасаетъ отъ смерти, но только больше еще затемняетъ жизнь, ожесточаетъ борьбу, усиливаетъ жадность къ наслажденіямъ для себя и для другого и увеличиваетъ ужасъ передъ смертію за себя и за другого.

Человѣкъ, который жизнь свою полагаетъ въ существованіи животной личности, не можетъ любить, потому что любовь должна представляться ему дѣятельностью прямо противоположною его жизни. Жизнь такого человѣка только въ благѣ животнаго существованія, а любовь прежде всего требуетъ жертвы этого блага. Если бы даже человѣкъ, не понимающій жизни, и захотѣлъ искренно отдаться дѣятельности любви, онъ не будетъ въ состояніи этого сдѣлать до тѣхъ поръ, пока онъ не пойметъ жизни и не измѣнитъ все свое отношеніе къ ней. Человѣкъ, положившій свою жизнь въ благѣ животной личности, всю жизнь свою увеличиваетъ средства своего животнаго блага, пріобрѣтая богатства и сохраняя ихъ, заставляетъ другихъ служить его животному благу и распредѣляетъ эти блага между тѣми лицами, которыя были болѣе нужны для блага его личности. Какъ же ему отдать свою жизнь, когда жизнь его еще поддерживается не имъ самимъ, а другими людьми? И еще

рудне ему выбрать, кому изъ предпочитаемыхъ имъ людей переать накопленныя имъ блага и кому служить.

Чтобы быть въ состояніи отдавать свою жизнь, ему надо прежде отдать тотъ излишекъ, который онъ беретъ у другихъ для блага своей жизни, и потомъ еще сдѣлать невозможное: рѣшить, кому изъ людей служить своей жизнью? Прежде, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи любить, т. е. жертвуя собою, дѣлать благо, ему надо перестать ненавидѣть, т. е. дѣлать зло, и перестать предпочитать однихъ людей другимъ для блага своей личности.

Только для человѣка, не признающаго блага въ жизни личной и потому не заботящагося объ этомъ ложномъ благѣ и чрезъ это освободившаго въ себѣ свойственное человѣку благоволеніе ко всѣмъ людямъ, возможна дѣятельность любви, всегда удовлетворяющая его и другихъ. Благо жизни такого человѣка—въ любви, какъ благо растенія—въ свѣтѣ, и потому, какъ ничѣмъ не закрытое растеніе не можетъ спрашивать и не спрашиваетъ, въ какую сторону ему расти, и хорошъ ли свѣтъ, не подождать ли ему другого, лучшаго, а беретъ тотъ единый свѣтъ, который есть въ мірѣ и тянется къ нему,—такъ и отрекшійся отъ блага личности человѣкъ не разсуждаетъ о томъ, что ему отдать изъ отнятаго отъ другихъ людей и какимъ любимымъ существамъ, и нѣтъ ли какой еще лучшей любви, чѣмъ та, которая заявляетъ требованія,—а отдаетъ себя, свое существованіе той любви, которая доступна ему и есть передъ нимъ. Только такая любовь даетъ полное удовлетвореніе разумной природѣ человѣка.

XXV.

Любовь есть единая и полная дѣятельность истинной жизни.

И нѣтъ иной любви, какъ той, чтобы положить душу свою за други свои. Любовь—только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только тогда человѣкъ отдаетъ другому не только свое время, свои силы, но когда онъ тратитъ свое тѣло для любимаго предмета, отдать ему свою жизнь—только это мы признаемъ всѣ любовью и только въ такой любви мы все находимъ благо, награду любви. И только тѣмъ, что есть такая любовь въ людяхъ, только тѣмъ и стоитъ міръ. Мать, кормящая ребенка, прямо отдаетъ себя, свое тѣло въ пищу дѣтямъ, которыя безъ того не были бы живы. И это—любовь. Также точно отдаетъ себя, свое тѣло въ пищу дру-

гому всякій работникъ, для блага другихъ изнашивающій свое тѣло въ работѣ и приближающій себя къ смерти. И такая любовь возможна только для того человѣка, у котораго между возможностью жертвы собой и тѣми существами, которыхъ онъ любитъ, не стоитъ никакой преграды для жертвы. Мать, отдавшая кормилицѣ своего ребенка, не можетъ его любить; человѣкъ, пріобрѣтающій и сохраняющій свои деньги, не можетъ любить.

„Кто говоритъ, что онъ во свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ. Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ во свѣтѣ и нѣтъ въ немъ соблазна. А кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ и во тьмѣ ходитъ и не знаетъ, куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза... Станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною. И вотъ почему узнаемъ, что мы отъ истины и успокаиваемъ сердца наши... Любовь до того совершенства достигаетъ въ насъ, что мы имѣемъ дерзновеніе въ день суда, потому что поступаемъ въ мірѣ семъ, какъ онъ. Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся несовершененъ въ любви“.

Только такая любовь даетъ истинную жизнь людямъ.

„Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь“.

Вторая же, подобная ей: „возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“,—сказалъ Христу законникъ. И на это Іисусъ сказалъ: „правильно ты отвѣчалъ, такъ поступай“,—т. е., люби Бога и ближняго—„и *будешь жить*“.

Любовь истинная есть жизнь.

„Мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ“,—говоритъ ученикъ Христа. „Не любящій брата пребываетъ въ смерти“.

Живъ только тотъ, кто любитъ.

Любовь по ученію Христа есть сама жизнь, но не жизнь неразумная, страдальческая и гибнущая, а жизнь блаженная и безконечная. И мы всѣ знаемъ это. Любовь не есть выводъ разума, не есть послѣдствіе извѣстной дѣятельности; а это есть сама радостная дѣятельность жизни, которая со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ и которую мы всѣ знаемъ въ себѣ съ самыхъ первыхъ воспоминаній

дѣтства до тѣхъ поръ, пока ложныя ученія міра не засорили ее въ нашей душѣ и не лишили насъ возможности испытывать ее.

Любовь—это не есть пристрастіе къ тому, что увеличиваетъ временное благо личности человѣка, какъ любовь къ избраннымъ лицамъ или предметамъ, а то стремленіе къ благу того, что внѣ человѣка, которое остается въ человѣкѣ послѣ отреченія отъ блага животной личности.

Кто изъ живыхъ людей не знаетъ того блаженнаго чувства, хоть разъ испытаннаго и чаще всего только въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушаетъ въ насъ жизнь, того блаженнаго чувства умиленія, при которомъ хочется любить всѣхъ; и близкихъ, и отца, и мать, и братьевъ, и злыхъ людей, и враговъ, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного—чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда и всѣмъ было хорошо и радостно. Это то и есть, и эта одна есть та любовь, въ которой жизнь человѣка.

Любовь эта, въ которой только и есть жизнь, проявляется въ душѣ человѣка, какъ чуть замѣтный, нѣжный ростокъ среди похожихъ на нее грубыхъ ростковъ сорныхъ травъ, различныхъ похотей человѣка, которые мы называемъ любовью. Сначала людямъ и самому человѣку кажется, что этотъ ростокъ—тотъ, изъ котораго должно выростать то дерево, въ которомъ будутъ укрываться птицы,—и всѣ другіе ростки, все одно и тоже. Люди даже предпочитаютъ сначала ростки сорныхъ травъ, которые растутъ быстрѣе, и единственный ростокъ жизни глохнетъ и замираетъ. Но еще хуже то, что еще чаще бываетъ: люди слышали, что въ числѣ этихъ ростковъ есть одинъ настоящій, жизненный, называемый любовью, и они вмѣсто него, топча его начинаютъ воспитывать другой ростокъ сорной травы, называть его любовью. Но что еще хуже: люди грубыми руками ухватываютъ самый ростокъ и кричатъ: „вотъ онъ, мы нашли его, мы теперь знаемъ его, возрастимъ его; любовь, любовь! высшее чувство, вотъ оно!“—И люди начинаютъ пересаживать его, исправлять его и захватываютъ, заминаютъ его такъ, что ростокъ умираетъ, не расцвѣтши, и тѣ или другіе люди говорятъ: все это вздоръ, пустяки, сентиментальность. Ростокъ любви, при появленіи своемъ нѣжный, не терпящій прикосновенія, могущественъ

только при своемъ разростѣ. Все, что будутъ дѣлать надъ нимъ люди, только хуже для него. Ему нужно одного,—того, чтобы ничто не скрывало отъ него солнца разума, которое одно возвращаетъ его.

XXVI.

Старанія людей, направленныя на невозможное улучшеніе своего существованія, лишаютъ ихъ возможности единой истинной жизни.

Только познаніе и призрачности, и обманчивости животнаго существованія и освобожденіе въ себѣ единственной истинной жизни любви даетъ человѣку благо. И что же дѣлаютъ люди для достиженія этого блага? Люди, существованіе которыхъ состоитъ въ медленномъ уничтоженіи личности и приближеніи къ неизбѣжной смерти этой личности, и которые не могутъ не знать этого, все время своего существованія всячески стараются,—только тѣмъ и заняты,—чтобы утверждать эту гибнущую личность, удовлетворять ея похотямъ и тѣмъ лишать себя возможности единственнаго блага жизни—любви.

Дѣятельность людей, не понимающихъ жизни, но все время ихъ существованія направлена на борьбу за свое существованіе, на пріобрѣтеніе наслажденій, избавленіе себя отъ страданій, и удаленіе отъ себя неизбѣжной смерти.

Но увеличеніе наслажденій увеличиваетъ напряженность борьбы чувствительность къ страданіямъ и приближаетъ смерть. Чтобы скрыть отъ себя приближеніе смерти—одно средство: еще увеличивать наслажденія. Но увеличеніе наслажденій доходитъ до своего предѣла, наслажденія не могутъ быть увеличены, переходятъ въ страданія и остается одна чувствительность къ страданіямъ и ужасъ все ближе и ближе среди однихъ страданій надвигающейся смерти. И является ложный кругъ: одно—причина другого и одно усиливаетъ другое. Главный ужасъ жизни людей, не понимающихъ жизни, въ томъ, что то, что ими считается наслажденіями (всѣ наслажденія богатой жизни), будучи такими, что они не могутъ быть равномѣрно распредѣлены между всѣми людьми, должны быть отнимаемы у другихъ, должны быть пріобрѣтаемы насиліемъ, зломъ, уничтожающимъ возможность того благоволенія къ людямъ, изъ котораго выростаетъ любовь. Такъ что наслажденія всегда прямо противо-

положны любви и чѣмъ сильнѣе, тѣмъ противоположнѣе. Такъ что, чѣмъ сильнѣе, напряженнѣе дѣятельность для достиженія наслажденій, тѣмъ невозможнѣе становится единственно доступное человѣку благо—любовь.

Жизнь понимается не такъ, какъ она сознается разумнымъ сознаніемъ—какъ невидимое, но несомнѣнное подчиненіе въ каждое мгновеніе настоящаго своего животнаго закону разума, освобождающее свойственное человѣку благоволеніе ко всѣмъ людямъ и вытекающую изъ него дѣятельность любви,—а только какъ плотское существованіе въ продолженіи извѣстнаго промежутка времени, въ опредѣленныхъ и устраиваемыхъ нами, исключающихъ возможность благоволенія ко всѣмъ людямъ условіяхъ.

Людямъ мірского ученія, направившимъ свой разумъ на устройство извѣстныхъ условій существованія, кажется, что увеличеніе блага жизни происходитъ отъ лучшаго внѣшняго устройства своего существованія. Лучше же внѣшнее устройство ихъ существованія зависитъ отъ большаго насилія надъ людьми, прямо противоположнаго любви. Такъ что, чѣмъ лучше ихъ устройство, тѣмъ меньше у нихъ остается возможности любви, возможности жизни.

Употребивъ свой разумъ не на то, чтобы понять одинаково для всѣхъ людей равное нулю благо животнаго существованія, люди этотъ нуль признали величиною, которая можетъ уменьшаться и увеличиваться, и на мнимое это увеличеніе, умноженіе нуля употребляютъ весь остающійся у нихъ безъ приложенія разумъ.

Люди не видятъ того, что ничто, нуль, на что бы онъ ни былъ помноженъ, остается тѣмъ же равнымъ всякому другому — нулемъ; не видятъ, что существованіе животной личности всякаго человѣка одинаково бѣдственно и не можетъ быть никакими внѣшними условіями сдѣлано счастливымъ. Люди не хотятъ видѣть того, что ни одно существованіе, какъ плотское существованіе, не можетъ быть счастливѣе другого, что это такой же законъ, какъ тотъ, по которому на поверхности озера нигдѣ нельзя поднять воду выше даннаго общаго уровня. Люди, извратившіе свой разумъ, не видятъ этого и употребляютъ свой извращенный разумъ на это невозможное дѣло, и въ этомъ невозможномъ подниманіи воды въ разныхъ мѣстахъ на поверхности озера—въ родѣ того, что дѣлаютъ купающіяся дѣти, называя это „варить пиво“,—проходитъ все ихъ существованіе.

Имъ кажется, что существованія людей бываютъ болѣе и менѣе хорошія, счастливыя; существованіе бѣднаго работника или больного человѣка, говорятъ они, дурное, несчастливое; существованіе богача или здороваго человѣка хорошее, счастливое; и они всѣ силы разума своего напрягаютъ на то, чтобы избѣжать дурного, несчастливаго, бѣднаго и болѣзненнаго существованія и устроить себѣ хорошее, богатое и здоровое, счастливое.

Вырабатываются поколѣніями пріемы устройства и поддержанія этихъ разныхъ, самыхъ счастливыхъ жизней, и программы этихъ воображаемыхъ лучшихъ, какъ они называютъ свое животное существованіе, жизней передаются по наслѣдству. Люди одни передъ другими стараются какъ можно лучше поддержать ту счастливую *жизнь*, которую они изслѣдовали отъ устройства родителей или сдѣлать себѣ новую, еще болѣе счастливую *жизнь*. Людямъ кажется, что, поддерживая свое унаслѣдованное устройство существованія или устраивая себѣ новое, лучшее по ихъ представленію, они что-то дѣлаютъ.

И поддерживая другъ друга въ этомъ обманѣ, люди часто до того искренно убѣждаются въ томъ, что въ этомъ безумномъ толченіи воды, безсмысленность котораго очевидна для нихъ самихъ, и состоитъ жизнь,—такъ убѣждаются въ этомъ, что съ презрѣніемъ отворачиваются отъ призыва настоящей жизни, который они не переставая слышатъ: и въ ученіи истины, и въ примѣрахъ жизни живыхъ людей, и въ своемъ заглохшемъ сердцѣ, въ которомъ никогда не заглушается до конца голосъ разума и любви.

Совершается удивительное дѣло. Люди, огромное количество людей, имѣющихъ возможность разумной и любовной жизни, находятся въ положеніи тѣхъ барановъ, которыхъ вытаскиваютъ изъ горящаго дома, а они, вообразивъ, что ихъ хотятъ бросить въ огонь, всѣ силы свои употребляютъ на борьбу съ тѣми, которые хотятъ спасти ихъ.

Изъ страха передъ смертью люди не хотятъ выходить изъ нея, изъ страха передъ страданіями люди мучаютъ себя и лишаютъ себя единственно возможныхъ для нихъ блага и жизни.

XXVII.

Страхъ смерти есть только сознаніе неразрѣшеннаго противорѣчія жизни.

„Нѣтъ смерти“, — говоритъ людямъ голосъ истины. „Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ меня, если и умретъ, оживетъ. И всякій живущій и вѣрующій въ меня не умретъ вовѣкъ. Вѣришь ли сему?“

„Нѣтъ смерти,“ говорили всѣ великіе учители міра, и то же говорятъ и жизнью своею свидѣтельствуютъ милліоны людей, понявшихъ смыслъ жизни. И то же чувствуетъ въ своей душѣ, въ минуту проясненія сознанія, и каждый живой человѣкъ. Но люди, не понимающіе жизни, не могутъ не бояться смерти. Они видятъ ее и вѣрятъ въ нее.

„Какъ нѣтъ смерти?“ съ негодованіемъ, съ злобой кричатъ люди.—„Это софизмъ! Смерть передъ нами; косила милліоны и насъ скоситъ. И сколько ни говорите, что ея нѣтъ, она все-таки останется. Вотъ она!“

И они видятъ то, про что они говорятъ, какъ видитъ душевнобольной человѣкъ то привидѣніе, которое ужасаетъ его. Онъ не можетъ ощупать это привидѣніе, оно никогда еще не прикасалось къ нему; про намѣреніе его онъ ничего не знаетъ, но онъ такъ боится и страдаетъ отъ этого воображаемаго привидѣнія, что лишается возможности жизни. Вѣдь то же и со смертью. Человѣкъ не знаетъ своей смерти и никогда не можетъ познать ее, она никогда еще не прикасалась къ нему, про намѣреніе ея онъ ничего не знаетъ. Такъ чего же онъ боится?

„Она никогда еще не схватывала меня, но она схватитъ, я знаю навѣрное—схватитъ, и уничтожитъ меня. И это ужасно“, говорятъ люди, не понимающіе жизни.

Если бы люди съ ложнымъ представленіемъ о жизни могли разсуждать спокойно, и мыслили бы правильно на основаніи того представленія, которое они имѣютъ о жизни, они бы должны были притти къ заключенію, что въ томъ, что въ плотскомъ существованіи моемъ произойдетъ та перемѣна, которая, я вижу, не переставая происходитъ во всѣхъ существахъ и которую я называю смертью, нѣтъ ничего ни непріятнаго, ни страшнаго.

Я умру. Что же тутъ страшнаго? Вѣдь сколько разныхъ перемѣнъ происходило и происходитъ въ моемъ плотскомъ существованіи, и я не боялся ихъ. Отчего же я боюсь этой перемѣны, которая еще не наступала и въ которой не только нѣтъ ничего противнаго моему разуму и опыту, но которая такъ понятна, знакома и естественна для меня, что въ продолженіе моей жизни я постоянно дѣлалъ и дѣлаю соображенія, въ которомъ смерть и животныхъ, и людей принималась мною, какъ необходимое и часто пріятное мнѣ условіе жизни. Что же страшно?

Вѣдь есть только два строго логическихъ взгляда на жизнь: одинъ ложный — тотъ; при которомъ жизнь понимается, какъ тѣ видимыя явленія, которыя происходятъ въ моемъ тѣлѣ отъ рожденія и до смерти, а другой истинный — тотъ, при которомъ жизнь понимается, какъ то невидимое сознаніе ея, которое я ношу въ себѣ. Одинъ взглядъ ложный, другой истинный, но оба логичны, и люди могутъ имѣть тотъ или другой, но ни при томъ, ни при другомъ невозможенъ страхъ смерти.

Первый, ложный взглядъ, понимающій жизнь, какъ видимыя явленія въ тѣлѣ отъ рожденія и до смерти, столь же древенъ, какъ и міръ. Это не есть, какъ думаютъ многіе, взглядъ на жизнь, выработанный матеріалистической наукой и философіей нашего времени; наука и философія нашего времени довели только это воззрѣніе до послѣднихъ его предѣловъ, при которыхъ очевиднѣе, чѣмъ прежде, стало несоотвѣтствіе этого взгляда основнымъ требованіямъ природы человѣческой; но это давнишній, первобытный взглядъ людей, стоящихъ на низшей ступени развитія: онъ выраженъ и у китайцевъ, и у буддистовъ, и у евреевъ, и въ книгѣ Іова, и въ изреченіи: „земля если и въ землю пойдеши“.

Взглядъ этотъ въ своемъ теперешнемъ выраженіи такой: жизнь— это случайная игра силъ въ веществѣ, проявляющаяся въ пространствѣ и времени. То же, что мы называемъ своимъ сознаніемъ, не есть жизнь, а нѣкоторый обманъ чувствъ, при которомъ кажется, —что жизнь—въ этомъ сознаніи. Сознаніе есть искра, вспыхивающая на веществѣ, при извѣстномъ его состояніи. Искра эта вспыхиваетъ, разгорается, опять тухнетъ, и подъ конецъ совсѣмъ потухаетъ. Искра эта, т.-е. сознаніе, испытываемое веществомъ въ продолженіе опредѣленнаго времени между двухъ временныхъ безконечностей, есть ничто. И, не смотря на то, что сознаніе видитъ

само себя и весь безконечный міръ, и судитъ само себя и весь безконечный міръ, и видитъ всю игру случайностей этого міра, и, *главное*, въ противоположность чего-то не случайнаго, называютъ эту игру случайною,—сознаніе это само по себѣ есть только произведеніе мертваго вещества, призракъ, возникающій и исчезающій безъ всякаго остатка и смысла. Все есть произведеніе вещества, безконечно измѣняющагося: и то, что называютъ жизнью, есть только извѣстное состояніе мертваго вещества.

Таковъ одинъ взглядъ на жизнь. Взглядъ этотъ совершенно логиченъ. По этому взгляду разумное сознаніе человѣка есть только случайность, сопутствующая извѣстному состоянію вещества; и потому то, что, мы въ своемъ сознаніи называемъ жизнію, есть призракъ. Существуетъ только мертвое. То, что мы называемъ жизнію, есть игра смерти. При такомъ взглядѣ на жизнь, смерть не только не должна быть страшна, но должна быть страшна жизнь—какъ нѣчто неестественное и неразумное, какъ это и есть у буддистовъ и новыхъ пессимистовъ, Шопенгауера и Гартмана.

Другой же взглядъ на жизнь такой. Жизнь есть только то, что я сознаю въ себѣ. Сознаю же я всегда свою жизнь не такъ, что я былъ или буду (такъ я разсуждаю о своей жизни), а сознаю свою жизнь такъ, что я есмь — никогда нигдѣ не начинаюсь, никогда нигдѣ и не кончаюсь. Съ сознаніемъ моей жизни несоединимо понятіе времени и пространства. Жизнь моя проявляется во времени, пространствѣ, но это только проявленіе ея. Сама же жизнь, сознаваемая мною, сознается мною внѣ времени и пространства. Такъ, что при этомъ взглядѣ выходитъ наоборотъ: не сознаніе жизни есть призракъ, а все пространственное и временное—призрачно. И потому временное и пространственное прекращеніе тѣлеснаго существованія при этомъ взглядѣ не имѣетъ ничего дѣйствительнаго и не можетъ не только прекратить, но и нарушить моей истинной жизни. И смерть при этомъ взглядѣ не существуетъ.

Ни при томъ, ни при другомъ взглядѣ на жизнь страха смерти не могло бы быть, если бы люди строго держались того или другого.

Ни какъ животное, ни какъ разумное существо, человѣкъ не можетъ бояться смерти: животное, не имѣя сознанія жизни, не видитъ смерти, а разумное существо, имѣя сознаніе жизни, не можетъ видѣть въ смерти животной ничего иного, какъ естественнаго и ни-

когда не прекращающагося движенія вещества. Если же человѣкъ боится, то боится не смерти, которой онъ не знаетъ, а жизни, которую одну знаетъ и животное и разумное существо его. То чувство, которое выражается въ людяхъ страхомъ смерти, есть только сознаніе внутренняго противорѣчія жизни; точно такъ же, какъ страхъ привидѣній есть только сознаніе болѣзненнаго душевнаго состоянія.

„Я перестану быть—умру, умретъ все то, въ чемъ я полагаю всю свою жизнь“,—говоритъ человѣку одинъ голосъ; „я есмь—говоритъ другой голосъ—и не могу и не долженъ умереть. Я не долженъ умереть, и я умираю“.

Не въ смерти, а въ этомъ противорѣчіи причина того ужаса, который охватываетъ человѣка при мысли о плотской смерти: страхъ смерти не въ томъ, что человѣкъ боится прекращенія существованія своего животнаго, но въ томъ, что ему представляется, что умираетъ то, что не можетъ и не должно умереть. Мысль о будущей смерти есть только перенесеніе въ будущее совершающейся смерти въ настоящемъ. Являющееся привидѣніе будущей плотской смерти не есть пробужденіе мысли о смерти, но напротивъ—пробужденіе мысли о жизни, которую долженъ имѣть и не имѣетъ человѣкъ. Это чувство, подобное тому, которое долженъ испытывать человѣкъ, пробудившійся къ жизни въ гробу, подъ землею. Есть жизнь, а я въ смерти, и вотъ она, смерть! Представляется, что то, что есть и должно быть, то уничтожается. И умъ человѣческій шалѣетъ, ужасается. Лучшее доказательство того, что страхъ смерти есть не страхъ смерти, а ложной жизни, есть то, что часто люди убиваютъ себя отъ страха смерти.

Не оттого люди ужасаются мысли о плотской смерти, что они боятся, чтобы съ нею не кончилась ихъ жизнь, но оттого, что плотская смерть явно показываетъ имъ необходимость истинной жизни, которой они не имѣютъ. И отъ этого-то такъ не любятъ люди, не понимающіе жизни, вспоминать о смерти. Вспоминать о смерти для нихъ все равно, что признаваться въ томъ, что они живутъ не такъ, какъ того требуетъ отъ нихъ разумное сознаніе.

Люди, боящіеся смерти, боятся ея оттого, что она представляется имъ пустотою и мракомъ; но пустоту и мракъ они видятъ потому, что не видятъ жизни.

XXVIII.

Плотская смерть уничтожаетъ пространственное тѣло и временное сознаніе, но не можетъ уничтожать того, что составляетъ основу жизни: особенное отношеніе къ міру каждаго существа.

Но и люди, не видящіе жизни, если бы они только подходили ближе къ тѣмъ привидѣніямъ, которыя пугаютъ ихъ, и ощупывали бы ихъ, увидали бы, что и для нихъ привидѣніе—только привидѣніе, а не дѣйствительность.

Страхъ смерти всегда происходитъ въ людяхъ оттого, что они страшатся потерять при плотской смерти свое особенное *я*, которое—они чувствуютъ—составляетъ ихъ жизнь. Я умру, тѣло разложится, и уничтожится мое *я*. *Я* же это мое есть то, что жило въ моемъ тѣлѣ столько-то лѣтъ.

Люди дорожатъ этимъ своимъ *я*; и полагая, что это *я* совпадаетъ съ ихъ плотской жизнью, дѣлаютъ заключеніе о томъ, что оно должно уничтожиться съ уничтоженіемъ ихъ плотской жизни.

Заключеніе это самое обычное, и рѣдко кому приходитъ въ голову усомниться въ немъ, а между тѣмъ заключеніе это совершенно произвольно. Люди—и тѣ, которые считаютъ себя матеріалистами, и тѣ, которые считаютъ себя спиритуалистами,—такъ привыкли къ представленію о томъ, что ихъ *я* есть то ихъ сознаніе своего тѣла, которое жило столько-то лѣтъ, что имъ и не приходитъ въ голову провѣрить справедливость такого утвержденія.

Я жилъ 59 лѣтъ и во все это время я сознавалъ себя собою въ своемъ тѣлѣ, и это то сознаніе себя собою мнѣ кажется, и была моя жизнь. Но вѣдь это только кажется мнѣ. Я жилъ ни 59 лѣтъ, ни 59.000 лѣтъ, ни 59 секундъ. Ни мое тѣло, ни время его существованія нисколько не опредѣляютъ жизни моего *я*. Если я въ каждую минуту жизни спрошу себя въ своемъ сознаніи, что я такое?—я отвѣчу: нѣчто думающее и чувствующее къ т. е. относящееся міру своимъ совершенно особеннымъ образомъ. Только это я сознаю своимъ *я*, и больше ничего. О томъ, когда и гдѣ я родился, когда и гдѣ я началъ такъ чувствовать и думать, какъ я теперь думаю и чувствую, я рѣшительно ничего не сознаю. Мое сознаніе говоритъ мнѣ только: я есмь; я есмь съ тѣмъ моимъ отношеніемъ къ міру, въ которомъ я нахожусь теперь. О своемъ рожденіи, о своемъ дѣт-

ствѣ, о многихъ періодахъ юности, о среднихъ годахъ, объ очень недавнемъ времени я часто ничего не помню. Если же я и помню кое-что или мнѣ напоминаютъ кое-что изъ моего прошедшаго, то я помню и вспоминаю это почти такъ же, какъ то, что мнѣ разсказываютъ про другихъ. Такъ на какомъ же основаніи я утверждаю, что во все время моего существованія я былъ все *одинъ я?* Тѣла вѣдь моего одного никакого не было и нѣтъ: тѣло мое все было и есть безпрестанно текущее вещество—черезъ что-то не вещественное и невидимое, признающее это протекающее черезъ него тѣло своимъ. Тѣло мое все десятки разъ перемѣнилось; ничего не осталось стараго и мышцы, и внутренности, и кости, и мозгъ—все перемѣнилось.

Тѣло мое одно только потому, что есть что-то не вещественное, которое признаетъ все это перемѣняющееся тѣло однимъ и своимъ. Невещественное это есть то, что мы называемъ сознаніемъ: оно одно держитъ все тѣло вмѣстѣ и признаетъ его однимъ и своимъ. Безъ этого сознанія себя отдѣльнымъ отъ всего остальнаго я бы ничего не зналъ ни о своей, ни о всякой другой жизни. И потому при первомъ разсужденіи кажется, что осново всего—сознаніе—должно быть постоянное. Но и это несправедливо: и сознаніе не постоянное. Въ продолженіе всей жизни и теперь повторяется явленіе сна, которое кажется намъ очень простымъ потому, что мы всѣ спимъ каждый день, но которое рѣшительно непостижимо, если признавать то, чего нельзя не признавать, что во время сна иногда совершенно прекращается сознаніе.

Каждыя сутки, во время полнаго сна, сознаніе обрывается совершенно и потомъ опять возобновляется. А между тѣмъ это то сознаніе есть единственная основа, держащая все тѣло вмѣстѣ и и признающая его своимъ. Казалось бы, что при прекращеніи сознанія должно бы и распадаться тѣло, и терять свою отдѣльность; но этого не бываетъ ни въ естественномъ, ни въ искусственномъ снѣ.

Но мало того, что сознаніе, держащее все тѣло вмѣстѣ, періодически обрывается, и тѣло не распадается,—сознаніе это, кромѣ того, еще и измѣняется такъ же, какъ и тѣло. Какъ нѣтъ ничего общаго въ веществѣ моего тѣла, какимъ оно было десять лѣтъ назадъ, и теперешнемъ, какъ не было одного тѣла, и не было во мнѣ одного сознанія. Мое сознаніе трехъ-лѣтняго ребенка и тепе-

решнее сознаніе такъ же различны, какъ и вещество моего тѣла теперь и 30 лѣтъ тому назадъ. Сознанія нѣтъ одного, а есть рядъ послѣдовательныхъ сознаній, которыя можно дробить до безконечности.

Такъ что и то сознаніе, которое, держитъ все тѣло вмѣстѣ и признаетъ его своимъ, не есть что-нибудь одно, а есть нѣчто прерывающееся и перемѣняющееся. Сознанія, одного сознанія самого себя, какъ мы обыкновенно представляемъ себѣ, нѣтъ въ человѣкѣ, такъ-же какъ нѣтъ одного тѣла. Нѣтъ въ человѣкѣ ни одного и того же тѣла, ни одного того, что отдѣляетъ это тѣло отъ всего другого,—нѣтъ сознанія постоянно одного, во всю жизнь одного человѣка; а есть только рядъ послѣдовательныхъ сознаній, чѣмъ то связанныхъ между собой,—и человѣкъ все-таки чувствуетъ себя собою.

Тѣло наше не есть одно; и то, что признаетъ это перемѣняющееся тѣло однимъ и нашимъ, не сплошное во времени, а есть только рядъ перемѣняющихся сознаній, и мы уже очень много разъ теряли и свое тѣло, и эти сознанія; теряли тѣло постоянно и сознаніе теряемъ всякій день, когда засыпаемъ, и всякій день и часъ чувствуемъ въ себѣ измѣренія этого сознанія и нисколько не боимся этого. Стало быть, если есть какое-нибудь такое наше *я*, которое мы боимся потерять при смерти, то это *я* должно быть не въ томъ тѣлѣ, которое мы называемъ своимъ, и не въ томъ сознаніи, которое мы называемъ своимъ въ извѣстное время, а въ чемъ-либо другомъ, соединяющемъ весь рядъ послѣдовательныхъ сознаній въ одно.

Что же такое это нѣчто, связывающее въ одно всѣ послѣдовательныя во времени сознанія? Что такое это то самое коренное и особенное мое *я*, не слагающееся изъ существованія моего тѣла и ряда проходящихъ въ немъ сознаній, но то основное *я*, на которое, какъ на стержень, нанизываются одно за другимъ различныя послѣдовательныя во времени сознанія? Вопросъ кажется очень глубокимъ и премудрымъ, а между тѣмъ нѣтъ того ребенка, который не зналъ бы на него отвѣта и не высказывалъ бы этого отвѣта 20 разъ въ день. „А *я* люблю это, а не люблю этого“. Слова эти очень просты, а между тѣмъ въ нихъ то и разрѣшеніе вопроса о томъ, въ чемъ то особенное *я*, которое связываетъ въ одно всѣ сознанія. Это то *я*, которое любитъ это, а не любитъ

этого. Почему одинъ любитъ это, а не любитъ этого,—этого никто не знаетъ, а между прочимъ это самое и есть то, что составляетъ основу жизни каждаго человѣка, это то и есть то, что связываетъ въ одно всѣ различныя по времени состоянія сознанія каждаго отдѣльнаго человѣка. Внѣшній міръ дѣйствуетъ на всѣхъ людей одинаково, но впечатлѣнія людей, поставленныхъ даже въ совершенно тожественныя условія, до безконечности разнообразны—и по числу получаемыхъ и могущихъ быть дробимыми до безконечности впечатлѣнія и по силѣ ихъ. Изъ впечатлѣній этихъ слагается рядъ послѣдовательныхъ сознаній только потому, почему и въ настоящемъ одни впечатлѣній дѣйствуютъ, а другія не дѣйствуютъ на его сознаніе. Дѣйствуютъ же или не дѣйствуютъ на человѣка извѣстныя впечатлѣнія только потому, что онъ больше или меньше любитъ то, а не любитъ этого.

Только вслѣдствіе этой большей или меньшей степени любви и складывается въ человѣкѣ извѣстный рядъ такихъ, а не иныхъ сознаній. Такъ что только свойство больше или меньше любить одно и не любить другое—и есть то особенное и основное *я* человѣка, въ которомъ собираются въ одно всѣ разбросанныя, прерывающіяся сознанія. Свойство же это, хотя и развивается и въ нашей жизни, вносится нами уже готовое въ эту жизнь изъ какого-то невидимаго и непознаваемаго нами прошедшаго.

Это особенное свойство человѣка въ большей или меньшей степени любить одно и не любить другое, обыкновенно называютъ характеромъ. И подъ словомъ этимъ часто разумѣется особенность свойствъ каждаго отдѣльнаго человѣка, образующаяся вслѣдствіе извѣстныхъ условій мѣста и времени. Но это несправедливо. Основное свойство человѣка болѣе или менѣе любить одно и не любить другое не происходитъ отъ пространственныхъ и временныхъ условій, но напротивъ, пространственныя и временныя условія дѣйствуютъ или не дѣйствуютъ на человѣка только потому, что человѣкъ, входя въ міръ, уже имѣетъ весьма опредѣленное свойство любить одно и не любить другое. Только отъ этого и происходитъ то, что люди, рожденные и воспитанные въ совершенно одинаковыхъ пространственныхъ и временныхъ условіяхъ, представляютъ часто самую рѣзкую противоположность своего внутренняго *я*.

То, что соединяетъ въ одно всѣ разрозненныя сознанія, соединяющіяся въ свою очередь въ одно наше тѣло, есть нѣчто весьма

опредѣленное, хотя и независимое отъ пространственныхъ и временныхъ условій, и вносится нами въ міръ изъ области внѣпространственной и внѣвременной; это то *нѣчто*, состоявшее въ моемъ извѣстномъ, исключительномъ отношеніи къ міру, и есть мое настоящее и дѣйствительное *я*. Себя я разумѣю, какъ это основное свойство; и другихъ людей, если я знаю ихъ, то знаю только, какъ особенныя какія-то отношенія къ міру. Входя въ серьезное душевное общеніе съ людьми, вѣдь никто изъ насъ не руководствуется ихъ внѣшними признаками, а каждый изъ насъ старается проникнуть въ ихъ сущность, т. е. познать, каково ихъ отношеніе къ міру, что и въ какой степени они любятъ и не любятъ.

Каждое отдѣльное животное: лошадь, собаку, корову, если я знаю ихъ и имѣю съ ними серьезное душевное общеніе, я знаю не по внѣшнимъ признакамъ, а потому особенному отношенію къ міру, въ которомъ стоитъ каждое изъ нихъ,—по тому, что каждое изъ нихъ, и въ какой степени, любитъ и не любитъ. Если я знаю особыя различныя породы животныхъ, то, строго говоря, я знаю ихъ не столько по внѣшнимъ признакамъ, сколько по тому, что каждая изъ нихъ—левъ, рыба, паукъ—представляютъ общее особенное отношеніе къ міру. Всѣ львы вообще любятъ одно, и всѣ рыбы—другое, и всѣ пауки—третье; только потому, что они любятъ разное, они и раздѣляются въ моемъ представленіи, какъ различныя живыя существа.

То же, что я еще не различаю въ каждомъ изъ этихъ существъ его особеннаго отношенія къ міру, не доказываетъ того, чтобы его не было, а только то, что то особенное отношеніе къ міру, которое составляетъ жизнь одного отдѣльнаго паука, удалено отъ того отношенія къ міру, въ которомъ нахожусь я, и что потому я еще не понялъ его, какъ понялъ Сильвіо Пеллико своего отдѣльнаго паука.

Основа всего того, что я знаю о себѣ и о всемъ мірѣ, есть то особенное отношеніе къ міру, въ которомъ я нахожусь и вслѣдствіе котораго я вижу другія существа, находящіяся въ своемъ особенномъ отношеніи къ міру. Мое же особенное отношеніе къ міру установилось не въ этой жизни и началось не съ моимъ тѣломъ и не съ рядомъ послѣдовательныхъ во времени сознаній.

И потому можетъ уничтожиться мое тѣло, связанное въ одно моимъ временнымъ сознаніемъ, можетъ уничтожиться и самое мое

временное сознаніе, но не можетъ уничтожиться то мое особенное отношеніе къ міру, составляющее мое особенное *я*, изъ котораго создалось для меня все, что есть. Оно неможетъ уничтожиться, потому что оно только и есть. Если бы его не было, я бы не зналъ ряда своихъ послѣдовательныхъ сознаній, не зналъ бы своего тѣла, не зналъ бы своей и никакой другой жизни. И потому уничтоженіе тѣла и сознанія не можетъ служить признакомъ уничтоженія моего особеннаго отношенія къ міру, которое началось и возникло не въ этой жизни.

XXIX.

Страхъ смерти происходитъ оттого, что люди принимаютъ за жизнь одну маленькую, ихъ же ложнымъ представленіемъ ограниченную, часть ея.

Мы боимся потерять при плотской смерти свое особенное *я*, соединяющее и тѣло, и рядъ сознаній, проявлявшихся во времени, въ одно, а между тѣмъ это то то мое особенное *я* началось не съ моимъ рожденіемъ, и потому прекращеніе извѣстнаго временнаго сознанія не можетъ уничтожить того, что соединяетъ въ одно всѣ временныя сознанія.

Плотская смерть дѣйствительно уничтожаетъ то, что держитъ тѣло вмѣстѣ,— сознаніе временной жизни. Но вѣдь это случается съ нами безпрестанно и каждый день, когда мы засыпаемъ. Вопросъ въ томъ, уничтожаетъ ли плотская смерть то, что соединяетъ всѣ послѣдовательныя сознанія въ одно, т. е. мое особенное отношеніе къ міру? Для того же, чтобы утверждать это, надо прежде доказать, что это-то особенное отношеніе къ міру, соединяющее въ одно всѣ послѣдовательныя сознанія, родилось съ моимъ плотскимъ существованіемъ, а потому и умретъ съ нимъ. А этого-то и нѣтъ.

Разсуждая на основаніи своего сознанія, я вижу, что соединявшее всѣ мои сознанія въ одно—извѣстная воспріимчивость къ одному и холодность къ другому, вслѣдствіе чего одно остается, другое исчезаетъ во мнѣ,—степень моей любви къ добру и ненависти ко злу,—что это мое особенное отношеніе къ міру, составляющее именно меня, особеннаго меня, не есть произведеніе какой-либо внѣшней причины, а есть основная причина всѣхъ остальныхъ явленій моей жизни.

Разсуждая же на основаніи наблюденія, сначала мнѣ представляется, что причины особенности моего *я* находятся въ особенностяхъ моихъ родителей и условій, вліявшихъ на меня и на нихъ; но, разсуждая по этому пути дальше, я не могу не видѣть, что если особенное мое *я* лежитъ въ особенности моихъ родителей и условій, вліявшихъ на нихъ, то оно лежитъ и въ особенности всѣхъ моихъ предковъ и въ условіяхъ ихъ существованія—до безконечности, т. е. внѣ времени и внѣ пространства,—такъ что мое особенное *я* произошло внѣ пространства и внѣ времени, т. е. то самое, что я и сознаю.

Въ этой и только въ этой внѣвременной и внѣпространственной основѣ моего особеннаго отношенія къ міру, соединяющей всѣ памятныя мнѣ сознанія и сознанія, предшествующія памятной мнѣ жизни (какъ это говоритъ Платонъ и какъ мы всѣ это въ себѣ чувствуемъ),—въ ней-то, въ этой основѣ, въ особенномъ моемъ отношеніи къ міру и есть то особенное *я*, за которое мы боимся, что оно уничтожится съ плотской смертью.

Но вѣдь стоитъ только понять, что то, что связываетъ сознаніе въ одно, что то, что и есть особенное *я* человѣка, находится внѣ времени, всегда было и есть, и что то, что можетъ прерываться, есть только рядъ сознаній извѣстнаго времени,—чтобы было ясно, что уничтоженіе послѣдняго по времени сознанія, при плотской смерти, такъ же мало можетъ уничтожить истинное человѣческое *я*, какъ и ежедневное засыпаніе. Вѣдь ни одинъ человѣкъ не боится засыпать, хотя въ засыпаніи происходитъ совершенно то же, что при смерти, именно: прекращается сознаніе во времени. Человѣкъ не боится того, что засыпаетъ—хотя уничтоженіе сознанія совершенно такое же, какъ и при смерти,—не потому, что онъ разсудилъ, что онъ засыпалъ и просыпался, и потому опять проснется (разсужденіе это невѣрно: онъ могъ тысячу разъ просыпаться и въ тысячу первый не проснуться),—никто никогда не дѣлаетъ этого разсужденія, и разсужденіе это не могло бы успокоить его,—но человѣкъ знаетъ, что его истинное *я* живетъ внѣ времени, и что потому проявляющееся для него во времени прекращеніе его сознанія не можетъ нарушить его жизни.

Если бы человѣкъ засыпалъ, какъ въ сказкахъ, на тысячи лѣтъ, онъ засыпалъ бы также спокойно, какъ и на два часа. Для сознанія не временной, но истинной жизни милліонъ лѣтъ перерыва

во времени и восемь часовъ—все равно, потому что времени для такой жизни нѣтъ.

Уничтожится тѣло—уничтожится сознаніе нынѣшняго дня.

Но вѣдь къ измѣненію своего тѣла и замѣнѣ однихъ временныхъ сознаній другими человѣку пора бы привыкнуть. Вѣдь эти перемѣны начались съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ человѣкъ, и происходили не переставая. Человѣкъ не боится перемѣнъ въ своемъ тѣлѣ и не только не ужасается, но очень часто только и желаетъ ускоренія этихъ перемѣнъ, желаетъ вырости, возмужать, вылѣчиться. Человѣкъ былъ краснымъ кускомъ мяса, и сознаніе его все состояло въ требованіяхъ желудка; теперь онъ бородатый, разумный мужчина, или женщина, любящая взрослыхъ, дѣтей. Вѣдь ничего нѣтъ похожаго ни въ тѣлѣ, ни въ сознаніи, и человѣкъ не ужасался тѣхъ перемѣнъ, которыя привели его къ теперешнему состоянію, а только привѣтствовалъ ихъ. Что же страшнаго въ предстоящей перемѣнѣ? Уничтоженіе? Да вѣдь то, на чемъ происходятъ всѣ эти перемѣны, — особенное отношеніе къ міру,—то, въ чемъ состоитъ сознаніе истинной жизни, началось не съ рожденія тѣла, а внѣ тѣла и внѣ времени. Такъ какъ же можетъ какое бы то ни было временное и пространственное измѣненіе уничтожить то, что внѣ его? Человѣкъ уставится глазами въ маленькую, крошечную частичку своей жизни, не хочетъ видѣть всей ея и дрожитъ объ томъ, чтобы не пропалъ изъ глазъ этотъ крошечный, излюбленный имъ кусочекъ. Это напоминаетъ анекдотъ о томъ сумасшедшемъ, который вообразилъ себѣ, что онъ стеклянный и, когда его уронили, сказалъ: дзинь и тотчасъ же умеръ. Чтобы имѣть жизнь, человѣку надо брать ее всю, а не маленькую часть ея, проявляющуюся въ пространствѣ и времени. Тому, кто возьметъ всю жизнь, тому прибавится, а тому, что возьметъ часть ея, у того отнимется и то, что у него есть.

XXX.

Жизнь есть отношеніе къ міру. Движеніе жизни есть установленіе новаго, высшаго отношенія, и потому смерть есть вступленіе въ новое отношеніе.

Жизнь мы не можемъ понимать иначе, какъ извѣстное отношеніе къ міру: такъ мы понимаемъ жизнь въ себѣ и такъ же мы ее понимаемъ и въ другихъ существахъ.

Но въ себѣ мы понимаемъ жизнь не только какъ разъ существующее отношеніе къ міру, но и какъ установленіе новаго отношенія къ міру черезъ большее и большее подчиненіе животной личности разуму, и проявленіе большей степени любви. То неизбѣжное уничтоженіе плотскаго существованія, которое мы на себѣ видимъ, показываетъ намъ, что отношеніе, въ которомъ мы находимся къ міру, не есть постоянное, но что мы вынуждены устанавливать другое. Установленіе этого новаго отношенія, т. е. движеніе жизни, и уничтожаетъ представленіе смерти. Смерть представляется только тому человѣку, который, не признавъ свою жизнь въ установленіи разумнаго отношенія къ міру и проявленіи его въ большей и большей любви, остался при томъ отношеніи, т. е. съ тою степенью любви къ одному и нелюбви къ другому, съ которыми онъ вступилъ въ существованіе.

Жизнь есть неперерастающее движеніе, а оставаясь въ томъ же отношеніи къ міру, оставаясь на той степени любви, съ которой онъ вступилъ въ жизнь, онъ чувствуетъ остановку ея, и ему представляется смерть.

Смерть и видна и страшна только такому человѣку. Все существованіе такого человѣка есть одна неперестающая смерть. Смерть видна и страшна ему не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ, при всѣхъ проявленіяхъ уменьшенія животной жизни, начиная отъ младенчества и до старости: потому что движеніе существованія отъ дѣтства до возмужалости только кажется временнымъ увеличеніемъ силъ, въ сущности же есть такое же огрубѣніе членовъ, уменьшеніе гибкости, жизненности, не прекращающееся отъ рожденія и до смерти. Такой человѣкъ видитъ передъ собой смерть постоянно и ничто не можетъ спасти его отъ нея. Съ каждымъ днемъ, часомъ положеніе такого человѣка дѣлается хуже и хуже, и ничто не можетъ улучшить его. Свое особенное отношеніе къ міру, любовь къ одному и нелюбовь къ другому, такому человѣку представляется только однимъ изъ условій его существованія; и единственное дѣло жизни—установленіе новаго отношенія къ міру, увеличеніе любви—представляется ему дѣломъ ненужнымъ. Вся жизнь его проходитъ въ невозможномъ: избавиться отъ неизбѣжнаго уменьшенія жизни, огрубѣнія, ослабленія ея, устарѣнія и смерти.

Но не то для человѣка, понимающаго жизнь. Такой человѣкъ

знаетъ, что онъ внесъ въ свою теперешнюю жизнь свое особенное отношеніе къ міру, свою любовь къ одному и нелюбовь къ другому изъ скрытаго для него прошедшаго. Онъ знаетъ, что эта-то его любовь къ одному и нелюбовь къ другому, внесенная имъ въ это его существованіе, есть самая сущность его жизни; что это не есть случайное свойство его жизни, но что это одно имѣетъ движеніе жизни,—и онъ въ одномъ этомъ движеніи, въ увеличеніи любви, полагаетъ свою жизнь.

Глядя на свое прошедшее въ этой жизни, онъ видитъ, по понятному ему ряду своихъ сознаній, что отношеніе его къ міру измѣнялось, подчиненіе закону разуму увеличивалось, и увеличивалась, не переставая, сила и область любви, давая ему все большее и большее благо независимо, а иногда прямо обратно пропорціонально умаленію существованія личности.

Такой человѣкъ, принявъ свою жизнь изъ невидимаго ему прошедшаго, сознавая постоянное непрерываемое возрастаніе ея, не только спокойно, но и радостно переноситъ ее и въ невидимое будущее.

Говорятъ: болѣзнь, старость, дряхлость, впаденіе въ дѣтство есть уничтоженіе сознанія и жизни человѣка. Для какого человѣка? Я представляю себѣ, по преданію, Іоанна Богослова, впавшаго отъ старости въ дѣтство. Онъ, по преданію, говорилъ только: братья, любите другъ друга! Чуть двигающійся столѣтній старичекъ, съ слезящимися глазами шамкаетъ только одни и одни три слова: любите другъ друга! Въ такомъ человѣкѣ существованіе животное чуть брежжится,—оно все съѣдено новымъ отношеніемъ къ міру, новымъ живымъ существомъ, неумѣщающимся уже въ существованіи плотскаго человѣка.

Для человѣка, понимающаго жизнь въ томъ, въ чемъ она дѣйствительно есть, говоритъ объ умаленіи своей жизни при болѣзняхъ и старости, и сокрушаться объ этомъ—все равно, что человѣку, подходящему къ свѣту, сокрушаться объ уменьшеніи своей тѣни по мѣрѣ приближенія къ свѣту. Вѣрить же въ уничтоженіе своей жизни, потому что уничтожается тѣло, все равно, что вѣрить въ то, что уничтоженіе тѣни предмета, послѣ вступленія предмета въ сплошной свѣтъ, есть вѣрный признакъ уничтоженія самого предмета. Дѣлать такія заключенія могъ бы только тотъ человѣкъ, который такъ

долго смотрѣлъ только на тѣнь, что подъ конецъ вообразилъ себѣ что тѣнь и есть самый предметъ.

Для человѣка же, знающаго себя не по отраженію въ пространственномъ и временномъ существованіи, а по своему возросшему любовному отношенію къ міру, уничтоженіе тѣни пространственныхъ и временныхъ условій есть только признакъ большей степени свѣта. Человѣку, понимающему свою жизнь, какъ извѣстное особенное отношеніе къ міру, съ которымъ онъ вступилъ въ существованіе и которое росло въ его жизни увеличеніемъ любви, вѣрить въ свое уничтоженіе—все равно, что человѣку, знающему внѣшніе видимые законы міра, вѣрить въ то, что его нашла мать подъ капустнымъ листомъ, и что тѣло его вдругъ куда-то улетитъ, такъ что ничего не останется.

XXXI.

Жизнь умершихъ людей не прекращается въ этомъ мірѣ.

Но еще болѣе, не скажу съ другой стороны, но по самому существу жизни, какъ мы сознаемъ ее, становится яснымъ суевѣріе смерти. Мой другъ, братъ, жилъ такъ же, какъ и я, и теперь пересталъ жить такъ, какъ я. Жизнь его была его сознаніе и происходила въ условіяхъ его тѣлеснаго существованія; значитъ, нѣтъ мѣста и времени для проявленія его сознанія, и его нѣтъ для меня. Братъ мой былъ, я былъ въ общеніи съ нимъ, а теперь его нѣтъ, и я никогда не узнаю, гдѣ онъ.

„Между нимъ и нами прерваны всѣ связи. Его нѣтъ для насъ, и насъ также не будетъ для тѣхъ, кто останется. Что же это, какъ не смерть“. Такъ говорятъ люди, не понимающіе жизни.

Люди видятъ въ прекращеніи внѣшняго общенія самое несомнѣнное доказательство дѣйствительной смерти. А между тѣмъ ни на чемъ яснѣе и очевиднѣе, чѣмъ на прекращеніи плотскаго существованія близкихъ людей, не разсѣевается призрачность представленія о смерти. Братъ мой умеръ, что же сдѣлалось? Сдѣлалось то, что доступно моему наблюденію въ пространствѣ и времени проявленіе его отношеніе къ міру исчезло изъ глазъ и ничего не осталось.

„Ничего не осталось“,—такъ бы сказала куколка, коконъ, не выпустившій еще бабочку, увидавъ, что лежавшій съ нимъ рядомъ

коконъ остался пустой. Но коконъ могъ бы сказать такъ, если бы онъ могъ думать и говорить, потому что, потерявъ своего сосѣда, онъ бы уже дѣйствительно ничѣмъ не чувствовалъ его. Не то съ человѣкомъ. Мой братъ умеръ, коконъ его, правда, остался пустой, я не вижу его въ той формѣ, въ которой я до этого видѣлъ его, но исчезновеніе его изъ моихъ глазъ не уничтожило моего отношенія къ нему. У меня осталось, какъ мы говоримъ, воспоминаніе о немъ.

Осталось воспоминаніе,—не воспоминаніе его рукъ, лица, глазъ, а воспоминаніе его духовнаго образа.

Что такое это воспоминаніе, такое простое и, какъ кажется, понятное слово? Исчезаютъ формы кристалловъ, животныхъ—воспоминанія не бываетъ между кристаллами и животными. У меня же есть воспоминаніе моего друга и брата. И воспоминаніе это тѣмъ живѣе, чѣмъ согласнѣе была жизнь моего друга и брата съ закономъ разума, чѣмъ больше она проявлялась въ любви. Воспоминаніе это не есть только представленіе, но воспоминаніе это есть что-то такое, что дѣйствуетъ на меня и дѣйствуетъ точно такъ же, какъ дѣйствовала на меня жизнь моего брата во время его земного существованія. Это воспоминаніе есть та самая его невидимая, невещественная атмосфера, которая окружала его жизнь и дѣйствовала на меня и на другихъ при его плотскомъ существованіи, точно такъ же, какъ она на меня дѣйствуетъ и послѣ его смерти. Это воспоминаніе требуетъ отъ меня послѣ его смерти теперь того же самаго, чего оно требовало отъ меня при его жизни. Мало того, воспоминаніе это становится для меня болѣе обязательнымъ послѣ его смерти, чѣмъ оно было при его жизни. Та сила жизни, которая была въ моемъ братѣ, не только не исчезла, не уменьшилась, но даже не осталось той же, а увеличилась и сильнѣе, чѣмъ прежде, дѣйствуетъ на меня.

Сила его жизни послѣ его плотской смерти дѣйствуетъ такъ же или сильнѣе, чѣмъ до смерти, и дѣйствуетъ, какъ все истинно живое. На какомъ же основаніи, чувствуя на себѣ эту силу жизни точно такою же, какою она была при плотскомъ существованіи моего брата, т. е., какъ его отношеніе къ міру, уяснившее мнѣ мое отношеніе къ міру, я могу утверждать, что мой умершій братъ не имѣетъ болѣе жизни? Я могу сказать, что онъ вышелъ изъ того низшаго отношенія къ міру, въ которомъ онъ былъ, какъ животное,

и въ которомъ я еще нахожусь,—вотъ и все; могу сказать, что я не вижу того центра новаго отношенія къ міру, въ которомъ онъ теперь; но не могу отрицать его жизни, потому что чувствую на себѣ ея силу. Я смотрѣлъ въ отражающую поверхность на то, какъ держалъ меня человѣкъ; отражающая поверхность потускнѣла. Я не вижу больше, какъ онъ меня держитъ, но чувствую всѣмъ существомъ, что онъ все точно такъ же держитъ меня и, слѣдовательно, существуетъ.

Но, мало того, эта невидимая мнѣ жизнь моего умершаго брата не только дѣйствуетъ на меня, но она входитъ въ меня. Его особенное живое *я*, его отношеніе къ міру, становится моимъ отношеніемъ къ міру. Онъ какъ бы въ установленіи отношенія къ міру поднимаетъ меня на ту ступень, на которую онъ поднялся, и мнѣ, моему особенному живому *я*, становится яснѣе та слѣдующая ступень, на которую онъ уже вступилъ, скрывшись изъ моихъ глазъ, но увлекая меня за собою. Такъ я сознаю для себя жизнь уснувшаго плотской смертью брата и потому не могу въ ней сомнѣваться; но и наблюдая дѣйствія этой исчезнувшей изъ моихъ глазъ жизни на міръ, я еще несомнѣннѣе убѣждаюсь въ дѣйствительности этой исчезнувшей изъ моихъ глазъ жизни. Человѣкъ умеръ, но его отношеніе къ міру продолжаетъ дѣйствовать на людей даже не такъ, какъ при жизни, а въ огромное число разъ сильнѣе, и дѣйствіе это по мѣрѣ разумности и любовности увеличивается и растетъ, какъ все живое, никогда не прекращаясь и не зная перерывовъ.

Христосъ умеръ очень давно, и плотское существованіе его было короткое, и мы не имѣемъ яснаго представленія о его плотской личности, но сила его разумно-любовной жизни, его отношеніе къ міру—не чье иное, дѣйствуетъ до сихъ поръ на милліоны людей, принимающихъ въ себя это его отношеніе къ міру и живущихъ имъ. Что же это дѣйствуетъ? Что это такое, бывшее прежде связаннымъ съ плотскимъ существованіемъ Христа, составляющее продолженіе и разростаніе той же его жизни? Мы говоримъ, что это не жизнь Христа, а послѣдствія ея. И сказавъ такія, не имѣющія никакого значенія, слова, намъ кажется, что мы сказали нѣчто болѣе ясное и опредѣленное, чѣмъ то, что сила эта есть самъ живой Христосъ.—Вѣдь точно такъ могли бы сказать муравьи, копавшіеся около желудя, который проросъ и сталъ дубомъ; жолудь проросъ и

сталъ дубомъ и раздираетъ почву своими кореньями, роняетъ сучья, новые жолуди, заслоняетъ свѣтъ, дождь, измѣняетъ все, что жило вокругъ него. „Это не жизнь жолудя“, скажутъ муравьи, „а послѣдствія его жизни, которая кончилась тогда, когда мы сволокли этотъ жолудь и сбросили его въ ямку“.

Мой братъ умеръ вчера или тысяча лѣтъ тому назадъ, и та самая сила его жизни, которая дѣйствовала при его плотскомъ существованіи продолжаетъ дѣйствовать во мнѣ и въ сотняхъ, тысячахъ, милліонахъ людей еще сильнѣе, не смотря на то, что видимый мнѣ центръ этой силы его временнаго плотскаго существованія исчезъ изъ моихъ глазъ. Что же это значитъ? Я видѣлъ свѣтъ отъ горѣвшей передо мной травы. Трава эта потухла, но свѣтъ только усилился: я не вижу причину этого свѣта, не знаю, что горитъ, но могу заключить, что тотъ же огонь, который сжегъ эту траву, жжетъ теперь дальній лѣсъ, или что-то такое, чего я не могу видѣть. Но свѣтъ этотъ таковъ, что я не только вижу его теперь, но онъ одинъ руководитъ мною и даетъ мнѣ жизнь. Я живу этимъ свѣтомъ. Какъ же мнѣ отрицать его? Я могу думать, что сила этой жизни имѣетъ теперь другой центръ, невидимый мнѣ. Но отрицать его я не могу, потому что ощущаю ее, движимъ и живу ею. Каковъ этотъ центръ, какова эта жизнь сама въ себѣ, я не могу знать,—могу гадать, если люблю гаданіе и не боюсь запутаться. Но если я ищу разумнаго пониманія жизни, то удовольствуюсь яснымъ, несомнѣннымъ и не захочу портить ясное и несомнѣнное присоединеніемъ къ нему темныхъ и произвольныхъ гаданій. Довольно мнѣ знать, что если все то, что я вижу, сложилось изъ жизни жившихъ прежде меня и давно умершихъ людей, и что поэтому всякій человѣкъ, исполнявшій законъ жизни, подчинившій свою животную личность разуму и проявившій силу любви, жилъ и живетъ послѣ исчезновенія своего плотскаго существованія въ другихъ людяхъ,—чтобы нелѣпое и ужасное суевѣріе смерти уже никогда болѣе не мучило меня.

На людяхъ, оставляющихъ послѣ себя силу, продолжающую дѣйствовать, мы можемъ наблюдать и то, почему эти люди, подчинивъ свою личность разуму и отдавшись жизни любви, никогда не могли сомнѣваться и не сомнѣвались въ невозможности уничтоженія жизни.

Въ жизни такихъ людей мы можемъ найти и основу ихъ вѣры

въ непрекращаемость жизни; и потомъ, вникнувъ и въ свою жизнь, найти и въ себѣ эти основы. Христосъ говорилъ, что онъ будетъ жить послѣ исчезновенія призрака жизни. Онъ говорилъ это потому, что онъ уже тогда, во время своего плотскаго существованія, вступилъ въ ту истинную жизнь, которая не можетъ прекращаться. Онъ жилъ уже во время своего плотскаго существованія въ лучахъ свѣта отъ того другого центра жизни, къ которому онъ шелъ, и видѣлъ при своей жизни, какъ лучи этого свѣта уже освѣщали людей вокругъ него. То же видитъ и каждый человѣкъ, отрекающійся отъ личности и живущій разумной, любовной жизнью.

Какой бы тѣсный ни былъ кругъ дѣятельности человѣка—Христосъ онъ, Сократъ, добрый, безвѣстный, самоотверженный старикъ, юноша, женщина,—если онъ живетъ, отрекаясь отъ личности для блага другихъ, онъ здѣсь, въ этой жизни, уже вступаетъ въ то новое отношеніе къ міру, для котораго нѣтъ смерти, и установленіе котораго есть для всѣхъ людей дѣло этой жизни.

Человѣкъ, положивши свою жизнь въ подчиненіе закону разума и въ проявленіе любви, видитъ ужъ въ этой жизни, съ одной стороны, лучи свѣта того новаго центра жизни, къ которому онъ идетъ, съ другой—то дѣйствіе, которое свѣтъ этотъ, проходящій черезъ него, производитъ на окружающихъ. И это даетъ ему несомнѣнную вѣру въ неумаляемость, неумираемость и въ вѣчное усиленіе жизни. Вѣру въ безсмертіе нельзя принять отъ кого-нибудь, нельзя себя убѣдить въ безсмертіи. Чтобы была вѣра въ безсмертіе, надо, чтобы оно было, а чтобы оно было, надо понимать свою жизнь въ томъ, въ чемъ она безсмертна. Вѣрить въ будущую жизнь можетъ только тотъ, кто сдѣлалъ свою работу жизни, установилъ въ этой жизни то новое отношеніе къ міру, которое уже не умѣщается въ немъ.

XXXII.

Суевѣріе смерти происходитъ оттого, что человѣкъ смѣшиваетъ свои различныя отношенія къ міру.

Да, если взглянуть на жизнь въ ея истинномъ значеніи, то становится труднымъ понять даже, на чемъ держится странное суевѣріе смерти.

Такъ, когда разглядишь то, что въ темнотѣ напугало тебя, какъ

привидѣніе, никакъ не можешь опять возстановить того призрачнаго страха.

Боязнь потери того, что одно есть, происходитъ только оттого, что жизнь представляется человѣку не только въ одномъ извѣстномъ ему, но невидимомъ, особенномъ отношеніи его разумнаго сознанія къ міру, но и въ двухъ неизвѣстныхъ ему, но видимыхъ ему отношеніяхъ: его животнаго сознанія и тѣла къ міру. Все существующее представляется человѣку: 1) отношеніемъ его разумнаго сознанія къ міру, 2) отношеніемъ его животнаго сознанія къ міру и 3) отношеніемъ вещества его тѣла къ міру. Не понимая того, что отношеніе его разумнаго сознанія къ міру есть единственная его жизнь, человѣкъ представляетъ себѣ свою жизнь еще и въ видимомъ отношеніи животнаго сознанія и вещества къ міру, и боится потерять свое особенное отношеніе разумнаго сознанія къ міру, когда въ его личности нарушается прежнее отношеніе его животнаго и вещества, его составляющаго къ міру.

Такому человѣку кажется, что онъ происходитъ изъ движенія вещества, переходящаго на ступень личнаго животнаго сознанія. Ему кажется, что это животное сознаніе переходитъ въ разумное, и что потомъ это разумное сознаніе ослабѣваетъ, переходитъ опять назадъ въ животное, и подъ конецъ животное ослабѣваетъ и переходитъ въ мертвое вещество, изъ котораго оно взялось. Отношеніе же его разумнаго сознанія къ міру представляется ему при этомъ взглядѣ чѣмъ то случайнымъ, ненужнымъ и гибнущимъ. При этомъ взглядѣ оказывается то, что отношеніе его животнаго сознанія къ міру не можетъ уничтожиться,—животное продолжаетъ себя въ своей породѣ; отношеніе вещества къ міру уже никакъ не можетъ уничтожиться и вѣчно; а самое драгоцѣнное—разумное сознаніе его—не только не вѣчно, но есть только проблескъ чего-то ненужнаго, излишняго.

И человѣкъ чувствуетъ, что этого не можетъ быть. И въ этомъ—страхъ смерти. Чтобы спастись отъ этого страха, одни люди хотятъ увѣрить себя въ томъ, что животное сознаніе и есть ихъ разумное сознаніе, и что неумираемость животнаго человѣка, т. е. его породы, потомства, удовлетворяетъ тому требованію неумираемости разумнаго сознанія, которое они носятъ въ себѣ. Другіе хотятъ увѣрить себя, что жизнь, никогда прежде не существовавшая, вдругъ появившись въ плотскомъ видѣ и исчезнувъ въ

немъ, опять воскреснетъ въ плоти и будетъ жить. Но вѣрить ни въ то, ни въ другое невозможно для людей, не признающихъ жизнь въ отношеніи разумнаго сознанія къ міру. Для нихъ очевидно, что продолженіе рода человѣческаго не удовлетворяетъ непрестающему заявлять себя требованію вѣчности своего особеннаго *я*; а понятіе вновь начинающейся жизни, заключается въ себѣ понятіе прекращенія жизни и если жизни не было прежде, не было всегда, то ея не можетъ быть и послѣ.

Для тѣхъ и другихъ земная жизнь есть волна. Изъ мертваго вещества выдѣляется личность, изъ личности—разумное сознаніе—вершина волны; поднявшись на вершину, волна, разумное сознаніе и личность спускаются туда, откуда они вышли, и уничтожаются. Жизнь человѣческая для тѣхъ и другихъ есть жизнь видимая. Человѣкъ выросъ, созрѣлъ, умеръ, и послѣ смерти ничего для него уже быть не можетъ,—то, что послѣ него, и отъ него осталось—или потомство, или даже его дѣло—не можетъ удовлетворять его. Онъ жалѣетъ *себя*, боится прекращенія *своей* жизни. Въ то же, что эта его жизнь, которая началась здѣсь на землѣ въ его тѣлѣ и здѣсь же кончилась, что эта жизнь его самого опять воскреснетъ, онъ не можетъ вѣрить. Человѣкъ знаетъ, что если его не было прежде, и онъ появился изъ ничего и умеръ, то его, особеннаго *его*, никогда больше не будетъ и быть не можетъ. Человѣкъ познаетъ то, что онъ не умретъ, только тогда, когда онъ познаетъ то, что онъ никогда не рождался и всегда былъ, есть и будетъ. Человѣкъ повѣритъ въ свое безсмертіе только тогда, когда онъ пойметъ, что его жизнь не есть волна, а есть то вѣчное движеніе, которое въ этой жизни проявляется только волною.

Представляется, что я умру и кончится моя жизнь, и эта мысль мучаетъ и пугаетъ, потому что жалко себя. Да что умретъ? Чего мнѣ жалко? Что я такое съ самой обыкновенной точки зрѣнія? Я прежде всего плоть. Ну что же? за это я боюсь, этого мнѣ жалко? Оказывается, что нѣтъ: тѣло, вещество не можетъ пропасть никогда, нигдѣ, ни одна частичка. Стало быть эта часть меня обезпечена, за эту часть бояться нечего. Все будетъ цѣло. Но нѣтъ, говорятъ, не этого жалко. Жалко меня, Льва Николаевича, Ивана Семеновича... Да вѣдь всякій ужъ не тотъ, какимъ онъ былъ 20 лѣтъ тому назадъ, и всякій день онъ ужъ другой. Какого же

мнѣ жалко? Нѣтъ, говорятъ,—не то, не этого жалко. Жалко сознанія меня, моего *я*.

Да вѣдь это твое сознаніе не было всегда одно, а были разныя: было иное годъ тому назадъ, еще болѣе иное десять лѣтъ назадъ и совсѣмъ иное еще прежде: сколько ты помнишь, оно все шло измѣняясь. Что же тебѣ такъ понравилось твое теперешнее сознаніе, что тебѣ такъ жалко потерять его? Если бы оно было у тебя всегда одно, тогда бы понятно было, а то оно все только и дѣлало, что измѣнялось. Начала его ты не видишь и не можешь найти, и вдругъ ты хочешь, чтобы ему не было конца, чтобы то сознаніе, которое теперь въ тебѣ, оставалось бы навсегда. Ты съ тѣхъ поръ, какъ помнишь себя, все шелъ. Ты пришелъ въ эту жизнь, самъ не зная какъ, но знаешь, что пришелъ тѣмъ особеннымъ *я*, которое ты есть, потомъ шелъ, шелъ, дошелъ до половины и вдругъ не то обрадовался, не то испугался и уперся и не хочешь двинуться съ мѣста, итти дальше, потому что не видишь того, что тамъ. Но вѣдь ты не видалъ тоже и того мѣста, изъ котораго ты пришелъ, а вѣдь пришелъ же ты; вошелъ во входныя ворота и не хочешь выходить въ выходныя.

Вся жизнь твоя была шествіе черезъ плотское существованіе: ты шелъ, торопился итти и вдругъ тебѣ жалко стало того, что совершается то самое, что ты, не переставая, дѣлалъ. Тебѣ страшна большая перемѣна положенія твоего при плотской смерти; но вѣдь такая большая перемѣна совершилась съ тобой при твоемъ рожденіи, и изъ этого для тебя не только не вышло ничего плохого, но напротивъ, вышло такое хорошее, что ты и разстаться съ нимъ не хочешь.

Что можетъ пугать тебя? Ты говоришь, что тебѣ жалко того тебя, съ теперешними чувствами, мыслями, съ тѣмъ взглядомъ на міръ, съ теперешнимъ твоимъ отношеніемъ къ міру.

Ты боишься потерять свое отношеніе къ міру. Какое же это отношеніе? Въ чемъ оно?

Если оно въ томъ, что ты такъ ѣшь, пьешь, плодишься, строишь жилища, одѣваешься, такъ или иначе относишься къ другимъ людямъ и животнымъ, то вѣдь все это есть отношеніе всякаго человѣка, какъ разсуждающаго животнаго, къ жизни, и это отношеніе пропасть никакъ не можетъ; такихъ было, и есть, и будетъ милліоны, и правда ихъ сохранится навѣрное такъ же не-

сомнѣнно, какъ каждая частица матеріи. Сохраненіе породы съ такой силой вложено во всѣхъ животныхъ и потому такъ прочно, что бояться за него нечего. Если ты животное, то тебѣ бояться нечего, если же ты вещество, то ты еще болѣе обезпеченъ въ своей вѣчности.

Если же ты боишься потерять то, что не есть животное, то ты боишься потерять свое особенное разумное отношеніе къ міру,— то съ которымъ ты вступилъ въ это существованіе. Но вѣдь ты знаешь, что оно возникло не съ твоимъ рожденіемъ: оно существуетъ независимо отъ твоего родившагося животнаго и потому не можетъ зависѣть и отъ смерти его.

XXXIII.

Жизнь видимая есть часть безконечнаго движенія жизни.

Мнѣ жизнь моя земная и жизнь всѣхъ другихъ людей представляется такъ:

Я и всякій живущій человѣкъ — мы застаемъ себя въ этомъ мірѣ съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ отношеніемъ къ міру, съ извѣстной степенью любви. Намъ кажется сначала, что съ этого отношенія нашего къ міру и начинается наша жизнь, но наблюденія надъ собой *я* надъ другими людьми показываютъ намъ, что это отношеніе къ міру, степень любви каждаго изъ насъ, не началось съ этой жизнью, а внесено нами въ жизнь изъ скрытаго отъ насъ нашимъ плотскимъ рожденіемъ прошедшаго; кромѣ того мы видимъ, что все теченіе нашей жизни здѣсь есть ни что иное, какъ неперестающее увеличеніе, усиленіе нашей любви, которое никогда не прекращается, но только скрывается отъ нашихъ глазъ плотской смертью.

Видимая жизнь наша представляется мнѣ отрѣзкомъ конуса, вершина и основаніе котораго скрываются отъ моего умственнаго взора. Самая узкая часть конуса есть то мое отношеніе къ міру, съ которымъ я впервые сознаю себя; самая широкая часть есть то высшее отношеніе къ жизни, до котораго я достигъ теперь. Начало этого конуса—вершина его скрыта отъ меня во время ни моимъ рожденіемъ, продолженіе конуса скрыто отъ меня будущимъ, одинаково невидимымъ и въ моемъ плотскомъ существованіи, и въ моей плотской смерти. Я не вижу ни вершины конуса, ни осно-

ванія его, но по той части его, въ которой проходитъ моя видимая, памятная мнѣ жизнь, я несомнѣнно узнаю его свойства. Сначала мнѣ кажется, что этотъ отрѣзокъ конуса и есть вся моя жизнь, но по мѣрѣ движенія моей истинной жизни, съ одной стороны, я вижу, что то, что составляетъ основу моей жизни, находится позади ея, за предѣлами ея: по мѣрѣ жизни я живѣе и яснѣе чувствую мою связь съ невидимымъ мнѣ прошедшимъ, съ другой стороны, я вижу, какъ эта же основа опирается на невидимое мнѣ будущее, я яснѣе и живѣе чувствую свою связь съ будущимъ и заключаю о томъ, что видимая моя жизнь, земная жизнь моя, есть только малая часть всей моей жизни, съ обоихъ концовъ ея—до рожденія и послѣ смерти—несомнѣнно существующей, но скрывающейся отъ моего теперешняго познанія. И потому прекращеніе видимости жизни послѣ плотской смерти такъ же, какъ невидимость ея до рожденія, не лишаетъ меня несомнѣннаго знанія ея существованія до рожденія и послѣ смерти. Я вхожу въ жизнь съ извѣстными готовыми свойствами любви къ міру внѣ меня; плотское мое существованіе—короткое или длинное — проходитъ въ увеличеніе этой любви, внесенной мною въ жизнь, и потому я заключаю несомнѣнно, что я жилъ до своего рожденія и буду жить, какъ послѣ того момента настоящаго, въ которомъ я, разсуждая, нахожусь теперь, такъ и послѣ всякаго другого момента времени до или послѣ моей плотской смерти. Глядя внѣ себя на плотскія начала и концы существованія другихъ людей (даже существъ вообще), я вижу, что одна жизнь какъ будто длиннѣе, другая короче, одна прежде проявляется и дольше продолжаетъ быть мнѣ видима;—другая позже проявляется и очень скоро опять скрывается отъ меня, но во всѣхъ я вижу проявленіе одного и того же закона всякой истинной жизни — увеличеніе любви, какъ бы расширеніе лучей жизни. Раньше или позже опускается завѣса, скрывающая отъ меня временное теченіе жизни людей, — жизнь всѣхъ людей все та же одна жизнь и все такъ же, какъ и всякая жизнь, не имѣетъ ни начала, ни конца. И то, что человѣкъ дольше или меньше жилъ въ видимыхъ мною условіяхъ этого существованія, не можетъ представлять никакого различія въ его истинной жизни. То, что одинъ человѣкъ дольше проходилъ черезъ открытое мнѣ поле зрѣнія или другой быстро прошелъ черезъ него, никакъ не можетъ заставить меня приписать больше дѣйствительной жизни

первому и меньше второму. Я несомнѣнно знаю, что, если я видѣлъ проходящимъ мимо моего окна человѣка, скоро ли, или медленно,—все равно я несомнѣнно знаю, что этотъ человѣкъ былъ и до того времени, когда я увидалъ его, и будетъ продолжать быть и скрывшись изъ моихъ глазъ.

Но зачѣмъ же одни проходятъ быстро, а другіе медленно? Зачѣмъ старикъ, засохшій, закостенѣвшій нравственно, неспособный, по нашему взгляду, исполнять законъ жизни—увеличеніе любви—живетъ, а дитя, юноша, дѣвушка, человѣкъ во всей силѣ душевной работы, умираетъ,—выходитъ изъ условій этой плотской жизни, въ которой, по нашему представленію, онъ только начиналъ устанавливать въ себѣ правильное отношеніе къ жизни?

Еще понятны смерти Паскаля, Гоголя; но—Шенье, Лермонтовъ и тысячи другихъ людей съ только-что, какъ намъ кажется, начавшейся внутренней работой, которая такъ хорошо, намъ кажется, могла быть додѣлана здѣсь?

Но вѣдь это намъ кажется только. Никто изъ насъ ничего не знаетъ про тѣ основы жизни, которыя внесены другими въ міръ, и про то движеніе жизни, которое совершилось въ немъ, про тѣ препятствія для движенія жизни, которыя есть въ этомъ существѣ и главное, про тѣ другія условія жизни, возможныя, но невидимыя намъ, въ которыя въ другомъ существованіи можетъ быть поставлена жизнь этого человѣка.

Намъ кажется, глядя на работу кузнеца, что подкова совсѣмъ готова—стоитъ только раза два ударить,—а онъ ломаетъ ее и бросаетъ въ огонь, зная, что она не проварена.

Совершается или нѣтъ въ человѣкѣ работа истинной жизни, мы не можемъ знать. Мы знаемъ это только про себя. Намъ кажется, что человѣкъ умираетъ, когда этого ему не нужно, а этого не можетъ быть. Умираетъ человѣкъ только тогда, когда это необходимо для его блага, точно такъ же, какъ растетъ, мужаетъ человѣкъ только тогда, когда ему это нужно для его блага.

И въ самомъ дѣлѣ, если мы подъ жизнью разумѣемъ жизнь, а не подобіе ея, если истинная жизнь есть основа всего, то не можетъ основа зависѣть отъ того, что она производитъ:—не можетъ причина происходить изъ слѣдствія,—не можетъ теченіе истинной жизни нарушаться измѣненіемъ проявленія ея. Не можетъ прекращаться начатое и неконченное движеніе жизни человѣка въ этомъ

мірѣ оттого, что у него сдѣлается нарывъ, или залетитъ бактерія или въ него выстрѣлятъ изъ пистолета.

Человѣкъ умираетъ только оттого, что въ этомъ мірѣ благо его истинной жизни не можетъ уже увеличиться, а не оттого, что у него болятъ легкія, или у него ракъ, или въ него выстрѣлили или бросили бомбу. Намъ обыкновенно представляется, что жить плотской жизнью естественно, и неестественно погибать отъ огня, воды, холода, молніи, болѣзней, пистолета, бомбы,—но стоитъ подумать серьезно, глядя со стороны на жизнь людей, чтобы увидать, что напротивъ: жить человѣку плотской жизнью среди этихъ гибельныхъ условій, среди всѣхъ, вездѣ распространенныхъ и большею частью убійственныхъ, безчисленныхъ бактерій, совершенно неестественно. Естественно ему гибнуть. И потому жизнь плотская среди этихъ гибельныхъ условій есть, напротивъ, нѣчто самое неестественное въ смыслѣ матеріальномъ. Если мы живемъ, то это происходитъ вовсе не отъ того, что мы бережемъ себя, а оттого, что въ насъ совершается дѣло жизни, подчиняющее себѣ всѣ эти условія. Мы живы не потому, что бережемъ себя, а потому, что дѣлаемъ дѣло жизни. Кончается дѣло жизни, и ничто уже не можетъ остановить не перестающую гибель человѣческой животной жизни,—гибель эта совершается, и одна изъ ближайшихъ, всегда окружающихъ человѣка, причинъ плотской смерти представляется намъ исключительной причиной ея.

Жизнь наша истинная есть, ее мы одну знаемъ, изъ нея одной мы знаемъ жизнь животную, и потому, если ужъ подобіе ея подлежитъ неизмѣннымъ законамъ, то какъ же она-то — то, что производитъ это подобіе,—не будетъ подлежать законамъ?

Но насъ смущаетъ то, что мы не видимъ причинъ и дѣйствій нашей истинной жизни такъ, какъ видимъ причины и дѣйствія въ внѣшнихъ явленіяхъ: не знаемъ, почему одинъ вступаетъ въ жизнь съ такими свойствами своего *я*, а другой съ другими, почему жизнь одного обрывается, а другого продолжается? Мы спрашиваемъ себя: какія были до моего существованія причины того, что я родился тѣмъ, что я есмь. И что будетъ послѣ моей смерти отъ того, что я буду такъ или иначе жить? И мы жалѣемъ о томъ, что не получаемъ отвѣтовъ на эти вопросы.

Но жалѣть о томъ, что я не могу познать теперь того, что именно было до моей жизни и что будетъ послѣ моей смерти, —

то все равно, что жалѣть о томъ, что я не могу видѣть того, что за предѣлами моего зрѣнія. Вѣдь если бы я видѣлъ то, что за предѣлами моего зрѣнія, я бы не видалъ того, что въ его предѣлахъ. А мнѣ вѣдь, для блага моего животнаго, мнѣ нужнѣе всего видѣть то, что вокругъ меня.

Вѣдь то же и съ разумомъ, посредствомъ котораго я познаю. Если бы я могъ видѣть то, что за предѣлами моего разума, я бы не видалъ того, что въ предѣлахъ его. А для блага моей истинной жизни мнѣ нужнѣе всего знать то, чему я долженъ подчинить *здѣсь* и *теперь* свою животную личность для того, чтобы достигнуть блага жизни.

И разумъ открываетъ мнѣ это, открываетъ мнѣ въ этой жизни тотъ единый путь, на которомъ я не вижу прекращенія своего блага.

Онъ показываетъ несомнѣнно, что жизнь эта началась не съ рожденіемъ, а была и есть всегда,—показываетъ, что благо этой жизни растетъ, увеличивается здѣсь, доходя до тѣхъ предѣловъ, которые уже не могутъ содержать его, и только тогда уходитъ изъ тѣхъ условій, которыя задерживаютъ его увеличенія, переходя въ другое существованіе.

Разумъ ставитъ человѣка на тотъ единственный путь жизни, который, какъ конусообразный расширяющійся туннель, среди со всѣхъ сторонъ замыкающихъ его стѣнъ, открываетъ ему вдали несомнѣнную неконечность жизни и ея блага.

XXXIV.

Необъяснимость страданій земного существованія убѣдительнѣе всего показываетъ человѣку то, что жизнь его не есть жизнь личности, начавшаяся рожденіемъ и кончающаяся смертью.

Но если бы человѣкъ и могъ не бояться смерти и не думать о ней, однихъ страданій ужасныхъ, безцѣльныхъ—ничѣмъ не оправдываемыхъ и никогда не отвратимыхъ страданій, которымъ онъ подвергается,—было бы достаточно для того, чтобы разрушить всякій разумный смыслъ, приписываемый жизни.

Я занятъ добрымъ, несомнѣнно полезнымъ для другихъ дѣломъ, вдругъ меня схватываетъ болѣзнь, обрываетъ мое дѣло и томитъ, мучаетъ меня безъ всякаго толка и смысла. Перержавѣлъ винтъ

въ рельсахъ и нужно, чтобы въ тотъ самый день, когда онъ выскочитъ въ этомъ поѣздѣ, въ этомъ вагонѣ ѣхала добрая женщина—мать, и нужно, чтобы раздавило на ея глазахъ ея дѣтей. Проваливается отъ землетрясенія именно то мѣсто, на которомъ стоитъ Лиссабонъ или Вѣрный, и зарываются живыми въ землю и умираютъ въ страшныхъ страданіяхъ—ничѣмъ не виноватые люди. Какой это имѣетъ смыслъ? Зачѣмъ, за что эти тысячи другихъ безсмысленныхъ, ужасныхъ случайностей страданій, поражающихъ людей?

Объясненія разсудочныя ничего не объясняютъ. Разсудочныя объясненія всѣхъ такихъ явленій всегда минутъ самую сущность вопроса и только еще убѣдительнѣе показываютъ неразрѣшимость его. Я заболѣлъ оттого, что залетѣли туда-то такіе-то микробы; или дѣти на глазахъ матери раздавлены поѣздомъ потому, что сырость такъ-то дѣйствуетъ на желѣзо; или Вѣрный провалился оттого, что существуютъ такіе-то геологическіе законы. Но вѣдь вопросъ въ томъ, почему именно такіе-то люди подверглись именно такимъ-то ужаснымъ страданіямъ, и какъ мнѣ избавиться отъ этихъ случайностей страданія?

На это нѣтъ отвѣта. Разсужденіе, напротивъ, очевидно показываетъ мнѣ, что закона, по которому одинъ человѣкъ подвергается, а другой не подвергается этимъ случайностямъ нѣтъ и не можетъ быть никакого, что подобныхъ случайностей безчисленное количество и что потому, что бы я ни дѣлалъ, моя жизнь всякую секунду подвержена всѣмъ безчисленнымъ случайностямъ самаго ужаснаго страданія.

Вѣдь если бы люди дѣлали только тѣ выводы, которые неизбѣжно слѣдуютъ изъ ихъ міросозерцанія,—люди, понимающіе свою жизнь, какъ личное существованіе, ни минуты не оставались бы жить. Вѣдь ни одинъ работникъ не сталъ бы жить у хозяина, который, нанимая работника, выговаривалъ бы себѣ право, всякій разъ, какъ это ему вздумается, жарить этого работника живымъ на медленномъ огнѣ, или съ живого сдирать кожу, или вытягивать жилы и вообще дѣлать всѣ тѣ ужасы, которые онъ на глазахъ нанимающагося безъ всякаго объясненія и причины продѣлываетъ надъ своими работниками. Если бы люди дѣйствительно вполнѣ понимали жизнь такъ, какъ они говорятъ, что ее понимаютъ, ни одинъ, отъ одного страха всѣхъ тѣхъ мучительныхъ и ничѣмъ необъяснимыхъ

страданій, которыя онъ видитъ вокругъ себя и которымъ онъ можетъ подпасть всякую секунду, не остался бы жить на свѣтѣ.

А люди, несмотря на то, что всѣ знаютъ разныя легкія средства убить себя, уйти изъ этой жизни, исполненной такими жестокими и безсмысленными страданіями люди живутъ; жалуются, плачутся на страданія и продолжаютъ жить.

Сказать, что это происходитъ оттого, что наслажденій въ этой жизни больше, чѣмъ страданій, нельзя, потому что, во-первыхъ, не только простое разсужденіе, но философское изслѣдованіе жизни явно показываютъ, что вся земная жизнь есть рядъ страданій, далеко не выкупаемыхъ наслажденіями; во-вторыхъ, мы всѣ знаемъ и по себѣ, и по другимъ, что люди въ такихъ положеніяхъ, которыя не представляютъ ничего иного, какъ рядъ усиливающихся страданій безъ возможности облегченія до самой смерти, все-таки не убиваютъ себя и держатся жизни.

Объясненіе этого страннаго противорѣчія только одно: люди всѣ въ глубинѣ души знаютъ, что всякія страданія всегда нужны, необходимы для блага ихъ жизни, и только потому продолжаютъ жить, предвидя ихъ или подвергаясь имъ. Возмущаются же они противъ страданій потому, что при ложномъ взглядѣ на жизнь, требующемъ блага только для своей личности, нарушеніе этого блага, не ведущее къ очевидному благу, должно представляться чѣмъ-то непонятнымъ и потому возмутительнымъ.

И люди ужасаются передъ страданіями, удивляются имъ, какъ чему-то совершенно неожиданному и непонятному. А между тѣмъ всякій человѣкъ возрощенъ страданіями, вся жизнь его есть рядъ страданій, испытываемыхъ имъ и налагаемыхъ имъ на другія существа, и, казалось, пора бы ему привыкнуть къ страданіямъ, не ужасаться передъ ними и не спрашивать себя, зачѣмъ и за что страданія? Всякій человѣкъ, если только подумаетъ, увидитъ, что всѣ его наслажденія покупаются страданіями другихъ существъ, что всѣ его страданія необходимы для его же наслажденія, что безъ страданій, нѣтъ наслажденія, что страданія и наставленія суть два противоположныя состоянія, вызываемыя одно другимъ и необходимыя одно для другого. Такъ что же значатъ вопросы: зачѣмъ, за что страданія?—которые задаетъ себѣ разумный человѣкъ. Почему человѣкъ, знающій, что страданіе связано съ наслаж-

деніемъ, спрашиваетъ себя: зачѣмъ, за что страданіе?—а не спрашиваетъ себя: зачѣмъ, за что наслажденія?

Вся жизнь животнаго и человѣка, какъ животнаго, есть непрерывная цѣпь страданій. Вся дѣятельность животнаго и человѣка, какъ животнаго, вызывается только страданіемъ. Страданіе есть болѣзненное ощущеніе, вызывающее дѣятельность, устраняющую это болѣзненное ощущеніе и вызывающее состояніе наслажденія. И жизнь животнаго и человѣка, какъ животнаго, не только не нарушается страданіемъ, но совершается только благодаря страданію. Страданія, слѣдовательно, суть то, что движетъ жизнь, и потому есть то, что и должно быть; такъ о чемъ же человѣкъ спрашиваетъ, когда онъ спрашиваетъ: зачѣмъ и за что страданіе?

Животное не спрашиваетъ этого.

Когда окунь, вслѣдствіе голода, мучаетъ плотву, паукъ мучаетъ муху, волкъ овцу, они знаютъ, что дѣлаютъ то, что должно быть; и потому, когда и окунь, и паукъ, и волкъ подпадаютъ такимъ же мученіямъ отъ сильнѣйшихъ ихъ, они, убѣгая, отбиваясь, вырываясь, знаютъ, что дѣлаютъ все то, что должно быть, и потому въ нихъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что съ ними и случается то самое, что должно быть. Но человѣкъ, занятый только залѣчиваніемъ своихъ ногъ, когда ему оторвали ихъ на полѣ сраженія, на которомъ онъ отрывалъ ноги другимъ; или занятый только тѣмъ, чтобы провести наилучшимъ образомъ свое время, сидя въ одиночной тюрьмѣ, послѣ того, какъ онъ самъ прямо или косвенно засадилъ туда людей; или человѣкъ, только заботящійся о томъ, чтобы отбиться и убѣжать отъ волковъ, разрывающихъ его, послѣ того, какъ онъ самъ зарѣзалъ тысячи животныхъ существъ и съѣлъ,—человѣкъ не можетъ находить, что все это, случающееся съ нимъ, есть то самое, что должно быть. Онъ не можетъ признавать случающагося съ нимъ тѣмъ, что должно быть, потому что, подвергшись этимъ страданіямъ, онъ не дѣлалъ всего того, что онъ долженъ былъ дѣлать. Не сдѣлавъ же всего того, что онъ долженъ былъ сдѣлать, ему кажется, что съ нимъ и случается то, чего не должно быть.

Но что же, кромѣ того, чтобы убѣгать и отбиваться отъ волковъ, долженъ дѣлать человѣкъ, разрываемый ими?—То, что свойственно дѣлать человѣку, какъ разумному существу: сознавать

тотъ грѣхъ, который произвелъ страданіе, каяться въ немъ и познавать истину.

Животное страдаетъ только въ настоящемъ, и потому дѣятельность, вызываемая страданіемъ животнаго, направленная на самаго себя въ настоящемъ, вполнѣ удовлетворяетъ его. Человѣкъ же страдаетъ не въ одномъ настоящемъ, но страдаетъ и въ прошедшемъ, и въ будущемъ, и потому дѣятельность, вызываемая страданіями человѣка, если она направлена только на настоящее животнаго человѣка, не можетъ удовлетворить его. Только дѣятельность, направленная и на причину, и на послѣдствія страданія, и на прошедшее и на будущее, удовлетворяетъ страдающаго человѣка.

Животное заперто и рвется изъ своей клѣтки или у него сломана нога и оно лижетъ больное мѣсто, или пожирается другимъ и отбивается отъ него. Законъ его жизни нарушенъ извнѣ, и оно направляетъ свою дѣятельность на возстановленіе его, и совершается то, что должно быть. Но человѣкъ—я самъ или близкій мнѣ—сидитъ въ тюрьмѣ; или я самъ, или близкій мнѣ лишился въ сраженіи ноги, или меня терзаютъ волки: дѣятельность, направленная на побѣгъ изъ тюрьмы, на лѣченіе ноги, на отбиваніе отъ волковъ, не удовлетворитъ меня; потому что заключеніе въ тюрьмѣ, боль ноги и терзаніе волковъ составляютъ только крошечную часть моего страданія. Я вижу причины своего страданія въ прошедшемъ, въ заблужденіяхъ моихъ и другихъ людей, и если моя дѣятельность не направлена на причину страданій—на заблужденіе, и я не стараюсь освободиться отъ него, я не дѣлаю того, что должно быть, и потому то страданіе и представляется мнѣ тѣмъ, чего не должно быть, и оно не только въ дѣйствительности, но и въ воображеніи возрастаетъ до ужасныхъ, исключающихъ возможность жизни размѣровъ.

Причина страданія для животнаго есть нарушеніе закона жизни животной; нарушеніе это проявляется сознаніемъ боли, и дѣятельность, вызванная нарушеніемъ закона, направлена на устраненіе боли; для разумнаго сознанія причина страданія есть нарушеніе закона жизни разумнаго сознанія; нарушеніе это проявляется сознаніемъ заблужденія, грѣха, и дѣятельность, вызванная нарушеніемъ закона, направлена на устраненіе заблужденія, грѣха. И какъ страданіе животнаго вызываетъ дѣятельность, направленную на боль, и дѣятельность эта освобождаетъ страданіе отъ его мучи-

тельности, такъ и страданія разумнаго существа вызываютъ дѣятельность, направленную на заблужденіе, и дѣятельность эта освобождаетъ страданіе отъ его мучительности.

Вопросы: зачѣмъ? и за что? возникающіе въ душѣ человѣка при испытаніи или воображеніи страданія, показываютъ только то, что человѣкъ не позналъ той дѣятельности, которая должна быть вызвана въ немъ страданіемъ и которая освобождаетъ страданіе отъ его мучительности. И дѣйствительно, для человѣка, признающаго свою жизнь въ животномъ существованіи, не можетъ быть этой освобождающей страданіе дѣятельности, и тѣмъ меньше, чѣмъ уже онъ понимаетъ свою жизнь.

Когда человѣкъ, признающій жизнью личное существованіе, находитъ причины своего личнаго страданія въ своемъ личномъ заблужденіи,—понимаетъ, что онъ заболѣлъ оттого, что съѣлъ вредное, или что его прибили оттого, что онъ самъ пошелъ драться, или что онъ голоденъ и голъ оттого, что не хотѣлъ работать,— онъ узнаетъ, что страдаетъ *за то*, что сдѣлалъ то, что не должно, *и за тѣмъ*, чтобы впредь не дѣлать этого, и, направляя свою дѣятельность на уничтоженіе заблужденія, не возмущается противъ страданія, и легко и часто радостно несетъ его. Но когда такого человѣка постигаетъ страданіе, выходящее за предѣлы видимой ему связи страданія и заблужденія, — какъ когда онъ страдаетъ отъ причинъ, бывшихъ всегда внѣ его личной дѣятельности, или когда послѣдствія его страданій не могутъ быть ни на что нужны ни его, ни чьей другой личности, — ему кажется, что его постигаетъ то, чего не должно быть, и онъ спрашиваетъ себя: зачѣмъ? за что? и не находя предмета, на который бы онъ могъ направить свою дѣятельность, возмущается противъ страданія, и страданіе его дѣлается ужаснымъ мученіемъ. Большинство же страданій человѣка всегда именно такія, причины или слѣдствія которыхъ — иногда же и то, и другое—скрываются отъ него въ пространствѣ и времени: болѣзни наслѣдственныя, несчастныя случайности, неурожаи, крушенія, пожары, землетрясенія и т. п., кончающіеся смертью.

Объясненія о томъ, что это нужно для того, чтобы преподать урокъ будущимъ людямъ, какъ не надо предаваться тѣмъ страстямъ, которыя отражаются болѣзнями на потомствѣ, или о томъ, что надо лучше устроить поѣзда или осторожнѣе обращаться съ огнемъ,— всѣ эти объясненія не даютъ мнѣ никакого отвѣта. Я не могу при-

знать значенія своей жизни въ иллюстраціи недосмотровъ другихъ людей; жизнь моя есть моя жизнь, съ моимъ стремленіемъ къ благу, а не иллюстрація для другихъ жизней. И объясненія эти годятся только для разговоровъ и не облегчаютъ того ужаса передъ безсмысленностью угрожающихъ мнѣ страданій, которыя исключаютъ возможность жизни.

Но если бы даже и можно было понять кое-какъ то, что, своими заблужденіями заставляя страдать другихъ людей, я своими страданіями несу заблужденія другихъ; если можно понять тоже очень отдаленно то, что всякое страданіе есть указаніе на заблужденіе, которое должно быть исправлено людьми въ этой жизни,— остается огромный рядъ страданій, уже ничѣмъ необъяснимыхъ. Человѣка въ лѣсу, одного, разрываютъ волки, человѣкъ потонулъ, замерзъ или сгорѣлъ или просто одиноко заболѣлъ и умеръ, и никто, никогда не узнаетъ о томъ, какъ онъ страдалъ, и тысячи подобныхъ случаевъ. Кому это принесетъ какую бы то ни было пользу?

Для человѣка, понимающаго свою жизнь, какъ животное существованіе, нѣтъ и не можетъ быть никакого объясненія, потому что для такого человѣка связь между страданіемъ и заблужденіемъ только въ видимыхъ ему явленіяхъ, а связь эта въ предсмертныхъ страданіяхъ уже совершенно ускользаетъ отъ его умственнаго взора.

Для человѣка два выбора: или, не признавая связи между испытываемыми страданіями и своей жизнью, продолжать нести большинство своихъ страданій, какъ мученія, не имѣющія никакого смысла; или признать то, что мои заблужденія и поступки совершенные вслѣдствіе ихъ, — мои грѣхи, какіе бы они ни были,— причина моихъ страданій какія бы они ни были, и что мои страданія суть избавленіе и искупленіе отъ грѣховъ моихъ и другихъ людей, какихъ бы то ни было.

Возможны только эти два отношенія къ страданію: одно то, что страданіе есть то, чего не должно быть, потому что я не вижу его внѣшняго значенія; и другое то, что оно то самое, что должно быть, потому что я знаю его внутреннее значеніе для моей истинной жизни. Первое вытекаетъ изъ признанія благомъ блага моей отдѣльной личной жизни. Другое вытекаетъ изъ признанія благомъ блага всей моей жизни прошедшаго и будущаго въ неразрывной связи съ благомъ другихъ людей и существъ. При первомъ взглядѣ,

страданія не имѣютъ никакого объясненія и не вызываютъ никакой другой дѣятельности, кромѣ постоянно растущаго и ничѣмъ неразрѣшимаго отчаянія и озлобленія; при второмъ, страданія вызываютъ ту самую дѣятельность, которая и составляетъ движеніе истинной жизни,—сознаніе грѣха, освобожденіе отъ заблужденій и подчиненіе закону разума.

Если не разумъ человѣка, то мучительность страданія волей-неволей заставляютъ его признать то, что жизнь его не умѣщается въ его личности, что личность его есть только видимая часть всей его жизни, что внѣшняя, видимая имъ изъ его личности связь причины и дѣйствія, не совпадаетъ съ той внутренней связью причины и дѣйствія, которая всегда извѣстна человѣку изъ его разумнаго сознанія.

Связь заблужденія и страданія, видимая для животнаго только въ пространственныхъ и временныхъ условіяхъ, всегда ясна для человѣка внѣ этихъ условій въ его сознаніи. Страданіе, какое бы то ни было, человѣкъ сознаетъ всегда какъ послѣдствіе своего грѣха, какого бы то ни было, и покаяніе въ своемъ грѣхѣ—какъ избавленіе отъ страданія и достиженіе блага.

Вся жизнь человѣка съ первыхъ дней дѣтства вѣдь состоитъ только въ этомъ; въ сознаніи грѣха черезъ страданіе и въ освобожденіи себя отъ заблужденій. Я знаю, что пришелъ въ эту жизнь съ извѣстнымъ знаніемъ истины, и что чѣмъ больше было во мнѣ заблужденій, тѣмъ больше было страданій моихъ и другихъ людей,—чѣмъ больше я освобождался отъ заблужденій, тѣмъ меньше было страданій моихъ, и другихъ людей и тѣмъ большаго я достигалъ блага. И потому я знаю, что чѣмъ больше то знаніе истины, которое я уношу изъ этого міра и которое мнѣ даетъ мое, хотя бы послѣднее, предсмертное страданіе, тѣмъ большаго я достигаю блага.

Мученія страданія испытываетъ только тотъ, кто, отдѣливъ себя отъ жизни міра, не видя тѣхъ своихъ грѣховъ, которыми онъ вносилъ страданія въ міръ, считалъ себя невиноватымъ и потому возмущается противъ тѣхъ страданій, которыя онъ несетъ за грѣхи міра.

И удивительное дѣло, то самое, что ясно для разума, мысленно, — то самое подтверждается въ единой истинной дѣятельности жизни, въ любви. Разумъ говоритъ, что человѣкъ, при-

знающій связь своихъ грѣховъ и страданій съ грѣхомъ и страданіями міра, освобождается отъ мучительности страданія; любовь на дѣлѣ подтверждаетъ это.

Половина жизни каждаго человѣка проходитъ въ страданіяхъ, которыхъ онъ не только не признаетъ мучительными и не замѣчаетъ, но считаетъ своимъ благомъ, только потому, что они несутся, какъ послѣдствія заблужденій и средство облегченія страданій любимыхъ людей. Такъ что чѣмъ меньше любви, тѣмъ больше человѣкъ подверженъ мучительности страданій, чѣмъ больше любви, тѣмъ меньше мучительности страданія; жизнь же вполнѣ разумная, вся дѣятельность которой проявляется только въ любви, исключаетъ возможность всякаго страданія. Мучительность страданія—это только та боль, которую испытываютъ люди при попыткахъ разрыванія той цѣпи любви къ предкамъ, къ потомкахъ, къ современникамъ, которая соединяетъ жизнь человѣческую съ жизнью міра.

XXXV.

Страданія тѣлесныя составляютъ необходимое условіе жизни и блага людей.

„Но все таки больно, тѣлесно больно. Зачѣмъ эта боль?“ спрашиваютъ люди.

„А затѣмъ, что это намъ не только нужно, но что намъ нельзя бы жить безъ того, чтобы намъ не бывало больно“, отвѣтилъ бы намъ тотъ, кто сдѣлалъ то, что намъ больно и сдѣлалъ такъ мало больно, какъ только было можно, а благо отъ этого „больно“ сдѣлалъ такъ велико, какъ только было можно.

Вѣдь кто не знаетъ, что самое первое ощущеніе нами боли есть первое и главное средство и сохраненія нашего тѣла и продолженія нашей животной жизни,—что, если бы этого не было, то мы всѣ дѣтьми сожгли бы для забавы и изрѣзали бы все свое тѣло. Боль тѣлесная оберегаетъ животную личность. И пока боль служитъ обереганіемъ личности, какъ это происходитъ въ ребенкѣ, боль эта не можетъ быть тою ужасающею мукой, какою мы знаемъ боль въ тѣ времена, когда мы находимся въ полной силѣ разумнаго сознанія и противимся боли, признавая ее тѣмъ, чего не должно быть. Боль въ животномъ и въ ребенкѣ есть очень опредѣленная и небольшая величина, никогда не доходящая до той

мучительности, до которой она доходитъ въ существѣ, одаренномъ разумнымъ сознаніемъ. Въ ребенкѣ мы видимъ, что онъ плачетъ отъ укуса блохи иногда такъ же жалостно, какъ отъ боли, разрушающей внутренніе органы. И боль неразумнаго существа не оставляетъ никакихъ слѣдовъ въ воспоминаніи. Пусть каждый постарается вспомнить свои дѣтскія страданія боли, и онъ увидитъ, что у него объ нихъ не только нѣтъ воспоминанія, но что онъ даже и не въ силахъ, возстановить ихъ въ своемъ воображеніи. Впечатлѣніе наше при видѣ страданій дѣтей и животныхъ есть больше наше, чѣмъ ихъ страданіе. Внѣшнее выраженіе страданій неразумныхъ существъ неизмѣримо больше самаго страданія, и потому въ неизмѣримо большей степени вызываетъ наше сострадание какъ это можно замѣтить при болѣзняхъ мозга, горячкахъ, тифахъ и всякихъ агоніяхъ.

Въ тѣ времена, когда не проснулось еще разумное сознаніе, и боль служитъ только огражденіемъ личности, она не мучительна; въ тѣ же времена, когда въ человѣкѣ есть возможность разумнаго сознанія, она есть средство подчиненія животной личности разуму, и по мѣрѣ пробужденія этого сознанія становится все менѣе и менѣе мучительной.

Въ сущности, только находясь въ полномъ обладаніи разумнаго сознанія, мы можемъ и говорить о страданіяхъ, потому что только съ этого состоянія и начинается жизнь и тѣ состоянія ея, которыя мы называемъ страданіями. Въ этомъ же состояніи ощущеніе боли можетъ растягиваться до самыхъ большихъ и съуживаться до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ, безъ изученіи физіологіи, того, что чувствительность имѣетъ предѣлы, что при усиленіи боли до извѣстнаго предѣла, или прекращается чувствительность—обморокъ, отупѣніе, жаръ, или наступаетъ смерть. Увеличеніе боли, стало быть, очень точно опредѣленная величина, не могущая выйти изъ своихъ предѣловъ. Ощущеніе же боли можетъ увеличиваться отъ нашего отношенія къ ней до безконечности и точно такъ же можетъ уменьшаться до безконечно малаго.

Мы всѣ знаемъ, какъ можетъ человѣкъ, покоряясь боли, признавая боль тѣмъ, что должно быть, свести ее до нечувствительности, до испытанія даже радости въ перенесеніи ея. Не говоря уже о мученикахъ, о Гусѣ, пѣвшемъ на кострѣ,—простые люди

только изъ желанія выказать свое мужество переносятъ безъ крика и дерганія считающіяся самыми мучительными операціи. Предѣлъ увеличенія боли есть, предѣла же уменьшенія ея ощущенія—нѣтъ.

Мученія боли дѣйствительно ужасны для людей, положившихъ свою жизнь въ плотскомъ существованіи. Да какъ же имъ и не быть ужасными, когда сила разума, данная человѣку для уничтоженія мучительности страданій, направлена только на то, чтобы увеличивать ее?

Какъ у Платона есть миѳъ о томъ, что Богъ опредѣлилъ сперва людямъ срокъ жизни 70 лѣтъ, но потомъ, увидавъ, что людямъ хуже отъ этого, перемѣнилъ на то, что есть теперь, т. е. сдѣлалъ такъ, что люди не знаютъ часа своей смерти,—такъ точно вѣрно опредѣлялъ бы разумность того, что есть, миѳъ о томъ, что люди сначала были сотворены безъ ощущенія боли, но что потомъ для ихъ блага сдѣлано то, что теперь есть.

Если бы боги сотворили людей безъ ощущенія боли, очень скоро люди бы стали просить о ней; женщины безъ родовыхъ болей рожали бы дѣтей въ такихъ условіяхъ, при которыхъ рѣдкіе бы оставались живыми; дѣти и молодежь перепортили бы себѣ всѣ тѣла, а взрослые люди никогда не знали бы ни заблужденій другихъ, прежде жившихъ и теперь живущихъ людей, ни, главное, своихъ заблужденій,—не знали бы, что имъ надо дѣлать въ этой жизни, не имѣли бы разумной цѣли дѣятельности, никогда не могли бы примириться съ мыслью о предстоящей плотской смерти и не имѣли бы любви.

Для человѣка, понимающаго жизнь какъ подчиненіе своей личности закону разума, боль не только не есть зло, но есть необходимое условіе, какъ его животной, такъ и разумной жизни. Не будь боли, животная личность не имѣла бы указанія отступленій отъ своего закона; не испытывай страданій разумное сознаніе, человѣкъ не позналъ бы истины, не зналъ бы своего закона.

Но вы говорите, скажутъ на это, про страданія свои личныя, но какъ же отрицать страданія другихъ? Видъ этихъ страданій—вотъ самое мучительное страданіе, не совсѣмъ искренно скажутъ люди.

Страданіе другихъ? Но страданія другихъ, — то, что вы называете страданіями,—не прекращались и не прекращаются. Весь міръ людей и животныхъ страдаетъ и не переставалъ страдать.

Неужели мы только сегодня узнали про это? Раны, увѣчья, голодъ, холодъ, болѣзни, всякія несчастныя случайности и, главное, роды, безъ чего никто изъ насъ не явился на свѣтъ—вѣдь все это необходимыя условія существованія. Вѣдь это—то самое, уменьшеніе чего, помощь чему и оставляетъ содержаніе разумной жизни людей,— то самое, на что направлена истинная дѣятельность жизни. Пониманіе страданій личностей и причинъ заблужденій людскихъ и дѣятельность для уменьшенія ихъ вѣдь есть все дѣло жизни человѣческой. Вѣдь затѣмъ то я и человѣкъ—личность, чтобы я понималъ страданія другихъ личностей, и затѣмъ-то я—разумное сознаніе, чтобы въ страданіи каждой отдѣльной личности я видѣлъ общую причину страданія—заблужденія, и могъ уничтожить ее въ себѣ и другихъ. Какъ же можетъ матеріалъ его работы быть страданіемъ для работника? Все равно, какъ пахарь бы сказалъ, что непаханная земля—его страданіе. Непаханная земля можетъ быть страданіемъ только для того, кто хотѣлъ бы видѣть пашню вспаханною, но не считаетъ своимъ дѣломъ жизни пахать ее.

Дѣятельность, направленная на непосредственное любовное служеніе страдающимъ и на уничтоженіе общихъ причинъ страданія— заблужденій—и есть та единственная радостная работа, которая предстоитъ человѣку и даетъ ему то неотъемлемое благо, въ которомъ состоитъ его жизнь.

Страданіе для человѣка есть только одно, и оно-то и есть то страданіе, которое заставляетъ человѣка волей-неволей отдаваться той жизни, въ которой для него есть только одно благо.

Страданіе это есть сознаніе противорѣчія между грѣховностью своей и всего міра и не только возможностью, но обязанностью осуществленія не кѣмъ-нибудь, а мной самимъ всей истины въ жизни своей и всего міра. Утолить это страданіе нельзя ни тѣмъ, чтобы, участвуя въ грѣхѣ міра, не видать своего грѣха, ни еще менѣе тѣмъ, чтобы перестать вѣрить не только въ возможность, но въ обязанность не кого-нибудь другого, но мою — осуществить всю истину въ моей жизни и жизни міра. — Первое только увеличиваетъ мои страданія, второе лишаетъ меня силы жизни. Утоляетъ это страданіе только сознаніе и дѣятельность истинной жизни, уничтожающія несоразмѣрность личной жизни съ цѣлью, сознаваемой человѣкомъ. Волей-неволей человѣкъ долженъ признать, что жизнь его не ограничивается его личностью отъ рожденія и до

смерти и что цѣль, сознаваемая имъ, есть цѣль достижимая и что въ стремленіи къ ней—въ сознаніи большей и большей своей грѣховности и въ большемъ и большемъ осуществленіи всей истины въ своей жизни и въ жизни міра и состоитъ, и состояло, и всегда будетъ состоять дѣло его жизни, неотдѣлимой отъ жизни всего міра.

Если не разумное сознаніе: то страданіе, вытекающее изъ заблужденія о смыслѣ своей жизни, волей-неволей загоняетъ человѣка на единственный истинный путь жизни, на которомъ нѣтъ препятствій, нѣтъ зла, а есть одно, ничѣмъ непзрушимое, никогда не начавшееся и не могущее кончиться, все возрастающее благо.

Заключеніе.

Жизнь человѣка есть стремленіе къ благу, и то, къ чему онъ стремится, то и дано ему.

Зло въ видѣ смерти и страданій видны человѣку только, когда онъ законъ своего плотскаго животнаго существованія принимаетъ за законъ своей жизни.

Только когда онъ, будучи человѣкомъ, спускается на степень животнаго,—только тогда онъ видитъ смерть и страданія. Смерть и страданія, какъ пугалы, со всѣхъ сторонъ ухаютъ на него и загоняютъ на одну открытую ему дорогу человѣческой жизни, подчиненной своему закону разума и выражающейся въ любви. Смерть и страданія суть только преступленія человѣкомъ своего закона жизни. Для человѣка, живущаго по своему закону, нѣтъ смерти и нѣтъ страданія.

„Прійдите ко инѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ. Возьмите иго мое на себя, и научитесь отъ меня: ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго мое благо и бремя мое легко. (Отъ Матѳ. гл. 11, 28—30).

Жизнь человѣка есть стремленіе къ благу; къ чему онъ стремится, то и дано ему: жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть зломъ.

Прибавленіе 1-ое.

Обыкновенно говорятъ: мы изучаемъ жизнь не по сознанію своей жизни, а вообще внѣ себя. Но вѣдь это все равно, что сказать: мы разсматриваемъ предметы не глазами, но вообще внѣ себя.

Предметы мы видимъ внѣ себя потому, что мы видимъ ихъ въ своихъ глазахъ, и жизнь мы знаемъ внѣ себя потому только, что мы ее знаемъ въ себѣ. И видимъ предметы мы только такъ, какъ мы ихъ видимъ въ своихъ глазахъ, и опредѣляемъ мы жизнь внѣ себя только такъ, какъ мы ее знаемъ въ себѣ. Знаемъ же мы жизнь въ себѣ, какъ стремленіе къ благу. И потому, безъ опредѣленія жизни какъ стремленіе къ благу, нельзя не только наблюдать, но и видѣть жизнь.

Первый и главный актъ нашего познанія живыхъ существъ—тотъ, что мы много разныхъ предметовъ включаемъ въ понятіе одного живого существа, и это живое существо исключаемъ изъ всего другого. И то, и другое мы дѣлаемъ только на основаніи всѣми нами одинаково сознаваемаго опредѣленія жизни, какъ стремленіе къ благу себя, какъ отдѣльнаго отъ всего міра существа.

Мы узнаемъ, что человѣкъ на лошади—не множество существъ и не одно существо, не потому, что мы наблюдаемъ всѣ части, составляющія человѣка и лошадь, потому, что ни въ головѣ, ни въ ногахъ, ни въ другихъ частяхъ человѣка и лошади мы не видимъ такого отдѣльнаго стремленія къ благу, которое мы знаемъ въ себѣ. И узнаемъ, что человѣкъ на лошади не одно, а два существа, потому что узнаемъ въ нихъ два отдѣльныя стремленія къ благу, тогда какъ въ себѣ мы знаемъ только одно.

Только по этому мы узнаемъ, что есть жизнь въ соединеніи всадника и лошади, и что есть жизнь въ табунѣ лошадей, что есть жизнь въ птицахъ, въ насѣкомыхъ, въ деревьяхъ, въ травѣ. Если же бы мы не знали, что лошадь желаетъ себѣ своего и человѣкъ своего блага, что того желаетъ каждая отдѣльная лошадь въ табунѣ, что того блага себѣ желаетъ каждая птица, козявка, дерево, трава, мы не видѣли бы отдѣльности существъ, а не видя отдѣльности, никогда не могли бы понять ничего живого: и полкъ кавалеристовъ, и стадо, и птицы, и насѣкомыя, и растенія—все бы было какъ волны

на морѣ, и весь міръ сливался бы для насъ въ одно безразличное движеніе, въ которомъ мы никакъ не могли бы найти жизни.

Если я знаю, что лошадь, и собака, и клещъ, сидящій на ней,—живыя существа, и могу наблюдать ихъ, то только потому, что у лошади, и собаки, и клеща, есть свои отдѣльныя цѣли, цѣли для каждаго своего блага. Знаю же я это потому, что таковымъ, стремящимся къ благу, знаю себя.

Въ этомъ стремленіи къ благу и состоитъ основа всякаго познанія о жизни. Безъ признанія того, что стремленіе къ благу, которое чувствуетъ въ себѣ человѣкъ, есть жизнь и признакъ всякой жизни, невозможно никакое изученіе жизни, невозможно никакое наблюденіе надъ жизнью. И потому наблюденіе начинается тогда, когда уже извѣстна жизнь, и никакое наблюденіе надъ проявленіями жизни не можетъ (какъ это предполагаетъ ложная наука) опредѣлить самую жизнь.

Люди не признаютъ опредѣленія жизни въ стремленіи къ благу, которое они находятъ въ своемъ сознаніи, а признаютъ возможность знанія этого стремленія въ клещѣ, и на основаніи этого предполагаемаго, ни на чемъ не основаннаго знанія того блага, къ которому стремится клещъ, дѣлаютъ наблюденія и выводы даже о самой сущности жизни.

Всякое мое понятіе о внѣшней жизни основано на сознаніи моего стремленія къ благу. И потому, только познавъ, въ чемъ мое благо и моя жизнь, я буду въ состояніи познать и то, что есть благо и жизнь другихъ существъ. Благо же и жизнь другихъ существъ, не познавъ своей, я никакъ не могу знать.

Наблюденіе надъ другими существами, стремящимися къ своимъ, неизвѣстнымъ мнѣ цѣлямъ, составляющимъ подобіе того блага, стремленіе къ которому я знаю въ себѣ, не только не могутъ ничего уяснить мнѣ, но навѣрное могутъ скрыть отъ меня мое истиное познаніе жизни.

Вѣдь изучать жизнь въ другихъ существахъ, не имѣя опредѣленія своей жизни, это все равно, что описывать окружность, не имѣя центра ея. Только установивъ одну непоколебимую точку какъ центръ, можно описывать окружность. Но какія бы фигуры мы ни рисовали, безъ центра не будетъ окружности.

Прибавленіе 2-ое.

Ложная наука, изучая явленія, сопутствующія жизни, и предполагая изучать самую жизнь, этимъ предположеніемъ извращаетъ понятіе жизни; и потому, чѣмъ дольше она изучаетъ явленія того, что она называетъ жизнью, тѣмъ больше она удаляется отъ понятія жизни, которое она хочетъ изучать.

Сначала изучаются животныя млекопитающія, потомъ другія, позвоночныя, рыбы, растенія, кораллы, клѣточки, микроскопическіе организмы, и дѣло доходитъ до того, что теряется различіе между живыми и неживыми, между предѣлами организма и не организма, между предѣлами одного организма и другого. Доходитъ до того, что самымъ важнымъ предметомъ изслѣдованія и наблюденія представляется то, что уже не можетъ быть наблюдаемо. Тайна жизни и объясненіе всего представляется въ запятыхъ, живчикахъ, не видныхъ уже, а скорѣе предполагаемыхъ, нынче открываемыхъ, а завтра забываемыхъ. Объясненіе всего предполагается въ тѣхъ существахъ, которыя содержатся въ микроскопическихъ существахъ, и тѣхъ которыя еще и въ этихъ... содержатся, и т. д. до безконечности, какъ будто безконечная дѣлимость малаго не есть безконечность такая же, какъ и безконечность великаго. Тайна откроется тогда, когда будетъ изслѣдована вся безконечность малаго до конца, т. е. никогда. И люди не видятъ того, что представленіе о томъ, что вопросъ получаетъ разрѣшеніе въ безконечно маломъ, есть несомнѣнное доказательство того, что вопросъ поставленъ неправильно. И эта послѣдняя стадія безумія—та, которая явно показываетъ совершенную утрату смысла изслѣдованій,—эта-то стадія и считается торжествомъ науки; послѣдняя степень слѣпоты представляется высшею степенью зрячести. Люди зашли въ тупикъ и тѣмъ явно обличили передъ собою ложь того пути, по которому они шли; и туть-то нѣтъ предѣловъ ихъ восторгамъ. Еще немного усилить микроскопы, и мы поймемъ переходъ изъ неорганическаго въ органическое, и органическаго въ психическое, и вся тайна жизни откроется намъ.

Люди, изучая тѣни вмѣсто предметовъ, забыли совсѣмъ про тотъ предметъ, тѣнь котораго они изучали, и все дольше и дольше

углубляясь въ тѣнь, пришли къ полному мраку и радуются тому, что тѣнь сплошная.

Значеніе жизни открыто въ сознаніи человѣка, какъ стремленіе къ благу. Уясненіе этого блага, болѣе и болѣе точное опредѣленіе его, составляетъ главную цѣль и работу жизни всего человѣчества, и вотъ, вслѣдствіе того, что работа эта трудна, т. е. не игрушка, а работа, люди рѣшаютъ, что опредѣленіе этого блага и не можетъ быть найдено тамъ, гдѣ оно положено, т. е. въ разумномъ сознаніи человѣка, и что поэтому надо искать его вездѣ,— только не тамъ, гдѣ оно указано.

Это въ родѣ того, что бы дѣлалъ человѣкъ, которому дали на запискѣ точное указаніе того, что ему нужно, и который, не умѣя прочесть ее, бросилъ бы эту записку и спрашивалъ бы у всѣхъ встрѣчныхъ, не знаютъ ли они того, что ему нужно. Опредѣленіе жизни, которое неизгладимыми буквами, въ его стремленіи къ благу, начертано въ душѣ человѣка, люди ищутъ вездѣ, только не въ самомъ сознаніи человѣка. Это тѣмъ болѣе странно, что все человѣчество, въ лицѣ мудрѣйшихъ представителей своихъ, начиная съ греческаго изреченія, гласившаго „познай самого себя“, говорило и продолжаетъ говорить совершенно обратное. Всѣ ученія религіозныя суть ни что иное, какъ опредѣленія жизни, какъ стремленія къ дѣйствительному, необманному благу, доступному человѣку.

Прибавленіе 3-е.

Все яснѣе и яснѣе слышится человѣку голосъ разума; человѣкъ чаще и чаще прислушивается къ этому голосу, и приходитъ время и пришло уже, когда голосъ этотъ сталъ сильнѣе, чѣмъ голосъ, призывающій къ личному благу и къ обманному долгу. Съ одной стороны, становится все болѣе и болѣе яснымъ, что жизнь личности съ ея приманками не можетъ дать блага, съ другой стороны, то, что уплата всякаго долга, предписываемаго людьми, есть только обманъ, лишающій человѣка возможности уплаты по единственному долгу человѣка—тому разумному и благому началу, отъ котораго онъ исходитъ. Тотъ давній обманъ, требующій вѣры въ то, что не имѣетъ разумнаго объясненія, уже износился и нельзя возвратиться къ нему.

Прежде говорили: не разсуждай, а вѣрь тому долгу, что мы предписываемъ. Разумъ обманетъ тебя. Вѣра только откроетъ тебѣ истинное благо жизни. И человѣкъ старался вѣрить и вѣрилъ; но сношенія съ людьми показали ему, что другіе люди вѣрятъ въ совершенно другое и утверждаютъ, что это другое даетъ большее благо человѣку. Стало неизбѣжно рѣшить вопросъ о томъ, какая—изъ многихъ—вѣра вѣрнѣе, а рѣшать это можетъ только разумъ.

Человѣкъ и всегда познаетъ все черезъ разумъ, а не черезъ вѣру. Можно было обманывать, утверждая, что онъ познаетъ черезъ вѣру, а не черезъ разумъ; но какъ только человѣкъ знаетъ двѣ вѣры и видитъ людей, исповѣдующихъ чужую вѣру такъ же, какъ онъ свою, такъ онъ поставленъ въ неизбѣжную необходимость рѣшить дѣло разумомъ. Буддистъ, познавши магометанство, если онъ останется буддистомъ, останется буддистомъ уже не по вѣрѣ, а по разуму. Какъ скоро ему предстала другая вѣра и вопросъ о томъ, откинуть ли свою или предлагаемую,—вопросъ рѣшается неизбѣжно разумомъ. И если онъ, узнавъ магометантство, остался буддистомъ, прежняя слѣпая вѣра въ Будду уже неизбѣжно зиждется на разумныхъ основаніяхъ.

Попытки въ наше время влить въ человѣка духовное содержаніе черезъ вѣру помимо разума—это все равно, что попытки питать человѣка помимо рта.

Общеніе людей показало имъ ту, общую имъ всѣмъ, основу познанія, и люди уже не могутъ вернуться къ прежнимъ заблужденіямъ;—и наступаетъ время и наступило уже, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ.

Заглушить этотъ голосъ нельзя, потому что голосъ этотъ не чей-нибудь одинъ голосъ, а голосъ всего разумнаго сознанія человѣчества, который высказывается и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, и въ лучшихъ людяхъ человѣчества, и теперь уже въ большинствѣ людей.

КОНЕЦЪ.

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

И. Г. МАЛМЫГО

„ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СУВОРОВСКІЙ, 5.

ПРЕДЛАГАЕМЪ ДЕШЕВО

ПОЛНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

4 т. Козлова, 2 р. 50 к.; 5 т. Рышкова, 2 р. 50 к.; 5 т. Фадѣев 2 р.; 22 т. Мельникова-Печерскаго, 18 р.; 5 т. Ибсена, 3 р.; 10 Гауптмана, 1 р. 50 к.; 4 т. „Тысяча и одна ночь“ роскошн. из съ иллюстраціями вмѣсто 9 р. 50 к. за 4 р. 50 к., въ художест переплетѣ 7 р.; 24 т. Писемскаго, въ коленкоровомъ перепле за 12 р.; 10 т. Даля, въ коленкоровомъ переплетѣ 6 р.; 30 т. Диккенса, въ роскошномъ коленк. переплетѣ вмѣсто 37 р. 50 25 рублей; 12 т. Элизы Оржешко, въ роскошн. коленкорово переплетѣ за 10 р.; 12 т. Потѣхина, въ роскошномъ коленкор вомъ переплетѣ за 12 р.; 2 т. Помяловскаго, въ роскошномъ к ленкоровомъ переплетѣ за 3 р.; 12 т. Мачтета, 5 рублей; 12 Жуковскаго, 1 р. 20 к.; 16 т. Гейне, 1 р. 60 к.; 12 т. Григор вича, 6 р.; 12 т. Гончарова, 6 р.; 24 т. Достоевскаго, 9 р.; 50 Шеллера-Михайлова, 4 р. 50 к.; 12 т. Гоголя, 3 р.; 4 т. Горб нова, 80 к.; 36 т. Лѣскова, 3 р. 50 к.; 24 т. Данилевскаго, 3 50 к.; 12 т. Тургенева, 9 р.; 16 т. Чехова, 7 р.; 12 т. Боборыки 2 р. 75 к.; 20 т. Самарова, 2 р. 50 к.; 18 т. Левитова, 3 р. 40 Салтыкова-Щедрина, 5 р.; 50 т. Станюковича, 5 р.; 10 т. А. Т стого, 3 р.; 12 т. Островскаго, въ шикарномъ переплетѣ 18 20 т. Большая Энциклопедія, въ изящн. переплетѣ 50 р.; 34 Всемірная исторія съ иллюстр. 3 р. 50 к.; 88 т. Ж. Верна, 10 6 т. Грановскаго, 1 р.; 10 т. Гребенки, 3 р.; Полное собраніе Гнѣди 1 р. 50 к.; Полное Державина, 1 р. 50 к.; 12 т. Крашевска 2 р. 50 к.; 12 т. Шекспира, 6 р.; 28 т. Г. Успенскаго, 4 р.; Р кій журналъ „Шутъ“ за 2 года 1897-8, со сказкой Конекъ Г бунокъ съ рисунками знам. художн. Афанасьева вмѣсто 14 р. 5 р.; 6 т. Элизе Реклю, Человѣкъ и земля, роскошное изд. Бр гауза-Ефрона вмѣсто 39 р. за 25 р. 36 т. Гамсуна, 4 руб.; 20 Каразина, 4 р.

Магазинъ и складъ: СПБургъ, Суворовскій пр., 5.

Телефонъ № 107-31.